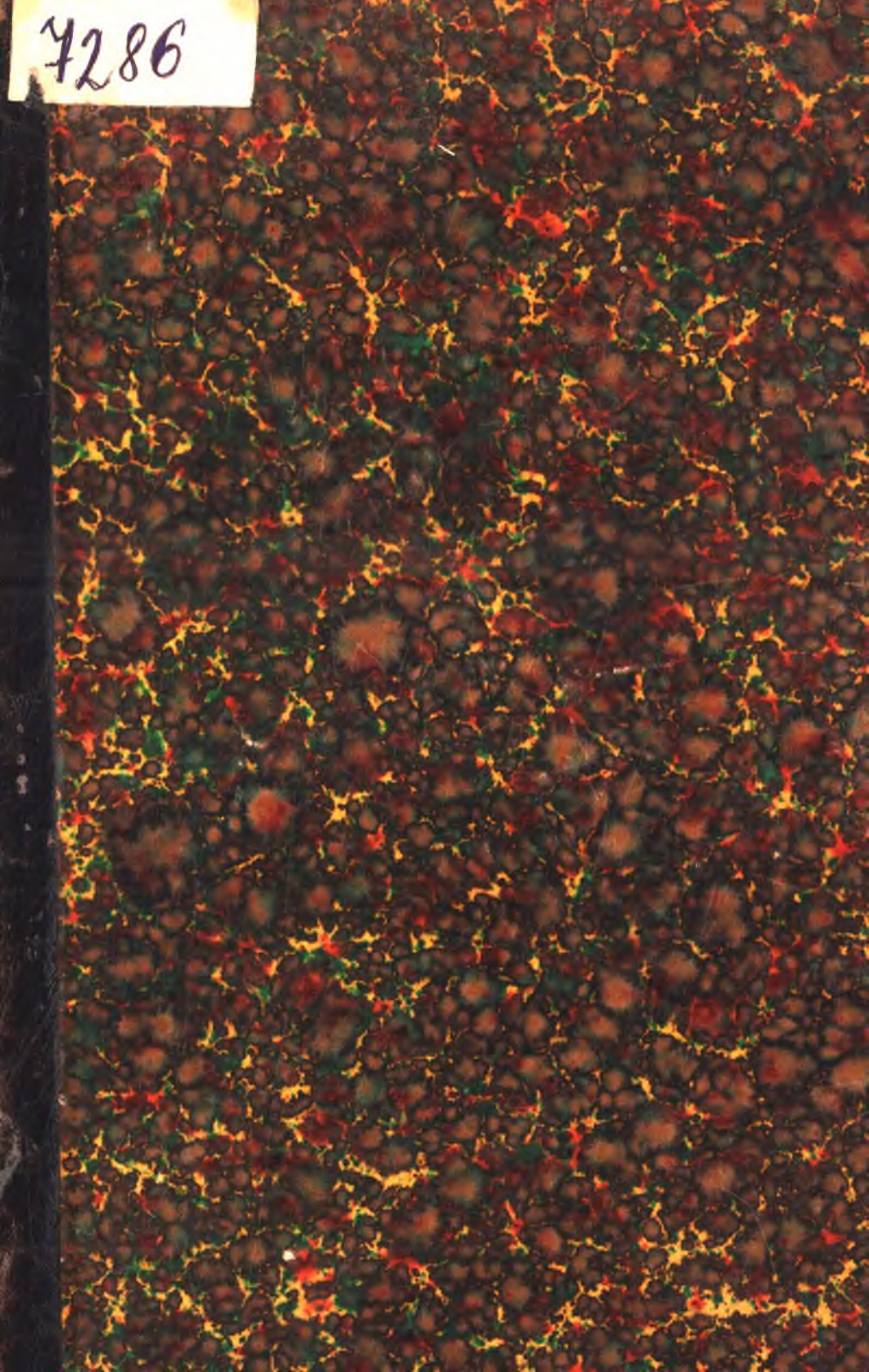

7286

~~Одес. б. н. 436~~

В. Родниковъ.

~~4059~~

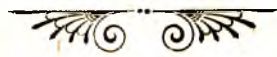
= 4 НОЯ 1941

ОЧЕРКИ

— ПО —

ИСТОРИИ РУССКОЙ ПЕДАГОГИИ.

7286

~~2289~~

ИБ ПНУС

7286

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мерингов. ул., № 6.
1909.

Практика прошлаго.

Снимокъ изъ букваря, изд. Феодоромъ Поликарповымъ въ 1701 г.
Экземпляръ Библиотек. Моск. Дух. Академіи,
по катал. № 27/536.

Идеаль настоящего.

Снимокъ съ картины Богданова-Бѣльскаго, помещаемый во многихъ современныхъ школьныхъ изданіяхъ (Букварь Лебедева, Задачникъ, подъ ред. Н. Соколова и И. Сахарова и др.).

Оглавление.

	Стр.
<i>Исторія русской педагогии.</i> Задача науки; главнѣйшія работы по ней	1—3
<i>Первый (домонгольскій) періодъ русской школы.</i> Начало грамотности; предметы преподаванія; церковный характеръ образованности. Воспитательные идеалы	3—8
<i>Татарская эпоха и время собиранія Руси (XIII—XV в.в.).</i> Упадокъ просвѣщенія; слѣды грамотности. Монастыри. Мастера; характеръ воспитательныхъ пріемовъ	9—14
<i>Московская Русь (XVI в.).</i> Состояніе грамотности. Воспитательные идеалы по сборникамъ изъ поучен. Златоуста и Домострою. Суровость дисциплины. Первые попытки къ сближенію съ Западомъ	14—20
<i>Юго-Западная Русь въ XV—XVII в.в.</i> Борьба за вѣру и народность съ польскимъ правительствомъ. Братства и братскія школы. Школьный курсъ и школьные порядки по даннымъ Луцкихъ Уставовъ. Кіево-Могиланская Коллегія. Мандрованные дьяки	20—28
<i>Патріархій періодъ (XVII в.).</i> Усиленіе западническаго теченія въ Москвѣ и борьба его съ старо-русскимъ направленіемъ. Первые училища въ Москвѣ. Московская эллино-греческая Академія. Братья Лихуды. Состояніе начального образованія	28—34

<i>Характеристика просвѣщенія, педагогическихъ идеаловъ и приемовъ XVIII-го в. Отношеніе къ православію, Западу и южно-русской образованности. Епифаній Славинецкій и Симеонъ Полоцкій</i>	34—41
<i>Эпоха Петра В. Усиленіе сношеній съ иностранцами. Профессиональный характеръ образованности. Школьная дисциплина. Педагогическія воззрѣнія св. Димитрія Ростовскаго и И. Т. Посошкова. Ѳ. Салтыковъ и вопросъ о женскомъ образованіи</i>	41—48
<i>Эпоха ближайшихъ преемниковъ Петра В. Татищевъ, какъ выразитель профессиональнаго принципа образованности.</i>	49—52
<i>Въкъ Екатерины В. Педагогическія воззрѣнія Екатерины. И. И. Бецкій и идея закрытыхъ уч. заведеній. Дѣятельность Яковича-де-Миріево. Педагогическія воззрѣнія Прокоповича-Антонскаго и Сковороды</i>	52—61
<i>Первая половина XIX ст. Школа въ царствованіе Александра I и Николая I</i>	61—66
<i>Эпоха великихъ реформъ. Значеніе крестьянской реформы для просвѣщенія. Развитіе школьнаго дѣла; церковно-приходскія, земскія и воскресныя школы. Женскія гимназіи</i>	66—71
<i>Развитіе общечеловѣческихъ идеаловъ въ нашей педагогіи</i>	71
<i>П. Г. Рѣдкинъ</i>	71—72
<i>Н. И. Пироговъ</i>	72—80
<i>Дальнѣйшее развитіе общечеловѣческаго идеала въ нашей журналистикѣ 60-хъ г.г.</i>	80—81
<i>Идея націонализаціи школы</i>	81
<i>Ушинскій</i>	81—91
<i>Стоюнинъ</i>	91—95
<i>Идея свободнаго образованія</i>	95—96
<i>Д. И. Писаревъ</i>	96—98
<i>Л. Н. Толстой</i>	98—104

<i>Отдѣльные вопросы въ педагогикѣ 60-хъ гл. Бар.</i>	
<i>Корфъ</i> и попытка создать русскую начальную народную школу; <i>Юзефовичъ, Окольскій</i> и вопросъ объ отношеніи государства и общества къ народному образованію; <i>Паульсонъ, Водовозовъ</i> и вопросъ объ упрощеніи и наглядности обученія	104—111
<i>Восьмидесятые годы, церк.-прих. школа и Рачинскій.</i>	111—115
<i>Ильминскій</i> и образованіе инородцевъ	115—116
<i>Лесафть</i> и гигиеническіе вопросы въ воспитаніи .	116
<i>Послѣдніе годы въ русской педагогикѣ</i>	117—119

Очерки по исторіи русской педагогіи.

Школа и жизнь—вотъ два начала, неразрывность которыхъ, кажется, совершенно излишне доказывать; они тѣсно связаны. Но сама жизнь не стоитъ, она непрерывно движется и въ зависимости отъ ея движеній измѣняются и народные идеалы. Не можетъ оставаться безъ движенія и школа, тѣсно связанная съ жизнью. Можетъ быть, это движеніе идетъ не всегда впередъ, но оно всегда есть. Школа съ ея идеалами, какъ и сама жизнь, имѣетъ исторію. Вотъ почему и педагогическая мысль не можетъ знать застоя, она движется вмѣстѣ съ движеніемъ школы и жизни. Положеніе, безспорное для новаго времени, повидимому, является не для всѣхъ очевиднымъ по отношенію къ нашей старинѣ. Тамъ, какъ будто-бы, не хотятъ иногда видѣть работы педагогической мысли. Тамъ находятъ возможнымъ констатировать только «косность мысли». По крайней мѣрѣ, такъ обстоитъ дѣло въ статьѣ г. Д. Галанина, «Идеалы воспитанія въ Россіи—Историческій очеркъ» (Педагогич. Лист. 1904, 1). Констатируя указанную «косность мысли» въ нашей старинѣ, авторъ названной статьи не хочетъ видѣть никакого различія въ возрѣніяхъ Мономаха, Домостроя и Посошкова. Но законы исторіи, какъ и законы жизни, вездѣ одинаковы и обязательны не только для настоящаго, но и для прошлаго, для старины. Вотъ почему мы и находимъ возможнымъ сдѣлать попытку прослѣдить исторію нашей педагогической мысли въ связи съ исторіей нашей обра-

зованности и нашей школы и при томъ отъ начала этой послѣдней.

Дальше. Мы сказали, что школа тѣсно связана съ жизнью, она отражаетъ на себѣ жизнь съ ея требованіями. Жизнь же требуетъ отъ школы, чтобы школа помогала ей осуществить на землѣ возможно наилучшій строй, требуетъ, чтобы она подготавливала для жизни лучшихъ людей. Прослѣдить исторію развитія педагогическихъ идеаловъ значить, поэтому, прослѣдить исторію постепеннаго развитія народнаго самосознанія, поскольку это самосознаніе выражается въ выработкѣ идеала человѣка, того идеала, который предносится взорамъ цѣлаго общества и провозглашается наиболѣе чуткими его представителями.

Свои матеріалы исторія русской педагогіи должна черпать изъ общихъ историческихъ источниковъ, а равно произведеній какъ древне-русской письменности, такъ и новой педагогической литературы. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ качествѣ ближайшихъ пособій при изученіи исторіи русской педагогіи можно указать слѣдующія работы. *М. Демковъ*, Исторія русской педагогіи, ч. I. — Древне-русская педагогія (X—XVII в.в.), Ревель, 1895; *Его же*, Исторія русской педагогіи XVIII-го вѣка, СПБ. 1897; *Его же*, Русская педагогика въ главнѣйшихъ ея представителяхъ (Опытъ педагогической хрестоматіи), Москва, 1898; *С. Миропольскій*. Очеркъ исторіи ц.-приходской школы, СПБ. 1894; *Н. Полетаевъ*, Краткій историческій очеркъ начальной, преимущественно церковной школы на Руси, Вятка, 1898; *В. Григорьевъ*, Историческій очеркъ русской школы, Москва, 1900; *П. Каптеревъ*. Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели, СПБ. 1897; *К. Ельницкій*, Русскіе педагоги второй половины XIX столѣтія. СПБ. 1904; *В. Ключевскій*, Два воспитанія (Историческій очеркъ), Р. Мысль 1893, 3; *Д. Галанингъ*, указанная выше статья; *П. Милуковъ*, Очерки по исторіи русской культуры, ч. 2 (Церковь и Школа), СПБ. 1905; *Е. Лихачева*, Матеріалы по исторіи женскаго образованія въ Россіи, СПБ. 1890.

Частнѣйшія пособія по отдѣльнымъ вопросамъ будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

Первый (домонгольскій) періодъ русской школы ¹⁾.

Грамотность у насъ на Руси начинается вмѣстѣ съ христіанствомъ. Огромное значеніе для насъ въ данномъ случаѣ имѣла дѣятельность свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Изобрѣта славянскую азбуку, они тѣмъ самымъ подготовили славянскую письменность, которая встѣдъ за христіанствомъ проникла къ намъ изъ Болгаріи. Справедливо, поэтому, слово мниха Іакова, по которому наши предки приняли святое крещеніе, «готово имуще святое писаніе и книги переведены съ греческаго языка на славянскій». А «славянскій языкъ и русскій — одно», по лѣтописцу ²⁾; это этнографическое единство славяно-русскихъ племень, а равно сходство съ ними Болгарь, являются важнымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ распространенія среди нихъ славянской грамоты.

О самомъ началѣ книжнаго ученія на Руси въ лѣтописи мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе. Св. Владимірѣ, просвѣтивъ русскихъ крещеніемъ, «нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученіе книжное; матере же чадь сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяху ся утвердили вѣроу, но яко по мертвеци плакахуся. Симъ же раздаяннымъ на ученіе книгамъ, сбысться пророчество на русьстѣй земли, глаголющее: въ оны дни услышатъ глуसीи словеса книжная, и яень будетъ языкъ гугнивыхъ» ³⁾. Подлинность даннаго мѣста подтверждается на-

¹⁾ См. по данному вопросу: *С. Миропольскій*, Очеркъ исторіи ц.-пр. школы, вып. первый; отъ основанія школъ при св. Владимірѣ до монгольскаго ига; *Н. Лавровскій*, Древне-русскія училища до XV в. Харьковъ, 1854; *Ө. Леонтовичъ*, Школьный вопросъ въ др. Россіи. Варш. Ун. Извѣст. 1894, V; *М. Хмыровъ*, Училища и образованность на Руси до-Петровской. Нар. Шк. 1869, IV—X.

²⁾ Полн. Собр. Русск. Лѣтописей, I, 42.

³⁾ П. С. Р. Л. I, 51.

личностію его въ различныхъ спискахъ лѣтописи. Принимая это мѣсто, Татищевъ восполняетъ его указаніемъ на ближайшее сотрудничество Владиміру въ его просвѣтительномъ дѣлѣ—духовенства ¹⁾. Связь между первоначальнымъ обученіемъ и церковію при св. Владимірѣ дѣйствительно можно устанавливать, имѣя въ виду, что духовные люди являлись теперь единственными представителями грамотности. До нѣкоторой степени въ подтвержденіе этой мысли мы можемъ опираться и на замѣчаніе лѣтописца, что матери плакали по дѣтямъ, забираемымъ въ ученіе: *еще бо не бяху ся утвердили впроу.*

О преемникѣ Владиміра Ярославѣ Мудромъ подъ 1030 г. въ лѣтописи сообщается, что онъ, прийдя въ Новгородъ, «собра отъ старость и поповыхъ дѣтей 300 учти книгамъ». Самъ Ярославъ былъ очень прилеженъ къ книгамъ, читалъ ихъ день и ночь и заботился, по слову лѣтописца, о «насъянїи книжныхъ словесъ въ сердца вѣрныхъ людей». Заставляя переводить и переписывать книги, онъ составилъ, такимъ образомъ, цѣлую (Софійскую) библіотеку ²⁾. По нѣкоторымъ лѣтописнымъ даннымъ можно заключать, что въ Новгородѣ школы были и до 1030 г. ³⁾ и упомянутый фактъ мы, вмѣстѣ съ Лавровскимъ, можемъ даже считать, какъ попытку расширенія курса и распространенія уже существующаго училища ⁴⁾. Распространялась грамота и по другимъ мѣстностямъ. Изъ житія пр. Θεодосія видно, что грамотность существовала въ Курскѣ. Наконецъ, въ лѣтописи есть ясныя указанія на заботы о школьномъ дѣлѣ Ярослава Владиміровича Галицкаго ⁵⁾ и Романа Ростиславича Смоленскаго. О послѣднемъ Татищевъ передаетъ извѣстіе: «Онъ былъ вельми ученъ всякихъ наукъ и къ ученію многихъ людей понуждалъ,

¹⁾ Истор. Росс. II, 75.

²⁾ П. С. Р. Л. I, 56—57.

³⁾ Въ Новгородской (II) лѣтописи читаемъ о еп. Акимѣ († 1030 г.), что онъ имѣлъ ученика Ефрема, „иже ны (лѣтописца и его товарищей) учаше“.—П. С. Р. Л. III, 121.

⁴⁾ Лавровскій, стр. 35.

⁵⁾ П. С. Р. Л. II, 135.

устроая на то училища, (приглашавъ) учителей... и не хотѣль имѣть священниковъ неученыхъ»¹⁾). Есть основаніе, наконецъ, допускать теперь и наличность у насъ женскаго образованія и считать княжну Анну (Янку), дочь Всеволода Ярославича, основательницею перваго женскаго училища въ Кіевѣ²⁾). Равно, объ Евфросиніи Полоцкой есть извѣстіе, что она была «научена книжному писанію», учила грамотѣ она и сестру свою Гордису, а равно и инокинь Полоцкаго монастыря³⁾).

Изъ снесенія различныхъ мѣстъ лѣтописей можно заключить, что предметомъ начальнаго обученія теперь служили чтеніе, письмо и, быть можетъ, пѣніе⁴⁾). Отраженіе этого мы можемъ видѣть и въ былинахъ.—Дала мать Василія Буслаева «учить грамотѣ,—грамота ему въ наукъ пошла. Посадила его перомъ писать,—письмо Василю въ наукъ пошло. Отдавала она его пѣтью учить,—пѣтье Василю въ наукъ пошло».

Кромѣ механическаго чтенія, требовалось пониманіе читаемаго, какъ это можно выводить изъ замѣчанія Святослава Сборника (1076 г.), гдѣ говорится: «когда читаешь книги... разумѣй, что глаголють книги... поразумѣемъ и послушаемъ разумными ушами и поразумѣемъ силу и поученіе святыхъ книгъ». О св. Феодосіи въ житіи его сказано: «вѣскорѣ извыче вся гра-

¹⁾ Исторія, II, 239. Говоря о распространеніи у насъ теперь книжнаго знанія, не можемъ не обратить вниманія на слова Кирилла Туровскаго, которыя обнаруживаютъ знакомство автора съ ораторскими приѣмами греческаго краснорѣчія. Вообще же относительно нашей первоначальной образованности историки справедливо говорятъ, что въ отношеніи просвѣщенія Кіевская Русь стояла не ниже прочихъ молодыхъ государствъ и своихъ ближайшихъ сосѣдей-славянъ западныхъ.—*Проф. Платоновъ*. Лекціи по Русск. Исторіи. СПб. 1904. 85.

²⁾ Объ этомъ есть извѣстіе въ Степенной книгѣ, гдѣ говорится, что Анна, собирая инокинь въ женскомъ монастырѣ при церкви Андрея, проводила время „въ читаніи книгъ“ (I, 159); а по Татищеву, она, „собравши младыхъ дѣвиць нѣколько, обучала ихъ писанію, такоже ремесламъ, пѣнію“... Исторія, II, 138.

³⁾ Степенн. кн. I, 270.

⁴⁾ П. С. Р. Л. I, 54. Разсказъ объ убіеніи св. Бориса, котораго убійцы застали за *тнїемъ* заутрени.

матикія». Это показываетъ, что въ школѣ можно было получить, хотя бы и элементы, грамматическихъ знаній ¹⁾).

Относительно характера нашей древнѣйшей школы трудно сказать что нибудь опредѣленное. Съ несомнѣнностію можно сказать только одно,—что въ своей сущности наша образованность была характера религиознаго. Во всемъ остальномъ возрѣнія и практика нашей педагогической остаются для насъ почти совсѣмъ неизвѣстными за неимѣніемъ у насъ несомнѣнныхъ фактическихъ данныхъ. Впрочемъ, здѣсь намъ приходится встрѣтиться съ однимъ небольшимъ затрудненіемъ. Въ Степенной книгѣ, составленіе которой относится къ XVI в. ²⁾, есть мѣсто, которое ярко и въ идеальномъ свѣтѣ рисуетъ намъ нашу древнѣйшую педагогію. Мѣсто это слѣдующее. Сообщивъ объ извѣстномъ уже намъ приказаніи св. кн. Владиміра собирать дѣтей для книжнаго обученія, книга повѣствуетъ: «Богодухновенный же учитель, преосвященный митрополитъ Михаилъ призываше къ себѣ всѣхъ тѣхъ учителей грамотныхъ и наказываше ихъ правѣ и благочиннѣ учить юныя дѣти, якоже словесѣмъ книжнаго разума, такожде и благоправію и въ правдѣ и въ любви и зачалу премудрости, страху Божию, чистотѣ и смиренномудрію; учить же ихъ не яростію, ни жестокостію, ни гнѣвомъ, но радостовиднымъ страхомъ и любовнымъ обычаемъ и сладкимъ проученіемъ и ласковымъ разсужденіемъ противу коегождо силы и съ ослабленіемъ, да не унывають, наипаче всегда прилагати имъ ученіе отъ закона Господня на пользу души же и тѣла; отъ безумныхъ же и неподобныхъ

¹⁾ Проф. Е. Голубинскій, на основаніи одного мѣста въ новооткрытомъ посланіи митр. Климента Смолятича къ пресвитеру Ѳомѣ, допускаетъ возможность заимствованія русскими домонгольскаго періода отъ грековъ т. н. схедеографіи, представлявшей высшій курсъ грамотности; схедеографія состояла въ систематизаціи (быть можетъ, по алфавиту) различныхъ формъ и особенностей языка.—См. Извѣст. Отд. Русск. Яз. и Слов. Импер. Ак. Наукъ, 1904, т. IX, к. 2. стр. 49—59.

²⁾ Частнѣе—къ 1563 г. См. книгу П. Васенка. Книга степеней и ея значеніе въ др.-рус. историч. письменности. СПб. 1904, стр. 217.

словесъ вслѣдствіи ошаятся»¹⁾. Мѣсто, какъ видимъ, очень любопытное и до сихъ поръ историки нашей педагогій принимали его, какъ подлинное прямое свидѣтельство²⁾. Но оно вызываетъ большія сомнѣнія. Новѣйшею историческою наукой самое существованіе Михаила, какъ перваго митрополита Кіевскаго, подвергается большому сомнѣнію или прямо отвергается³⁾. Да и его наказаніе учителямъ *нидѣ* въ раннихъ памятникахъ не встрѣчается. Вотъ почему мы можемъ смѣло относить его на счетъ самого автора Степенной книги⁴⁾. Но если мы и не можемъ придавать историческое значеніе приведенному свидѣтельству, все же мы должны сказать, что оно вполне гармонируетъ съ духомъ нашей домонгольской старины, когда завѣщаніемъ Мономаха совершенно запрещалась смертная казнь, когда даже и за уголовныя преступления не допускалось тѣлесныхъ наказаній. Тѣмъ менѣе подобныхъ наказаній и тѣмъ болѣе гуманности мы должны предполагать въ школьно-воспитательной сферѣ. Вотъ почему, если въ нашей древней педагогій и выступаютъ въ качествѣ воспитательныхъ пособій жезль и лоза, то они появляются на сцену уже позднѣе и фигурируютъ въ литературныхъ памятникахъ слѣдующихъ уже эпохъ.

Много темныхъ сторонъ указываетъ исторіи въ нашей древне-русской домонгольской жизни, но во всякомъ случаѣ предъ наиболѣе чуткими представителями тогдашняго общества носился идеалъ совершенной жизни и совершеннаго человѣка. Въ числѣ такихъ чуткихъ людей нашей древности слѣдуетъ указать Владиміра Мономаха. О его вѣсѣмъ извѣстномъ «Поученіи» Демковъ справедливо замѣчаетъ, что здѣсь, какъ бы въ зародышѣ, находятся тѣ педагогическія начала, которыя впоследствии предстоло

¹⁾ Степенн. кн. I, 143—144.

²⁾ Демковъ, Истор. Пед. I, 2. 8; Миропольскій, I, 14; Григорьевъ, стр. 13; Поletaевъ, стр. 5. 30.

³⁾ И. Мальшевскій, Кто былъ первый митр. Кіевскій? Тр. Кіев. Д. Ак. 1863, 10; Е. Голубинскій, Исторія р. церкви, I, 1, стр. 242.

⁴⁾ Объ этомъ наша статья.— «О т. н. наказѣ митр. Михаила учителямъ при св. Владимірѣ».

развить, расширить и углубить русской педагогii 1). Завѣщая своимъ дѣтямъ чтить церковь и пастырей церкви, любить и хранить землю русскую, Мономахъ ставитъ своею задачею научить своихъ дѣтей «благочестивому дѣланію по евангельскому словеси». Основою этого «дѣланія» являются, по Мономаху, не внѣшняя обрядность, а истинное благочестіе, страхъ Божій и любовь къ людямъ. «Бѣдныхъ, убогихъ не забывайте, частнѣе наставляеть онъ, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покорятися, съ равными и меншими любовь имѣти, много разумѣти, не свирѣствовати словеси... лжи блюдитесь». Мы видимъ, что начала гуманности, прививаемыя церковію, начинаютъ входить въ жизнь, какъ ея требованіе. Главныя свойства человѣка, по идеалу Мономаха,—человѣколюбіе и трудолюбіе, основанныя на религіозности, страхѣ Божиємъ и благочестіи.

Кромѣ важности религіозно-этического элемента въ жизни человѣческой, въ этомъ поученіи впервые указывается на цѣнность знанія: «все хорошее, узнавъ, помните, чего не знаете, тому учитесь, о томъ читайте» 2). Этотъ возвышенный взглядъ на книги и на ученіе, какъ видно, прививается нашему древнему обществу: съ этимъ взглядомъ мы встрѣчаемся и въ другихъ памятникахъ эпохи. «Для коня узда правитель есть и удержаніе, читаемъ мы въ Сборникѣ Святослава, а праведнику—книги. И что для корабля—вѣтеръ, для воина—оружіе, для плѣнника—дума о домѣ родительскомъ, то для праведника почитаніе книжное». Подобное мы находимъ и въ начальной лѣтописи: «велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго, ими (книгами) мы мудрость приобретаемъ, онѣ суть рѣки, напоющія вселенную» 3).

1) Истор. Пед. I, 47.

2) „Аще забываете всего, а часто прочитайте. Его-же умѣючи, того не забывайте. а его же неумѣючи, того ся учите. Якоже отецъ мой дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ“.

3) П. С. Р. Л. I, 26.

Татарская эпоха и время собиранія Московской Руси (XIII—XV в.в.).

Въ началѣ XIII в. Русь подвергается татарскому нашествію, а затѣмъ и игу татарскому. Застонала русская земля, запылали села и города. Горѣли вмѣстѣ со всѣмъ наши храмы, школы, наши библіотеки, наши книги. Въ дыму пожаровъ погибала, задыхалась наша едва народившаяся образованность.

Нѣкоторые историки стараются доказать, что въ монгольскую эпоху просвѣщеніе у насъ не только не угасло, но даже и *не ослабло* ¹⁾. Другіе и самихъ монголовъ пытаются представить народомъ образованнымъ ²⁾. Но попытки эти справедливыми признать не приходится. Ясно, что образовательныя средства (школы, книги) гибли, какъ сказано, вмѣстѣ со всѣмъ остальнымъ на Руси. Но этого мало. Татарское иго остановило развитіе государственной жизни, еще не успѣвшей сложиться и окрѣпнуть. Князья теперь должны были всѣ заботы употреблять только на защиту своихъ областей отъ хановъ и ихъ баскаковъ. Для образовательныхъ заботъ князей уже не было мѣста. Дальше. Князья и епископы должны были ѣздить въ Орду, кланяться ханамъ, терпѣть униженія. Простые люди должны были гнуться предъ каждымъ татаринномъ. Это рабство унизило духъ народный, вредно повліяло на нравы, усилило грубость и невѣжество, укorenило суевѣрія и пороки. Не могло все это не отразиться и на нашей образованности. Въ то время, когда было нужно заботиться о сохраненіи жизни, чести и имущества, трудно было думать о просвѣщеніи. Просвѣщеніе, образованность поэтому теперь постепенно падаютъ.

О первыхъ князьяхъ разсматриваемаго времени мы имѣемъ еще благопріятные отзывы. Владимира Вольнскаго († 1288 г.) лѣтописецъ называетъ книжникомъ великимъ, философомъ, какого

¹⁾ *Макарій*, Истор. Русск. Церк. т. V, 129.

²⁾ *Эрдманъ*, Предки Чингисъ-Хана. Журн. Мин. Н. Пр. 1843.

не было по всей землѣ и который «глаголаше ясно отъ книгъ»¹⁾. Но уже о Димитрии Донскомъ извѣстно, что онъ «не былъ хорошо изученъ книгамъ», а сынъ его Василій Темный былъ «не книженъ, ни грамотенъ». ~~Наше~~ тогдашнее духовенство было, конечно, по самому положенію своему грамотнымъ, а высшіе его представители выдвинули изъ своей среды не мало и людей большой образованности и учительности. Таковыми были митрополиты Петръ, Алексій, Кипріанъ, епископы Нифонтъ Новгородскій, Серапіонъ Владимірскій—краснорѣчивый писатель и др. Что касается низшаго духовенства, то и здѣсь мы находимъ такого пытливаго книжника, какъ діаконъ Кирикъ съ его извѣстными «вопрошаніями». Затѣмъ изъ того факта, что безграмотность дѣтей духовенства въ эту эпоху считается основаніемъ причислять ихъ къ *изюямъ*²⁾, можно заключать, что грамотность для духовенства была теперь обязательной и составляла одно изъ условій пользованія сословными правами. Но не взирая на все это, грамотность въ духовенствѣ падала, и подъ конецъ періода мы находимъ мрачную картину, нарисованную Новгородскимъ архіеп. Геннадіемъ. Говоря о невѣжествѣ духовенства, онъ въ своемъ посланіи къ митроп. Симеону пишетъ: «Приведуть ко мнѣ мужика (для поставленія во священники) и я ему велю дать Апостоль читать, а онъ и ступить не умѣеть; я ему Псалтирь велю дать, а онъ и по тому едва бредеть; я ему откажу, а они мнѣ возражаютъ: земля, господине, такова: не можемъ пайти гораздаго грамотѣ... И я прикажу учить его эктени, а онъ и къ слову не можетъ пристать, я велю учить азбуку, а они поучатся мало, да просятъ прочь и не хотятъ ея учить... а хотя учатся, то не отъ усердія; а на меня брань бываетъ отъ ихъ нерадѣнія; а моей силы нѣтъ, чтобы ихъ не учивъ ставити».

Если такъ обстояло дѣло съ духовенствомъ, то о народныхъ массахъ и говорить нечего.

¹⁾ Вольнск. лѣтоп., 218.

²⁾ Грамота Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила.

Но во всякомъ случаѣ было бы исторически несправедливо думать, что въ эпоху татарщины школьное дѣло у насъ на Руси совершенно прекратилась. И самъ Геннадій жалуется не столько на отсутствіе у насъ школъ, сколько на непригодность ихъ для приготовленія къ священству. Грамотность же у насъ несомнѣнно существовала, что доказывается уже тѣмъ, что существовала и письменность, какъ оригинальная, такъ и переводная¹⁾. Есть у насъ и прямыя указанія на существованіе теперь школъ и школьныхъ учителей. Въ ярлыкѣ хана Узбека митр. Петру (1313 г.) между прочими гражданскими лицами упоминаются «книжники, уставодержальники и учительные людскіе повѣстники». Изъ житій многихъ святыхъ (Митроп. Петръ, Алексій, Сергій Радонежскій, Зосима Соловецкій, Стефанъ Пермскій) видно, что они еще въ дѣтствѣ (около семилѣтняго возраста) отдавались въ книжное наученіе. А у Карамзина мы находимъ цѣлую картину школьной жизни. Разсказъ передается отъ лица Юны Новгородскаго. Послѣдній говоритъ о себѣ: «когда я былъ малъ, оставшись сиротою послѣ отца семилѣтъ, нѣкая вдова отдала меня въ наученіе грамотѣ дяку. Было же въ училищѣ томъ множество учащихся дѣтей, а я по своему убожеству тихъ былъ. Однажды, около вечерень, когда дѣти, идя изъ школы, играли, шелъ по улицѣ юродивый («блаженъ мужъ»); дѣти, устремившись на него, стали бросать камнями, а я стоялъ въ сторонѣ. Онъ же, оставивъ дѣтей, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативши меня за волосы, поднялъ выше себя и, не зная меня, сталъ меня называть по имени: «Иванецъ, учися грамотѣ: быть тебѣ въ Великомъ Новгородѣ архіепископомъ»²⁾.

Но частныя школы, при неблагопріятныхъ условіяхъ эпохи, широко быть распространенными не могли. Вотъ почему грамотность, какъ и вся образованность, постепенно стала уходить за стѣны монастырей.

¹⁾ Относительно послѣдней въ Исторіи *Магарія* утверждается, что теперь она была даже богаче, чѣмъ прежде. Ист. Р. Церк. V, 129.

²⁾ *Карамзинъ*, Ист. Госуд. Росс. V, примѣч. 386.

Трудно было жить русскимъ людямъ во времена татарщины. Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и предприимчивость. Нравы, самое состояніе общества, ви́шнія бѣдствія—все это, по справедливому замѣчанію Демкова ¹⁾, влекло лучшихъ людей отдалиться отъ міра. Въ монастыри стремятся мужчины и женщины ²⁾. Если не было возможности самимъ поступить въ монастырь, то русскіе люди шли сюда, хотя бы на время позабыться отъ тяжелыхъ условій окружающей дѣйствительности, помолиться и поучиться. Съ особенною силою выдвигается теперь важное воспитательное значеніе такихъ монастырей, какъ Троице-Сергіевскій ³⁾, Чудовскій, Кирилло-Бѣлозерскій, Волоколамскій, Соловецкій. Здѣсь продолжала существовать грамотность, здѣсь же постепенно скоплялись и книжныя сокровища. Родители сюда посылали своихъ дѣтей для обученія грамотѣ. Молодежь тогдашняя, такимъ образомъ, только въ монастыряхъ могла удовлетворять свои стремленія къ знанію. Монастыри сдѣлались настоящими школами, расадниками книжнаго просвѣщенія.

Монастыри такимъ образомъ сосредоточили въ своихъ рукахъ источники образованности сѣверо-восточной Руси. Въ ихъ стѣнахъ заключалась почти вся книжная дѣятельность и потому неудивительно, что и самой умственной жизни общества былъ данъ монастырскій колоритъ, что образовательное вліяніе монастырей давало въ обществѣ преобладаніе религіозному строю жизни.

Эти жизненные, съ монастырскимъ отбѣнкомъ, идеалы опредѣляли собою и идеалы воспитательные, и главными чертами этой монастырской педагогіи были: постъ, усердная молитва, братолюбіе, нищелюбіе, безропотное послушаніе, терпѣливое перенесеніе трудовъ и почитаніе книжное.

¹⁾ Истор. Пед. I, 62.

²⁾ О послѣднемъ подробнѣе см. у *Лихачевой*, I, 18—19.

³⁾ См. *Н. Кедровъ*, Просвѣтительн. дѣятельность Тр.-Сергіевой Лавры. Моск. 1892.

Подъ конецъ разсматриваемаго періода у насъ начинается развиваться особый видъ учителей, которые изъ обученія дѣтей сдѣлали себѣ ремесло, получивъ въ народѣ названіе «мастеровъ». Изъ житій Мартіана Бѣлозерскаго и Александра Ошевенскаго видно, что они обучались у свѣтскихъ учителей («мірской дьякъ»). Довольно обстоятельно педагогія этихъ мастеровъ изображается въ извѣстномъ уже намъ посланіи Геннадія. «Бю челомъ государю, чтобы велѣлъ заводить училища... А то *мужики невѣжи* учать ребятъ, да рѣчь ему портятъ; да первое изучать ему вечерню, за это принеси мастеру каши да гривну денегъ, за заутреню также да и больше того, а за часы особо, да подарки кромѣ того, что рядилъ отъ него. А какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредеть, а церковнаго устава ничего не знаетъ. А какъ государь укажетъ изучать въ училищахъ... первое—азбуку¹⁾, да и подтительныя слова, да Псалтирь... и чести всякія книги и укажетъ, что брать, то учащимся будетъ легко и не посмѣютъ отказываться. Да чтобы и поновъ ставленныхъ велѣлъ учить, занеже то перадѣніе въ землю вошло».

Грустно звучитъ послѣднее замѣчаніе, по оно въ характерѣ эпохи. Нѣтъ уже теперь той горячей любви къ книжному ученію, которая одушевляла русскихъ людей древнѣйшаго періода. Въмѣсто того начинается распространяться мысль, что не дѣло мірянъ «чести книги», это «дѣло чернецкое».

Что касается до характера нашихъ воспитательныхъ приемовъ, то за отсутствіемъ ясныхъ свидѣтельствъ, что либо определенное сказать здѣсь трудно. Мы не имѣемъ пока послѣдовательно определенныхъ указаній на суровость учебной и воспитательной дисциплины. Въ старинномъ сборникѣ «Пчела», по списку отъ XIV—XV в.²⁾, мы находимъ такія мѣста.—«Учитель

¹⁾ Въ подлинникѣ стоитъ: „азбука-граница истолкована совѣмъ“. Миропольскій здѣсь разумѣетъ составленное акростихомъ краткое изложеніе догматическаго илѣ обличительнаго ученія. См. Очерки Ист. ц.-пр. школы, вып. 3, стр. 30.

²⁾ Изд. В. Семенова, СПб. 1893.

правомъ да покорить ученика, а не словомъ» (Изречен. Епихарія; стр. 155). «Насильно ученіе не можетъ твердо быти; съ радостію же и веселіемъ входя, твердо прилежитъ къ душамъ внимающимъ» (Изречен. Василия В. стр. 157). Но уже въ позднѣйшемъ спискѣ того же сборника мы читаемъ выраженіе— «казни сына твоего и покоить на старость твою». Здѣсь уже начинаютъ звучать тѣ мотивы о «сокрушеніи ребръ» и о воспитаніи «жезломъ желѣзнымъ», которые такъ рѣзко выступаютъ въ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ. Впрочемъ довольно ясно мы съ ними встрѣчаемся и въ сборникѣ словъ Златоуста, относящемся къ XV в. ¹⁾.—«Любя сына своего, жезла на него не щади... накажите дѣти своя не словомъ токмо, но и раною; да не примете иначе чрезъ нихъ отъ людей срама».

Что касается до положенія женщины, то послѣдняя теперь запирается въ теремъ. Спорять о значеніи терема въ исторіи русской женщины, и есть мнѣніе о его благотворномъ значеніи для женщины. Въ эпоху всеобщаго у насъ одичанія теремъ спасъ нравственную чистоту женщины. Но какъ бы то ни было, образованность въ теремѣ во всякомъ случаѣ процвѣтать не могла. Вотъ почему въ исторіи женскаго образованія эпоха терема должна являться одною изъ самыхъ безсодержательныхъ страницъ.

Московская Русь (XVI в.).

Изъ посланія архіеп. Геннадія мы видѣли, что къ концу XV в. грамотность на Руси падаетъ до низшей степени. Это печальное положеніе русской школы официально засвидѣтельствовано Стоглавымъ соборомъ (1551 г.). Въ постановленіяхъ собора звучатъ тѣ же жалобы на педагогію мастеровъ. Вотъ любопытныя выдержки изъ 25-й главы постановленій. «Есть

¹⁾ Рукопись Имп. Публ. Библ., по каталогу № 209. См. описан. у Лавровскаго, стр. 3.

дьяки нѣкоторые, ищущіе діаконства и священства, а грамотѣ мало умѣютъ. Мы, говорятъ, учились у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а больше учиться намъ негдѣ. Сколько отцы наши и мастера умѣютъ, постольку и насъ учать; а отцы ихъ и мастера сами потому же мало умѣютъ и силы въ божественныхъ писаніяхъ не знаютъ, да и учиться имъ негдѣ. А прежде того училища бывали въ Россійскомъ царствѣ, на Москвѣ и въ великомъ Новгородѣ и по другимъ городамъ многіе грамотѣ—писать, и пѣть, и читать—учили». Желая уврачевать зло, соборъ постановилъ, чтобы «у священниковъ и діаконовъ учинить въ домахъ училища, чтобы священники, діаконы и міряне... отдавали бы своихъ дѣтей учиться грамотѣ». А учениковъ учили бы «страху Божію и писать, и пѣть, и читать, со всякимъ духовнымъ наказаніемъ, но особенно оберегали бы своихъ учениковъ и хранили во всякой чистотѣ, и учили бы учениковъ грамотѣ довольно, насколько сами умѣютъ и смыслъ писанія имъ бы толковали, ничего не скрывая, чтобы ученики всѣ книги учили.

Не могли, конечно, эти соборныя предписанія сразу поднять грамотность нашего духовенства, пользуясь слабостію котораго, у насъ вслѣдъ за ересью жидовствующихъ развиваются ереси Башкина и Косого. Понятнымъ становится поэтому сообщеніе англичанина Коллинза: въ 1560 г. была заведена въ Москвѣ латинская школа, но духовенство постаралось ее уничтожить ¹⁾.

Образовательныхъ средствъ теперь недоставало. Не высоко стояли и идеалы воспитательные. Нашими источниками для сужденія по данному вопросу являются оставшіеся отъ XVI в. сборники съ поученіями Златоуста и Домострой.

Любовь къ книжному знанію значительно охладѣла еще въ предшествующій періодъ, поэтому и теперь воспитательная задача сводится не столько къ обученію, къ просвѣщенію ума, сколько

¹⁾ См. Чтен. въ Общ. Ист. и Древн. 1864 г. „О состояніи Россіи въ 1559—68 г.г.

къ развитію нравственныхъ качествъ ¹⁾. Да и эти послѣднія понимаются въ зависимости отъ общаго духа времени. Среди общества, почти еще не успѣвшего стряхнуть съ себя страшный сонъ татарщины, приниженаго сознаниемъ своей рабской зависимости отъ азіатовъ, идеаль челоуѣка естественно понимался своеобразно. Идеальный челоуѣкъ, по понятіямъ того времени— это не была сильная умомъ и волею гуманная личность, стремящаяся свободно осуществить свои челоуѣческія права, проникнутая сознаниемъ долга предъ родиной, предъ обществомъ. Нѣтъ, это былъ домовитый, скромный челоуѣкъ, строго выполняющій церковные обряды и подвиги вышняго благочестія, умѣющій мудро править своимъ домомъ, знать всѣ тонкости общежитія и умѣлымъ выполнениемъ послѣднихъ снискать себѣ почетъ и уваженіе въ обществѣ; типъ ловкаго практичнаго челоуѣка ²⁾. Естественно, что и въ дѣтяхъ хотѣли прежде всего развить страхъ Божій, покорность родителямъ и всякаго рода «вѣжества».

Характеръ воспитательныхъ приѣмовъ тоже не могъ быть особенно гуманнымъ. Это было бы не въ духъ эпохи. Если наша Русская Правда еще не знаетъ тѣлесныхъ наказаній, а Владиміръ Мономахъ увѣщаетъ никого не казнить смертію, то татары снабдили наше правосудіе кнутомъ, и онъ наряду съ смертною казнію фигурируетъ уже въ Судебникѣ Іоанна III (1497 г.; такъ называемая «торговая казнь»). Вслѣдъ за кнутомъ

¹⁾ Домострой не говоритъ о необходимости обучать дѣтей грамотѣ. Миропольскій, принимая во вниманіе, что Домострой посвящается отцемъ—священникомъ Сильвестромъ—сыну, тоже священнику и опираясь на мысли, что грамотность для духовенства являлась дѣломъ необходимымъ,—изъ умолчанія Домостроя о книжномъ обученіи дѣлаетъ выводъ, что это обученіе было настолько дѣломъ обыкновеннымъ, что о немъ не было нужно и упоминать. (Истор. ц.-пр шк. вып. 3, стр. 43). Противъ такого вывода мы можемъ возразить, что самое составленіе Домостроя принадлежитъ не Сильвестру.

²⁾ „Праведенъ буди и истиненъ и смиренъ, очи долу поницаи умъ же къ небеси простирая, умоленъ къ Богу и челоуѣкомъ привѣтливъ и недосадителенъ“.

естественно было появиться и его родной сестрѣ—школьной лозѣ, представляемой въ памятникахъ страшнымъ «жезломъ».

Какъ на источникъ для сужденія о педагогiи этого времени, мы ссылались на сборники изъ поученій I. Златоуста. Златоустъ же, высказывая свое убѣжденіе, что зло вкореняется въ чело- вѣка исключительно только чрезъ дурное воспитаніе¹⁾, ставить цѣлію воспитанія развитіе добродѣтели, или страха Божія. Что же касается до воспитательныхъ средствъ, то у Златоуста здѣсь мы находимъ двойное мнѣніе. Съ одной стороны онъ заповѣдуетъ поучать дѣтей «любовію и прещеніемъ всяческимъ», а съ дру- гой стороны, онъ, слѣдуя педагогическимъ завѣтамъ Библіи, прямо совѣтуетъ: «казни сына отъ юности его и покоить ти на старость твою... Аще бо и жезломъ біеши его, не умреть, но здравѣи будетъ²⁾. Нашимъ русскимъ людямъ того времени особенно по душѣ приходились послѣднія мысли, почему онѣ и доминируютъ въ переводныхъ сочиненіяхъ изъ Златоуста: пере- водчики выбирали то, что наиболѣе отвѣчало понятіямъ того времени и потому имъ особенно правилось. Эти мысли были намъ такъ по душѣ, что наши писатели буквально повторяли ихъ и въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ. Со всею ясностію это мы и видимъ въ Домостроѣ. «А пошлетъ кому Богъ дѣтей, сы- новей и дочерей, то надлежитъ отцу и матери имѣть попеченіе о чадахъ своихъ и воспитывать ихъ добрымъ наказаніемъ, учить ихъ страху Божію, вѣжеству и всякому благочинію. По времени, по дѣтямъ глядя и по возрасту, учить ихъ руководѣлію, отцу—сы- новей, а матери—дочерей, кто къ чему способенъ, каковъ кому просугъ дастъ Богъ... А любить ихъ и беречь и страхомъ спа- сать... и раны возлагать... Аще согрѣшати,—отъ Бога грѣхъ, а отъ людей укоръ и посмѣхъ, а имѣнію тщета» (гл. 19). А вотъ специально о педагогическихъ приемахъ.—«Казни сына твоего

4286

¹⁾ „Не отъ естества людямъ приходитъ зло, но своею волею злы бываютъ“.

²⁾ Сборникъ XVI-го в. „Измарагдъ“. См. у Лавровскаго, стр. 10.

отъ юности его... не ослабѣвай, бѣя младенца; если жезломъ бьешь его, не умреть, но здравѣе будетъ; ибо ты, бѣя его тѣло, душу его избавишь отъ смерти... Дочь ли имѣешь, положи на ней грозу твою... Любя сына своего, учащай ему раны (побои)... Казни сына своего измлада... воспитай дѣтей съ прещеніемъ (строгостію)... не смѣйся игры твоя съ малымъ ребенкомъ... но сокруши ему ребро. Въ маломъ потакнешь ребенку, въ большемъ поскорбишь о немъ» (гл. 21).

Нужно думать, что суровость воспитательной дисциплины здѣсь слишкомъ преувеличивалась и не вполне отвѣчала дѣйствительности. По проф. Ключевскому и самый жезлъ былъ больше метафизическій, для краснаго словца—чѣмъ реальнѣй¹⁾. ~~Не будемъ забывать, что здѣсь же внушается, любить дѣтей и заботиться о нихъ. Да и въ нашихъ сборникахъ этого времени—нѣтъ, нѣтъ, да и примелькнетъ наставленіе гуманнаго характера (Особенно въ т. п. Измарагдѣ). Теперь же, между прочимъ, составлена и Степенная книга²⁾ съ извѣстнымъ уже намъ наказомъ митроп. Михаила. Проникнутый гуманнымъ характеромъ наказъ этотъ не могъ бы появиться въ Степенной книгѣ, если бы въ обществѣ того времени не было и гуманнаго теченія.~~

Что касается до женскаго образованія, то оно, конечно, не могло стоять выше мужскаго. Самый идеаль жены сводится теперь къ заботамъ о томъ, «какъ душу спасти, Богу и мужу угодить и домъ свой благоустроить; что мужъ скажетъ, то съ любовію и со страхомъ принимать и дѣлать по его приказанію». Среди женскихъ типовъ, выдвинутыхъ этою эпохой, есть и идеальная личность—добрый боярыни Юліаніи Лазаревскоѣ³⁾. Другимъ свѣтлымъ женскимъ типомъ этого времени является Ксенія Бо-

¹⁾ Проф. Ключевскій, Два воспитанія. Р. Мысль, 1893, 3 стр. 532.

²⁾ Составленіе ея относятъ къ 1563 г. См. кн. П. Васенко, Книга Степеней и ея значеніе въ др. русск. письменности. СПб. 1904, стр. 217.

³⁾ См. о ней подробнѣе кн. проф. Ключевскаго, Добрые люди древней Руси. Моск. 1902.

риевна Годунова, «писанію книжному искусная», по сообщенію Татищева ¹⁾).

Для всесторонняго освѣщенія Московской образованности XVI-го вѣка слѣдуетъ упомянуть, что теперь (съ 1563 г.) у насъ начинается книгопечатаніе, которое сначала, правда, ограничивалось только богослужебными книгами. Затѣмъ, хотя и слабо, теперь начинаются и попытки къ сближенію съ Западомъ, гдѣ въ это время шла крупная умственная работа; это была эпоха гуманистическихъ движеній, которыя изъ Италіи распространялись теперь по всему Западу. Еще со времени брака Іоанна III съ Софіею Палологъ, начались довольно оживленныя сношенія Московскаго правительства съ Италіей. Въ XVI-же вѣкѣ посредникомъ между Москвою и Западомъ былъ, между прочимъ, Максимъ Грекъ. Самъ человекъ европейски и высокообразованный онъ своими сочиненіями пробуждалъ въ русскихъ любовь къ знанію, истинно христіанскому просвѣщенію и стремленіе къ внутреннему нравственному очищенію.

Вотъ почему, хотя раньше приведенныя данныя не позволяютъ ставить высоко образованность XVI в., хотя въ полномъ согласіи съ этимъ ~~стоятъ и многочисленные отзывы и свидѣтельства иностранцевъ ²⁾~~, по тѣмъ же не менѣе не слѣдуетъ рисовать эпоху одними безнадежно мрачными красками. Въ исторіи всегда ~~рядомъ съ отрицательными явлениями стоятъ, хотя бы и въ слабыхъ проблескахъ, явленія отраднago характера.~~ Тоже самое и здѣсь. Такія лица, какъ митроп. Макарій—просвѣщенный человекъ, Зиновій Отенскій—старецъ высокаго ума и большой книжной начитанности, князь Андрей Курбскій, царевна Ксенія Го-

¹⁾ Истор. Росс. I, 575. О Ксен. Годуновой очеркъ Костомарова. Ист. В. 81, № 1.

²⁾ Такими являются Іоаннъ Фабръ, Кобенцель, Антоній Поссевинъ, Одеборнъ, Маржереть, Гербенштейнъ. Свидѣтельства ихъ собраны у Макарія, Истор. Рус. Церк., т. VII. Большого значенія, впрочемъ, имъ придавать не приходится, потому что иностранцы, всегда грѣшившіе по части точности своихъ познаній о Россіи, быта которой они не всегда могли понять, не были въ лучшихъ условіяхъ и въ данномъ случаѣ.

дунова—все это дѣти XVI-го вѣка; имена ихъ говорятъ, что и теперь знанія не умерли совершенно въ Московскомъ государствѣ. И въ литературномъ отношеніи эта эпоха не бѣднѣе другихъ эпохъ, съ нею сосѣднихъ.

Юго-Западная Русь въ XV—XVII в.в. ¹⁾.

Со времени монгольскаго ига Юго-Западная Русь живетъ особою жизнію отъ Руси Сѣверо-Восточной. Войдя сначала въ составъ княжества Литовскаго, она потомъ вмѣстѣ съ послѣднимъ входитъ въ составъ Польско-Литовскаго государства, что и было окончательно закрѣплено Люблинскою уніей (1569 г.).

Вѣка XV и XVI на Западѣ, какъ уже приходилось упоминать, были временемъ оживленнѣйшей умственной работы. Гуманистическое движеніе не минуло и Польши ²⁾. Вслѣдствіе этого Юго-Западная Русь стояла ближе Сѣвера къ источникамъ западной образованности, поэтому и сѣмена послѣдней сюда легче и скорѣе могли заноситься. Далѣе, слѣдующія обстоятельства создавали здѣсь особыя условія жизни. Польша, сдѣлавшись владычицею Ю.-Западной Руси, задалась цѣлію колонизовать ее, а для этого уничтожить здѣсь православную вѣру, русскій языкъ и народность. Важнѣйшимъ орудіемъ для осуществленія этого плана явилось приглашеніе въ Польшу иезуитовъ; послѣдніе, паводнивъ собою польскія владѣнія, начали борьбу съ православіемъ, стараясь, между прочимъ, захватить въ свои руки и на-

¹⁾ А. Гожалчинскій, *Иезуитскія школы въ Ю.-Западн. Россіи*. Труды Кіев. Д. Акад. 1864, № 4; М. Линчевскій, *Педагогія древнихъ братскихъ школъ*. Тр. Кіев. Д. Акад. 1870, № 7—9; Н. Грунскій, *Національная школа въ Ю.-Западн. Руси въ XVI и нач. XVII в.* Русск. Шк. 1908, № 10—11.

²⁾ Среди обезпеченнаго шляхетства гуманистическое движеніе находило для себя вполне благопріятную почву. Представителемъ этого движенія здѣсь можно указать поэта Яна Кохановскаго († 1584 г.), съ его ѣдкою въ сатирѣ и разгульною въ шуткахъ поэзіею; еще: Шоржинскій, Гроховскій и др.

родное образованіе. Старанія католиковъ увѣнчались учрежденіемъ въ 1596 г. церковной уніи

Отмѣченныя обстоятельства заставляли русскихъ людей, вѣрныхъ православію и народности, встать на защиту этихъ началъ и вооружиться тѣмъ же орудіемъ, съ которымъ выступало католичество; въ рукахъ же послѣдняго были знанія.

Вотъ почему лучшіе русскіе люди того времени начали заботиться о поднятіи образованія православныхъ. Князь Курбскій, проживавшій тогда въ Литвѣ, всѣми мѣрами убѣждалъ богатыхъ лицъ не отдавать дѣтей въ іезуитскіе коллегіумы, а воспитывать ихъ въ духѣ православія. Другой ревностный защитникъ православія кн. Константинъ Острожскій открылъ (1580 г.) въ Острогѣ высшее греко-латинское училище и завелъ при немъ типографію, въ которой было много напечатано богослужебныхъ и учительныхъ книгъ.

Но отдѣльнымъ лицамъ было не по силамъ бороться съ іезуитскою пропагандою, и даже сыновья Курбскаго и Острожскаго переходятъ въ католичество. Тогда русскіе люди начинаютъ понимать, что въ цѣляхъ успѣха борьбы имъ нужна сплоченность. Задачу сплоченія русскихъ людей и берутъ на себя южно-русскія братства. Организуясь на основѣ Магдебургскаго права городовъ и сосредоточиваясь около извѣстныхъ церквей и монастырей съ цѣлями, первоначально, религіозно-благотворительными, эти братства въ половинѣ XVI в. реформируются въ религіозно-оборонительныя учрежденія. Они теперь выступаютъ дѣятельными защитниками православной вѣры и русской народности и выступаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ православію угрожала наибольшая опасность. Такими братствами были Львовское, Виленское, позднѣе—Кіевское и др.

Придавая большое значеніе образованію, братства одною изъ своихъ задачъ ставятъ «заботиться объ ученыхъ дидаскалахъ (учителяхъ), благочестивыхъ, старательныхъ, трезвенныхъ, чтобы за наукою ихъ люди росли, и хвала Божія множилася»¹⁾.

¹⁾ У. Демкова, I, 143.

Въ результатѣ уже въ концѣ XVI в. на помощь Острожской школы являются братскія училища—Львовское, Виленское, Брестское и Могилевское. Кроме того, братства отправляли молодыхъ людей даже въ западныя коллегіумы и университеты, чтобы такимъ образомъ приготовить разумныхъ и просвѣщенныхъ защитниковъ вѣры.

Эти то училища и явились въ южной Руси проводниками западной науки; наука же эта еще въ значительной степени продолжала оставаться схоластической. Сущность схоластики заключалась въ томъ, что цѣлю науки ставилось не изысканіе новыхъ истинъ, а систематическое, чисто школьное изложеніе и раскрытіе готоваго ученія какъ философскаго, такъ и богословскаго. Начала и формы древней науки и особенно философіи Аристотеля въ схоластикѣ были приложены къ объясненію и утверженію христіанскаго ученія. Такая формальная наука какъ разъ отвѣчала насущнымъ потребностямъ русскихъ: имъ нужно было, воспитывая грамотныхъ и начитанныхъ людей, сдѣлать ихъ въ тоже время учеными, которые были бы способны чисто научными приѣмами защищать православную истину и опровергать иновѣрныя заблужденія. Такимъ образомъ, характерными чертами нашей южно-русской школы стали схоластика и религіозный характеръ ея задачъ.

Частнѣе, въ развитіи южно-русской образованности можно установить два момента. Первый моментъ—это образованность братскихъ школъ *греко-славянскаго* типа. Второй—образованность Кіево-Могилевской Академіи—типа уже *латино-польскаго*.

Предметами курса первыхъ училищъ было наученіе чтенію, письму и пѣнію, а затѣмъ—изученіе грамматики, діалектики и реторики, съ одинаковымъ усовершенствованіемъ какъ въ греческомъ и славянскомъ языкахъ, такъ и въ «простой (русской) мовѣ». Иногда изучался и латинскій языкъ. Всѣ науки были только приготовительными къ изученію богословія, которое, согласно съ самою задачею школъ, проходило подробно и обстоятельно. Поэтому даже и буквари представляли собою родъ не-

больших дѣтскихъ энциклопедій, имѣвшихъ въ виду, кромѣ обученія чтенію, сообщать и первоначальныя релігіозныя истины.

Итакъ, воспитательнымъ идеаломъ, значитъ, было теперъ — воспитаніе умѣлаго и убѣжденнаго защитника родной вѣры.

Что касается характера воспитательныхъ приемовъ, то нѣкоторые историки ставятъ ихъ очень высоко. Братская школа, говорятъ, была «простою, почти семейною школою народною, проникнутою теплою сердечною релігіозностію, взаимнымъ довѣріемъ и любовію» и въ этомъ отношеніи далеко превосходящею современную ей школу іезуитскую¹⁾. Дѣйствительно, здѣсь мы находимъ много хорошихъ сторонъ.

Въ братскихъ школахъ, какъ это видно изъ Уставовъ Луцкой школы, богатые и бѣдные не различались; основаніемъ отличія служили только знанія и усердіе къ занятіямъ. — «Богатые предъ убогими въ школѣ ничѣмъ не могутъ быть выше, какъ только наукою; а по виѣшности равны всѣ. Ибо всѣ мы братіе о Христѣ» (2-й Уст. Артик. 4)²⁾.

Отношенія учителя къ ученикамъ строятся на началахъ любви и справедливости — «Учитель долженъ учить и любить дѣтей всѣхъ одинаково, какъ сыновей богатыхъ, такъ и сиротъ убогихъ и тѣхъ, которые ходятъ по улицамъ, прося пропитанія. Учить ихъ столько, сколько кто по силамъ научиться можетъ, только не старательнѣе объ однихъ, нежели о другихъ (Ів. Арт. 5).

Дисциплина іезуитскихъ школъ отличалась суровостію. Здѣсь же, какъ видимъ, царитъ иной духъ, и учителю внушается «заботливо учить (дѣтей) полезнымъ наукамъ, за непослушаніе наказывать, но не тирански, а наставнически и не сверхъ мѣры, а по силамъ; не съ буйствомъ, а кротко и тихо» (Ів. Арт. 2). Въ частности потому въ Кіево-Могилянской школѣ суббота сдѣлалась временемъ экзекуцій, но не видно, чтобы это практико-

¹⁾ *Миропольскій*, вып. 3, стр. 16.

²⁾ Мы имѣемъ въ виду два устава (второй 1624 г.), помѣщенные въ Памятникахъ, изд. Кіевскою комиссіею для разбора древн. актовъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1893, т. 1, стр. 44—54.

валось въ братскихъ школахъ. Въ Уставѣ Луцкой школы о субботѣ говорится только: «Послѣ обѣда въ субботу учитель обязанъ немалое время и гораздо больше, чѣмъ въ прочіе дни, бесѣдовать съ дѣтьми, поучая ихъ страху Божию и чистымъ юношескимъ нравамъ» (2-й Уст. Арт. 14).

Но тѣмъ не менѣе мы не должны слишкомъ идеализировать эти школы и гуманность ихъ воспитательныхъ приемовъ. Уже въ послѣдней, только что упомянутой статьѣ, говоря о внушеніи питомцамъ «чистыхъ юношескихъ нравовъ», уставъ глухо замѣчаетъ о какой-то «школьной чашѣ», испить которую «не будетъ имъ мѣшать» въ цѣляхъ вящаго усвоенія внушеній; а дальше выдвигаемый уставомъ тотъ же самый «жезлъ», который такъ часто мы видѣли въ рукахъ Московскихъ педагоговъ, относительно истиннаго значенія «школьной чаши» не оставляетъ никакого сомнѣнія. Здѣсь тотъ же самый совѣтъ—«любя сына, не пади на него жезла». Въ первомъ Луцкомъ уставѣ упоминается, далѣе, о «строгомъ наказаніи» за опозданіе въ школу. А въ одной грамматикѣ XVII-го в., въ назиданіе питомцамъ, на заглавномъ листѣ помѣщена картинка, изображающая классъ и учителя, который наказываетъ ученика. Здѣсь же, между прочимъ, приводятся наставленія родителямъ касательно педагогическаго приложенія того же самага жезла¹⁾.

Наконецъ, организуясь подъ вліяніемъ латинскихъ іезуитскихъ школъ, братскія школы не могли совершенно избѣжать приемовъ этихъ послѣднихъ; понемногу и незамѣтно эти приемы, проникаютъ сюда. Безусловное и слѣпое повиновеніе наставнику, составлявшее альфу и омегу педагогіи іезуитовъ, выступаетъ довольно рельефно уже и въ Уставѣ Луцкаго училища.— «Старшему и тому, кому старшій поручить, каждый ученикъ будетъ обязанъ оказывать совершенное и почти безусловное послушаніе... Ибо если добродѣтель послушанія и въ ремеслахъ даже самыхъ низкихъ имѣетъ мѣсто и при томъ первѣйшее, тѣмъ бо-

¹⁾ Грамматика, албо сложеніе письмени хотящимся учити словенскаго языка младолѣтнымъ отрочатомъ. Вильна, 1621.

лѣе въ наукахъ свободныхъ, которыя всѣ прочія ремесла, науки и искусства превышаютъ» (Перв. Уст. § 3). Среди педагогическихъ мѣръ указывается и такая, чтобы того, кто меньше будетъ знать, «сажать на низшемъ мѣстѣ» (2-й Уст. Арт. 3). Это напоминаетъ іезуитскую «адскую лѣстницу» или нашу позднѣйшую «камчатку».

Но со всею силою латино-іезуитское вліяніе сказалося въ организациі *Кіево-Могилянскои коллегіи*. Это второй моментъ въ развитіи южно-русской школы.

Въ началѣ XVII в. въ Кіевѣ учреждается Богоявленское братство. 14 октября 1615 г. жена Мозырскаго маршалка Лозки— Гальшка Гулевичевна подарила братству на Подолѣ землю для учрежденія здѣсь монастыря, школы¹⁾ и гостиницы. Такъ зародилось *Кіево-Братское училище*, которое въ учредительной грамотѣ называется школою «эллипо-словенскаго и латино-польскаго письма». Это, какъ видимъ, уже училище новаго типа по сравненію съ ранними греко-славянскими братскими школами. Но окончательню эту школу преобразовалъ по типу іезуитскихъ коллегій Кіевскій митрополитъ Петръ Могила († 1647 г.). Цѣль его была возвысить уровень научныхъ знаній въ школѣ до равенства съ научными силами противной латинской стороны. Преобразованная школа съ 1633 г. получаетъ названіе *Кіево-Могилянскои коллегіи*, а позднѣе— *Академіи*²⁾.

Идеаломъ Могилы былъ такой русскій человекъ, который, крѣпко сохраняя и свою вѣру, и свой языкъ, въ тоже время былъ бы человекомъ образованнымъ, стоялъ бы въ уровеньъ съ поляками, съ которыми судьба связала его въ государственномъ отношеніи. Преобразованія П. Могилы касались, поэтому, какъ состава курсовъ и объема преподаванія наукъ, такъ и самаго характера воспитанія и образованія. Вся коллегія, такимъ

¹⁾ „Школу дѣтемъ такъ шляхетскимъ, яко и местскимъ“. Дарств. запись въ Памятн. Кіевск. Комисс. т. 2-й, стр. 386.

²⁾ По Исторіи Кіевскои Дух. Академіи—цѣлый рядъ трудовъ профессоровъ: Н. И. Петрова, Н. Ф. Мухина, С. Т. Голубева, затѣмъ В. Се-ребренникова, Д. Вишневекаго и др.

образомъ, получила другой характеръ, во многомъ отличный отъ раннихъ братскихъ школъ и съ значительнымъ преобладаніемъ латинскаго схоластическаго элемента.

Въ низшихъ классахъ, посвященныхъ изученію грамматики и реторики, ученики упражнялись, между прочимъ, въ составленіи силлабическихъ виршъ, большею частію панегирическаго содержанія. Въ высшихъ классахъ преподавались философія и богословіе, построенныя на схоластическихъ основахъ и проникнутыя апологетическими—оборонительными противъ католичества—цѣлями. Главнѣйшимъ изъ преподаваемыхъ языковъ былъ латинскій. На немъ преподавались всѣ предметы, за исключеніемъ катихизиса и славянской грамоты. По-латыни же воспитанники были обязаны говорить и внѣ классовъ, дома и на улицѣ, всюду, гдѣ имъ приходилось встрѣчаться. За ошибку въ латинскомъ языкѣ или за одно слово, сказанное по-русски, виновный подвергался строгому взысканію.

Особенно большое значеніе въ педагогическомъ отношеніи К.-Могиланская collegія придавала диспутамъ. Диспутъ былъ вѣнцомъ схоластики. Вооруженные чисто формальными аргументами противники стремились обосновать свои положенія и разбить противныя. Эти словесные турниры приучали мысль къ изворотливости и дѣлали изъ питомцевъ collegіи ловкихъ спорщиковъ и, значитъ, хорошихъ противниковъ католической пропаганды.

Самъ П. Могила заботился не только о научномъ развитіи питомцевъ, но и о томъ, чтобы «паче и выше всего благочестіе вкоренялось и посѣвалось въ сердца» ихъ. Но увлекшись латинскимъ строемъ, онъ слишкомъ покорно слѣдовалъ за нимъ, копируя школу іезуитскую. Воспитаніе, поэтому, обращалось здѣсь въ дисциплину, которая вмѣсто нравственнаго развитія имѣла своей задачей лишь водвореніе внѣшняго порядка, благопристойности, субординаціи.

Но какъ бы то ни было, здѣсь—въ collegіи—пробуждались научные интересы, шла умственная работа. У Кіевскихъ ученыхъ совершенство человѣческаго идеала сводится уже къ серьезному

просвѣщенію ума тѣми науками, которыя помогаютъ служенію религіознымъ интересамъ.

Зарождалась любовь къ знанію, любовь къ наукѣ. Здѣсь, на югѣ, уже занималась заря Петровской эпохи.

На ряду съ братскими—средними—школами историки находятъ возможнымъ допустить въ Малороссіи въ XVI и XVII в.в. существованіе и элементарныхъ школъ¹⁾. Школу строили обыкновенно вмѣстѣ съ церковію, завѣдывалъ ею пань-дьякъ, который по своему учебному значенію назывался еще пань-бакаляръ. Еще до сихъ поръ, говоритъ Григорьевъ, во многихъ мѣстахъ Малороссіи дома, гдѣ живутъ церковно-служители, называются школами. Ученіе въ школѣ, состоявшее въ наученіи чтенію псалтири и часослова, письму и пѣнію, сопровождалось нерѣдко тѣлесными наказаніями. Въ субботу обыкновенно отвѣчали бакаляру то, что было выучено въ теченіе недѣли, и виновный въ незнаніи выученнаго получалъ «субботника». Дисциплина, вообще суровая, тѣмъ не менѣе не была формально бездушною. Всѣ работы по школѣ возлагались на самихъ учениковъ и простирались на всѣхъ равно и всѣхъ равно приучали къ физическому труду.

Наконецъ, соотвѣтственно Московскимъ «мастерамъ», въ Малороссіи въ эту эпоху возникла своего рода передвижная школа странствующихъ учителей—«мандрованныхъ дьяковъ». Не ограничиваясь предѣлами одной мѣстности, эти дьяки бродили по Украинѣ, Гетманщинѣ и Польшѣ, разнося повсюду сѣмена книжной мудрости. Иногда на цѣлые годы оставался такой странникъ въ какомъ-нибудь селѣ въ качествѣ учителя, а потомъ опять шель дальше. Эти истинные анахореты просвѣщенія, не имѣвшіе осѣдлости, лишь подъ конецъ жизни возвращались на родину, чтобы сложить на ней свои усталыя кости. Въ тѣ времена, когда книги являлись рѣдкостью, было весьма важно, что ихъ знанія

¹⁾ См. *Григорьевъ*, стр. 54. Основанія можно находить и въ историч. памятникахъ, См. Памятники, изд. Кіев. Коммис. т. 3-й № 5.

дѣлались общимъ достояніемъ Малороссіи. Въ этомъ— крупное значеніе мандрованныхъ дьяковъ.

Патріаршій періодъ (XVIII в.) ¹⁾

Если внимательно всмотрѣться въ русскую жизнь XVII-го столѣтія, то нельзя не замѣтить одной характерной черты этой эпохи; такую чертою является постепенное пробужденіе въ Русскихъ сознанія необходимости образованія, а вмѣстѣ съ этимъ и потребности сближенія съ Западомъ. Зарожденіе этого сознанія мы могли наблюдать еще въ концѣ XVI-го в. Теперь это сознаніе развивается и крѣпнеть.

Но мы были бы далеки отъ исторической правды, думая, что это западнически-просвѣтительное направленіе было доминирующимъ въ русскомъ обществѣ; нѣтъ, ему пришлось вести упорную борьбу съ теченіями противоположнаго характера. Еще съ XVI в. у насъ начинаютъ развиваться мысли о томъ, что русскій народъ является хранителемъ истиннаго благочестія, а Москва, съ паденіемъ Константинополя,—единственнымъ оплотомъ истиннаго православія (Посланія старца Филовея). Русскіе, поэтому, должны ревниво оберегать свою вѣру. Измѣна ей грозитъ паденіемъ Москвы, а съ паденіемъ этого «третьяго Рима»—міру грозитъ конецъ и пришествіе антихриста: четвертаго Рима уже не будетъ. Отсюда вытекаетъ крайне нетерпимое отношеніе части русскаго общества къ иноземцамъ, особенно западнымъ, зараженнымъ «латинскою прелестью». Отсюда же и упорная боязнь всякаго новшества. Появленіе въ 1666 г. раскола было логическимъ завершеніемъ отмѣченнаго направленія. Съ этимъ послѣднимъ и должно было столкнуться новое направленіе.

¹⁾ Г. Мирковичъ, О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ. Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, т. СХСVIII; Е. Прилежаевъ, Школьное дѣло въ Россіи до Петра В. Странникъ, 1881, № 1—3; Н. Кантревъ, О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія славяно-греко-латинской Академіи. Приб. къ Твор. Св. Отц. 1889, № 6.

Еще Феодоръ Іоанновичъ любилъ и покровительствовалъ искусствамъ и художествамъ и съ этою цѣлю выписывалъ мастеровъ и искусныхъ людей изъ-за границы. Начало столѣтія открывається царствованіемъ Бориса Годунова. Борисъ очень сочувствовалъ образовательному движенію въ Россіи, имѣя намѣреніе заводить здѣсь школы и даже университетъ, гдѣ бы русская молодежь училась европейскимъ языкамъ и наукамъ. Въ 1600 г. онъ посылалъ въ Германію пѣмца Іоганна Крамера, пригласить въ Москву ученыхъ людей. Но, по сообщенію Карамзина, это намѣреніе царя встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны духовенства и потому не исполнилось. Затѣмъ о Борисѣ же извѣстно, что онъ отправилъ восемнадцать молодыхъ людей за границу для обученія. Хорошее по тому времени образованіе, какъ извѣстно, Борисъ старался дать и своимъ дѣтямъ. Михайлъ Феодоровичъ завязалъ оживленныя сношенія съ иностранцами, преимущественно съ Шведами, для привлеченія въ Россію искусныхъ ратныхъ людей, но ему, замѣтно, были доступны при этомъ и научные интересы. Приглашая въ Москву Адама Олеарія, который потомъ составилъ любопытныя записки о Московскомъ государствѣ, царь писалъ ему: «Вѣдомо намъ учинилось, что гораздо наученъ въ астрономіи и географусъ и землемѣрію и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ: а намъ, великому государю, такой мастеръ годенъ». При Алексѣѣ Михайловичѣ разсматриваемое движеніе выступаетъ съ большею ясностію. Самъ царь, любитель всего исконно-русскаго, православнаго, въ то же время не чуждался западныхъ началъ, до «комидійнаго дѣйства» включительно, не видѣлъ въ этомъ «скверной прелести». Съ западническими симпатіями при немъ выступаютъ бояре — Ордынъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, Ртищевъ. Послѣдній содѣйствовалъ вызову въ Москву изъ Кіева тамошнихъ ученыхъ — Епифанія Славинецкаго, Арсенія Сатановскаго и другихъ иноковъ, «изящныхъ въ ученія». Есть извѣстіе, что Ртищевъ завелъ при устроенномъ имъ Андреевскомъ монастырѣ училище «для просвѣщенія русскихъ людей»¹⁾. Но точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ

¹⁾ Др.-Росс. Вивліое. VI, 404.

этомъ училищѣ въ литературѣ не имѣется. Далѣе, въ разсматриваемый періодъ русской исторіи наши церковныя власти были озабочены вопросомъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ. А для этого дѣла была нужда въ людяхъ не только грамотныхъ, но и образованныхъ, знакомыхъ съ греческимъ языкомъ. Для этой цѣли были иринуждены приглашать въ Москву грековъ, для этой собственно цѣли были вызваны и Ртищевымъ Кіевскіе ученые, ради этой же, наконецъ, цѣли и сами русскіе должны были поближе познакомиться съ греками и греческимъ языкомъ. Наконецъ, и восточные патріархи не разъ указывали русскимъ на необходимость училищъ и ученія. Таковы Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій, а равно греческій митрополитъ Паисій Лигаридъ, который, будучи въ половинѣ XVII в. въ Москвѣ, на вопросъ, каковы должны быть основы церкви и государства, настойчиво доказывалъ: «во-первыхъ училища, во вторыхъ училища и въ-третьихъ училища». Эти убѣжденія настолько проникали въ массу, что въ 1666 г. нѣкоторые изъ жителей Москвы подали царю челобитную о дозволеніи построить училище въ приходѣ Іоанна Богослова. Царь согласился, и патріархи съ радостію выдали грамоты на заведеніе училища «словено-греко-латинскаго»¹⁾. Но было ли оно открыто, объ этомъ свѣдѣній не сохранилось.

Итакъ, сознание необходимости учиться и желаніе учиться было, но были ли у насъ до учрежденія въ 1685 году Московской эллино-греческой Академіи самыя училища? Вопросъ этотъ въ наукѣ пока не имѣетъ безспорнаго рѣшенія. Нѣкоторые изслѣдователи допускаютъ существованіе такихъ училищъ и даже различныхъ типовъ. Въ числѣ защитниковъ такого мнѣнія можно

¹⁾ Свидѣтельство объ этомъ Симеона Полоцкаго см. у Демкова, I, 208. Сознаніе необходимости просвѣщенія сказывается и въ слѣдующихъ словахъ рукописи XVII в.: „ученіе ясная луча есть, ею же невѣжества тьма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются и есть веліе благо“.—Софійск. библ. въ С.-Петербурск. Дух. Акад. № 423.

указать Миропольскаго¹⁾. По его словамъ, у насъ въ Москвѣ тогда существовали училища двухъ типовъ. Чудовское училище, во главѣ котораго стоялъ Епифаній Славинецкій, было направлення греческаго, старо-русскаго. Другое же, Спасское, во главѣ котораго стоялъ Симеонъ Полоцкій, было школою латинскаго направлення, западническаго. Другіе историки отрицаютъ существованіе такихъ школъ, допуская только учрежденіе греческаго училища въ 1679 г. при Московской типографіи²⁾. Ясныхъ историческихъ свидѣтельствъ о существованіи въ это время училищъ въ Москвѣ, правда, нѣтъ, но тѣмъ не менѣе оба взгляда приходится признать крайними и потому неправильными. Миропольскій преувеличиваетъ состояніе московской образованности въ патриаршій періодъ, допуская положенія, вродѣ слѣдующаго: «грамотность теперь была *всеобщемою*... общераспространенною на Руси»³⁾. Что же касается Каптерева, то онъ тоже увлекается предвзятою мыслию, хотя противоположнаго характера. Онъ выходитъ изъ положенія, что въ XVI и XVII в.в. не была еще ясно сознаваема мысль о необходимости среднихъ или высшихъ школъ и что Московское правительство, вызывая ученыхъ иностранцевъ, требовало отъ нихъ не устройства школъ, а только книжныхъ переводовъ. Но въ виду всего ранъше сказаннаго, съ такимъ положеніемъ согласиться нѣтъ возможности. А потому, за отсутствіемъ безспорныхъ свидѣтельствъ, не настаивая на существованіи именно указанныхъ выше училищъ, мы все же не считаемъ возможнымъ отрицать существованіе въ Москвѣ училищъ греко-латинскихъ типовъ до учрежденія Московской Академіи. А принимая во вниманіе кипѣвшую въ это время борьбу партій старорусской и западнической, мы должны предполагать,

¹⁾ *Миропольскій*, вып. 3, стр. 54. Этотъ же взглядъ ранъше проводился у *Мирковича* (названное выше сочиненіе) и *Л. Майкова*, Симеонъ Полоцкій. СПб. 1889.

²⁾ Эту мысль особенно рѣшительно проводитъ *Н. Каптеревъ* (ранъше названное сочиненіе).

³⁾ Очеркъ, вып. 3, стр. 52—58.

что эта борьба переносилась и на училищную почву, заставляя представителей обѣихъ партій стремиться къ учрежденію училищъ каждаго въ своемъ духѣ. Партія западниковъ, представляемая хотя бы кievскими выходцами, строя обученіе въ своемъ направленіи и придавая большое значеніе латинскому языку, уже тѣмъ самымъ побуждала своихъ пртивниковъ къ учрежденію училищъ въ строго православномъ духѣ съ греческимъ курсомъ. И рукописная литература XVII в. показываетъ намъ, что вопросъ—«какого языка ученію учиться намъ славянамъ потребнѣе и полезнѣе—латинскаго или греческаго»¹⁾—ставился и оживленно дебатировался; и отвѣчать на этотъ вопросъ несомнѣнно должна была не только литература, но и сама жизнь.

Въ короткое царствованіе Феодора Алексѣевича потребность образованія въ Московской Руси сказывается уже настолько сильно, что поднимается вопросъ объ учрежденіи высшаго учебнаго заведенія, намеки на которое мы могли усматривать въ тѣхъ училищахъ, существованіе которыхъ мы могли предполагать въ предшествующее время. Въ 1679 г., по изволенію Феодора Алексѣевича, было образовано греческое училище при Московской типографіи, а въ послѣдній годъ его царствованія (1682 г) былъ утвержденъ уставъ («привилей») проектируемой *Академіи*.

Въ наукѣ идетъ споръ о томъ, кѣмъ составленъ проектъ устава Академіи и какую роль въ этомъ дѣлѣ игралъ видный западникъ того времени—Симеонъ Полоцкій²⁾. Какъ близко стоявшій къ образовательному дѣлу, Симеонъ Полоцкій, конечно, могъ такъ или иначе вліять на составленіе устава, но считать его авторомъ окончательной редакціи устава не позволяетъ то обстоятельство, что онъ умеръ за два года до утвержденія устава царемъ. По своему характеру Академія должна была быть шко-

¹⁾ Рукоп. Библ. СПб. Дух. Академіи, № 423.

²⁾ Л. Майковъ, (Очерки изъ исторіи Русской литературы XVII и XVIII ст. СПб. 1889) и С. Смирновъ (Исторія Московск. Славяно-греко-латинск. Академіи. М. 1835) допускаютъ авторство Симеона, а Н. Каптеревъ отрицаетъ.

люю общю, такъ сказать, древнимъ университетомъ. Академическая программа была весьма обширна; повелѣвалось учить «всѣмъ свободнымъ наукамъ», и доступъ въ Академію былъ открытъ людямъ всѣхъ классовъ общества¹⁾. Преобладающимъ элементомъ обученія долженъ былъ быть греческій языкъ, и учителя для училища были выписаны изъ Греціи. Такими учителями изъ Греціи были присланы братья Лихуды—Іоанникій и Софроній. Оба они получили западное образованіе (въ Падуанскомъ университетѣ) и были людьми большой по тогдашнему времени учености. Открытое ими въ 1685 г. училище стало называться Эллино-греческою Академіей. Припомнимъ, что теперь въ Москвѣ шель споръ изъ-за направленія въ образованіи—было двѣ партіи западниковъ и сторонниковъ родной старины. Первые симпатизировали образованію латинскому, вторые, не сочувствуя ни грекамъ, ни тѣмъ болѣе латинистамъ, изъ двухъ казавшихся имъ золь хотѣли избрать меньшее и склонялись въ пользу греческаго образованія. Теперь, какъ видимъ, осилила послѣдняя партія.

Предметами преподаванія въ Академіи являлись тѣ же науки, съ которыми мы встрѣчались и въ Кіево-Могилянскоіи Коллегіи. Въ основѣ преподаванія лежалъ Аристотель, и самое преподаваніе носило схоластическій характеръ, смягчаемый религіознымъ направленіемъ преподаванія.

Но сказаннымъ еще не исчерпывалась задача Академіи; она должна была слѣдить за чистотою вѣры, быть орудіемъ борьбы противъ иновѣрцевъ. Изъ Академіи должны были выходить апологеты православія, ей присвоилось даже право сужденія о православіи всякаго и иноземца, и русскаго. Доводя до крайности свои воззрѣнія на эту сторону дѣятельности Академіи, историкъ

¹⁾ Въ § 5 „Привилея“ читаемъ: „Сему нашему училищу быти общему, и всякаго чина, сана и возраста людямъ, точію православныя христіанскія вѣры приходящимъ ради наученія, безъ всякаго зазора свободно; въ немъ всякія отъ церкви благословенныя, благочестивыя науки да будутъ“.

Соловьевъ называетъ ее «цитаделью православія... страшнымъ инквизиціоннымъ трибуналомъ»¹⁾.

Что касается до *элементарнаго образованія*, имѣющаго въ виду простую грамотность, то оно теперь, судя по значительному количеству грамотныхъ лицъ въ Московскомъ обществѣ, было значительно распространено, и школы вообще были. Проф. Соболевскій приводитъ къ характеристикѣ тогдашней грамотности слѣдующія данныя. Духовенство онъ считаетъ все грамотнымъ. Количество грамотныхъ монаховъ исчисляетъ въ 70%. Среди высшихъ свѣтскихъ классовъ грамотность онъ доводитъ до 50%, среди купечества признаетъ ее явленіемъ обычнымъ (челобитная гостинныхъ людей 1646 г. подписана изъ 168 человекъ 163-мя); среди посадскихъ людей грамотность была не ниже 20%; среди крестьянъ—не ниже 14%.³⁾ Основаніемъ для такихъ исчисленій являются подписи подъ различными документами отъ того времени.

Теперь мы переходимъ къ вопросу о *характерѣ обученія и педагогическихъ идеалахъ* въ патриаршіи періодъ.

Присматриваясь внимательно къ общему направленію образованности XVII-го в. въ Московскомъ государствѣ, отыскивая жизненный нервъ этой образованности, мы не можемъ не видѣть этого нерва въ религіозномъ и, въ частности, въ православномъ началѣ. Главными интересами эпохи являются интересы религіозные. Вопросы относительно исправленія богослужебныхъ чиновъ и обрядовъ, дѣятельность Никона, появленіе раскола, религіозные споры, вродѣ извѣстнаго спора о времени пресуществленія Св. Даровъ—все это съ достаточною убѣдительностію подтверждаетъ нашу мысль. Защита православія ставилась задачей и Московской академіи. Въ учредительной грамотѣ академіи Ѳеодоръ Алексѣевичъ и вообще развиваетъ свои проникнутые

¹⁾ Позднѣ взяли перевѣсъ латинскіе элементы, и съ 1700 г. Академія стала называться славяно-латинскою, а еще позднѣ (съ 1775 г.) славяно-греко-латинскою.

²⁾ С. Соловьевъ, Истор. Росс. т. XIII, гл. 2.

³⁾ Проф. Соболевскій, Образованность въ Московск. Руси XV—XVII вв. СПб. 1892, стр. 5—12.

религіознымъ духомъ взгляды на значеніе образованности: «ею слава Божія умножается, православная восточная вѣра отъ злокозненныхъ еретическихъ хитростей въ цѣлости распространяется и расширяется; варварскіе народы богопознаніемъ просвѣщаются, невѣрныя царства ко благовѣрію обращаются, а вѣрныя прочіѣе усвояютъ догматы своей вѣры».

Въ то же самое время прогрессируетъ у насъ и теченіе, искавшее культурнаго сближенія съ Западомъ. Насколько здѣсь дѣло идетъ далеко, видно уже изъ того, что Феодоръ Алексѣевичъ, издавая распоряженіе о школьномъ призрѣннн дѣтей нищихъ, находитъ нужнымъ сослаться въ данномъ случаѣ на «европскіе обычай»¹⁾. Далѣе, въ одномъ рукописномъ сборникѣ второй половины XVII в. мы читаемъ такое мѣсто: «Инь філософъ умы отрокъ юныхъ уподобляетъ скрижали ненаписаннѣй, на ней же учитель, что либо хочеть, написати можетъ... или добро или зло»²⁾. Это мѣсто заставляетъ допускать у насъ теперь на Руси знакомство съ педагогическою системою Локка († 1704), съ его ученіемъ о *tabula rasa*.

Сближаясь съ Западомъ, наша образованность XVII в. носитъ и значительные слѣды вліянія на нее со стороны южно-русскихъ ученыхъ. Мы помнимъ, что послѣдніе въ значительномъ числѣ появляются въ Москвѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ въ качествѣ учителей. Южно-русское вліяніе сказывается въ силлабическихъ виршахъ, которыя переполняютъ наши буквари и которыя, какъ строимъ, такъ и характеромъ указываютъ на свое южно-русское происхожденіе. Приведемъ одинъ, наиболѣе рельефный образецъ. Въ одномъ Московскомъ азбуковникѣ XVIII в.³⁾ внушается ученикамъ: «Школьный соръ (изъ школы) вонъ износите, бытностей же и рѣчей отнюдь не износите»⁴⁾.

¹⁾ В. Бергъ, Царствованіе Феодора Алексѣевича. СПб. 1855, I, 186.

²⁾ Рукопись хранится въ Имп. Публ. Библ. № 327. Описана у проф. Лавровскаго, Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтен. въ Общ. Истор. и Древн. 1861, VI—VIII.

³⁾ Рѣчь объ азбуковникахъ будетъ ниже.

⁴⁾ Д. Мордовцевъ, О русскихъ школьныхъ книгахъ. Моск. 1862, 76.

Еще: «Въ школу добрую рѣчь вноси, изъ нея же словеснаго сора не износи. Въ домъ же отходя, школьныхъ бытностей не кажи, сему и всякаго товарища своего накажи» ¹⁾. Это, непонятное у насъ въ Москвѣ, требованіе, очевидно, буквально повторяетъ таковое же требованіе педагоговъ южно-русскихъ; у послѣднихъ же оно имѣло свой большой смыслъ. Находясь въ положеніи враждебномъ съ правительственными польско-іезуитскими школами и готова борцовъ за православіе, южно-русскіе учителя естественно были заинтересованы въ томъ, чтобы школьныя дѣла содержались по возможности въ секретѣ. Вотъ почему въ первомъ уставѣ Луцкой школы мы читаемъ: «Что будетъ говорить или дѣлаться въ школѣ, никто за порогъ школьный выносить не долженъ» (Арт. 8).

Наконецъ, о нашей допетровской школѣ XVII в. слѣдуетъ замѣтить, что она не носила характера профессиональнаго, спеціальнаго. Образование было общимъ для всѣхъ сословій, всѣхъ состояній.

Переходя къ частнѣйшей характеристикѣ нашихъ педагогическихъ воззрѣній и пріемовъ въ XVII в., мы должны обратиться къ педагогическимъ памятникамъ эпохи, а такими памятниками прежде всего являются школьные буквари и азбуковники. Подъ именемъ послѣднихъ разумѣются особые сборники, гдѣ въ алфавитномъ порядкѣ помѣщалось на первыхъ порахъ объясненіе неудобопонятныхъ словъ языка съ приложеніемъ грамматическаго толкованія. Въ этомъ видѣ азбуковники являлись предшественниками грамматикъ ²⁾. Позднѣе сюда присоединилось еще объясненіе самыхъ предметовъ и понятій, и азбуковники превратились какъ бы въ своего рода энциклопедіи по разнымъ отраслямъ знаній. Здѣсь, въ этихъ азбуковникахъ, а отчасти и въ букваряхъ, мы находимъ много указаній на способъ обученія учащихся, школьную дисциплину и порядки, а до нѣкоторой степени и на объемъ преподаванія.

¹⁾ *Миропольскій*, III, 108.

²⁾ Прототипомъ же ихъ слѣдуетъ считать т. н. скедографіи, о которыхъ мы имѣли случай упоминать раньше.

Изъ сохранившихся отъ XVII в. школьныхъ букварей первымъ по времени считаютъ букварь Василя Бурцева, изданный въ 1634 г. Затѣмъ, букварь Каріона Истомина, изданный въ 1694 г., является первымъ иллюстрированнымъ букваремъ съ картинками по буквамъ. Способъ обученія грамотѣ здѣсь принять, конечно, буквослагательный. Въ предисловіи къ одному букварю XVII в. дается слѣдующее наставленіе: слѣдуетъ учить такъ, сначала «сложи два письма (двѣ буквы), гласное съ согласнымъ и рцы буки азъ, тако сотвори препятіе гласомъ или отдохновеніе и рцы слогъ ба». Здѣсь же мы видимъ уже и критику на существующіе приемы обученія съ попыткою внести нѣкоторое ихъ усовершенствованіе. Иные привыкли, говорится здѣсь, учить слитно буки-азъ-ба, вѣди-азъ-ва; такъ дѣлать не слѣдуетъ, а произносить раздѣльно—«съ препятіемъ»¹⁾. Очевидно, авторъ хотѣлъ добиться того, чтобы было поменьше механичности въ чтеніи, чтобы дѣти, читая, успѣвали бы всматриваться въ читаемыя буквы и сознательно соединять ихъ.

Изъ дальнѣйшаго матеріала въ предисловіяхъ этихъ букварей приходится остановиться на всевозможномъ воспѣваніи розги и педагогическихъ ранъ; воспѣвается все это силлабическими виршами.

«Розга умъ острить, память возбуждаетъ
И волю злую ко благу прелагаетъ,
Учить Господу Богу ся молити
И рано въ церковь на службу ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу побуждаетъ,
Рождшихъ слушати во всемъ понуждаетъ.

Вы же, о чада, трудъ честный любите...

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,

¹⁾ Д. Извъковъ, Букварная система обученія въ исходѣ XVII и нач. XVIII в. Семья и Школа 1872, 4.

Та суть безвинна, тѣхъ не проклиняйте
И рукъ, яже вамъ язвы налагають,
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ».

Этотъ же мотивъ воспѣванія розги выступаетъ и въ азбуковникахъ.

— «Розгою Духъ Святый дѣтице бити велить,
Розга убо ниже мало здравія вредить.
Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняеть,
Учить молитвѣ и злыхъ дѣлъ встаетъ.
Розга, аще и биеть, но не ломитъ кости,
А дѣтице отставляетъ отъ всякія злости.
Розга дѣти ведетъ правымъ путемъ до неба».

Здѣсь мы находимъ цѣлую науку о розгѣ, съ выясненіемъ, какая розга какому возрасту больше подходитъ и какое дѣйствіе оказываетъ. Черемховая служитъ «къ воумленію» дѣтей; березовая — «къ страхованію ученія» для подростковъ. Для старыхъ оставляется «дубовый жезлъ къ подкрѣпленію». «Благослови Боже, взываетъ авторъ виршъ, оные лѣса, иже розги добрыя родятъ на долгія времена». Проф. Соболевскій говоритъ, что эти похвалы розгѣ заимствованы у южно-русскихъ педагоговъ. Что касается до силлабической формы, то заимствованіе ея можно считать несомнѣннымъ, что же касается до содержанія, то оно, какъ видимъ, вполне гармонируетъ съ тѣми взглядами, которые развивались и у насъ въ Московской Руси въ предшествовавшую эпоху; эти наши исконные взгляды находили теперь для себя только подходящую стихотворную форму.

Среди добродѣтелей мораль букварей особенно останавливается на смиреніи, внушая его питомцамъ. «Прежде всѣхъ добродѣтелей потщися, человекче, стяжати смиреніе... смиренномудрствующихъ Господь возвышаетъ»¹⁾. Дѣтямъ внушается дальшее взаимное дружелюбіе. «Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего и не называй прозвищемъ товарища своего». Ученики разсажи-

¹⁾ У Демкова, 1. 225.

вались въ школѣ по степени своихъ успѣховъ и поведенія. Въ числѣ наказаній, кромѣ розогъ, упоминается еще объ обычаѣ оставлять лѣниваго безъ обѣда. Въ помощь себѣ, для наблюденія за учениками—ихъ поведеніемъ и занятіями—учитель избиралъ изъ ихъ числа старость.

«Единого изъ васъ въ старосты избираю,
Ему покарайтесь и ученіи своими ему прислушайтесь».

Изъ букварей и азбуковниковъ видно также, что школьные учителя находились въ матеріальной зависимости отъ родителей своихъ учениковъ. Если кто хочетъ дѣтей учить, «ино мастера чтити, могорца не жалѣти». А ученикамъ внушается: «Ко учителю въ день недѣльный на поклонъ приходите и отъ снѣдныхъ брашенъ и питія ему приносите».

А вотъ картинка поступленія ученика въ школу. Предъ началомъ ученія сына въ назначенный день всею семьею отправлялись въ церковь, гдѣ слушали обѣдню и затѣмъ служили молебень свв. Космѣ и Даміану и прор. Науму. Затѣмъ учитель шель въ домъ родителей, гдѣ встрѣчали его съ почетомъ, сажали въ передній уголъ. Тутъ, держа сына за руку, отецъ передавалъ его учителю, передавая ему и отцовскія права надъ сыномъ. Мать, стоя у дверей, плакала. Ученикъ дѣлалъ предъ учителемъ три земныхъ поклона, при чемъ учитель ударялъ слегка три раза плеткой своего ученика и сажалъ его за столъ за азбуку. Мать вручала сыну указку. Учитель, развернувъ азбуку, показывалъ букву *азъ* и начиналъ слагать *азъ-земля-ергъ-азъ*. Этимъ и оканчивался первый урокъ. Учителя угощали, подносили ему дары—платье, полотенце, хлѣбъ. На другой день ученикъ съ азбукой въ рукахъ являлся въ школу и становился школьникомъ ¹⁾.

Изъ дѣятелей Московской Руси XVII в., личныя воззрѣнія которыхъ не могли не отразиться въ исторіи русской педагогій, слѣдуетъ назвать имена *Епифанія Славинецкаго и Симеона По-*

¹⁾ См. у *Сахарова*, Сказан. Русск. народа, т. II, к. 7.

люкаго. Оба они были питомцами Кіево-Могилянскоі Коллегіи, и выходцами изъ Малороссіи, оба получили хорошее образованіе. Изъ нихъ Епифаній, будучи знакомъ съ западною наукою, въ то же время зналъ хорошо и греческій языкъ и стоялъ во главѣ славяно-греческаго направленія нашей образованности ¹⁾. Симеонъ же являлся сторонникомъ западно-латинскаго направленія. Сочиненій педагогическаго характера у Епифанія мы не находимъ ²⁾, напротивъ у Симеона и въ его отдѣльныхъ поученіяхъ, и въ сборникѣ, подъ названіемъ «Вечера душевная», мы находимъ достаточно педагогическаго матеріала.

Въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ Симеонъ Полоцкій исходитъ изъ положенія Златоуста, о которомъ мы уже имѣли случай упоминать и по которому Златоустъ совершенно отвергаетъ врожденность въ человѣкѣ зла, придавая огромное значеніе воспитанію. Выходя отсюда, Полоцкій доказываетъ, что хорошія или дурныя качества родителей, хотя и передаются непременно дѣтямъ, но «не по естеству», не чрезъ рожденіе, а чрезъ наученіе и примѣръ родителей. Затѣмъ, ссылаясь на Платона, Полоцкій уподобляетъ молодое сердце воску, на которомъ можно получить любой отпечатокъ. Если кто на воскѣ тамъ отпечатаетъ незлобиваго голубя, такъ и останется тотъ навсегда незлобивымъ, какъ голубь. Но можно также отпечатать: орла (возвышенное мудрствованіе), крота (привязанность къ землѣ), льва и волка (лютость и хищничество), вола и осла (трудолюбіе и лѣнь), медвѣдя и лису (гнѣвливость и хитрость), агнца (смирненіе) и горноста (чистота). Наконецъ, Полоцкій ссылается и на того философа, который «умы отрокъ юныхъ уподобляетъ скрижали не написанной». Ссылку эту мы уже встрѣчали въ упоминаемомъ

¹⁾ Епифаній вообще рѣшительно возставалъ противъ латинства, доказывая въ то же время, что намъ не слѣдуетъ увлекаться западными „хитростями (философія, ееологія и проч.), но въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ писаній познавати“. Рукописн. Сборн. нач. XIX в. Библиот. Кіево-Соф. соб. № 321. У проф. Петрова Описан. рукописей, III, 55.

²⁾ Ему принадлежитъ только переводъ книги „Гражданство и обученіе нравовъ дѣтскихъ“.

раньше сборникъ XVII в. ¹⁾). Сердца юношей, говоритъ Симеонъ, по преимуществу суть скрижали, но только не каменные, а плотныя; если кто напишетъ на нихъ Христово слово—останется оно навсегда; если же кто демонскую начертаетъ букву,—съ трудомъ она можетъ стереться.

Особенно настаиваетъ Симеонъ на развитіи въ дѣтяхъ трудолюбія. Въ первое семилѣтіе жизни ребенка послѣдняго, по Симеону, слѣдуетъ приучать къ нравственной чистотѣ и правдивости; во второе обучать полезному ремеслу, необходимому для добыванія средствъ къ жизни; въ третье семилѣтіе—страху Божію и мудрости, «какъ для Бога жить и честно въ мірѣ гражданствовать».

Эпоха Петра Великаго ²⁾).

Съ Петра В. начинаютъ новую исторію Россіи. Петра считаютъ историческимъ титаномъ, который мощною рукою направилъ русскую жизнь на новый путь—путь сближенія съ Западомъ. Съ него, говорятъ, и наше образованіе, наша школа получаютъ западно-европейскій характеръ.

Въ исторіи не бываетъ ничего случайнаго, неожиданнаго. Все здѣсь готовится постепенно; постепенно готовились

¹⁾ Сборникъ этотъ Лавровскій относитъ къ 80-мъ годамъ XVII в. „Вечера душевная“ написана въ 1683 г. Демковъ, опираясь на сходство мыслей и выраженій сборника и „Вечери“, составленіе сборника (собственно предисловія) приписываетъ Симеону Полоцкому. Ист. Пед. I, 282. При такихъ условіяхъ является темнымъ и неразрѣшимымъ вопросомъ объ отношеніи даннаго мѣста (о сердцахъ—,скрижали ненаписанной“) къ Локку, „Опытъ о человѣческомъ познаніи“ котораго явился уже въ 1690 году.

²⁾ См. *Проф. М. Владимірскій-Будановъ*, Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII в. Ч. I. (Система профессиональнаго образованія отъ Петра В. до Екатерины II). Яросл. 1874; *Пекарскій*, Наука и литература въ Россіи при Петрѣ В. СПб. 1862.

и реформы Петра В. Что касается до стремления Русскихъ къ ознакомленію съ западно-европейскими знаніями, то попытки въ этомъ направленіи намъ извѣстны тоже издавна. Но во всякомъ случаѣ было бы крупною несправедливостію отрицать важность эпохи Петра въ исторіи нашей образованности. Что же сдѣлано въ это время?

Главнѣйшими образовательными средствами при Петрѣ являются слѣдующія: сношенія съ Западною Европой, сближеніе съ южно-русскими учеными—питомцами Кіево-Могиланской Коллеги, открытіе новыхъ учебныхъ заведеній и преобразование старыхъ, печатаніе новыхъ книгъ, въ частности учебниковъ.

Со времени Петра наши сношенія съ Западомъ значительно оживляются и главнѣйшимъ мотивомъ этихъ сношеній теперь несомнѣнно является интересъ къ наукѣ и знанію. Петръ самъ былъ два раза за границей, усердно занимаясь усвоеніемъ европейскихъ знаній. «Азь бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую»—такова была надпись на печати царя, за которою онъ посылалъ свои письма изъ-за границы. Таковъ былъ девизъ царя. Частію по примѣру царя, частію по его порученію сотни молодыхъ людей отправляются за границу; одни изъ нихъ изучаютъ кораблестроеніе, мореходство, инженерное дѣло и военныя науки; другіе—архитектуру, живопись, медицину и иностранныя языки, по преимуществу нѣмецкій. Наконецъ, царь усердно привлекаетъ въ Россію и иностранныхъ ученыхъ и мастеровъ, «дабы наши подданные, какъ говоритъ онъ, тѣмъ болѣе и удобнѣе могли научиться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ».

Наравнѣ съ иностранцами стремятся теперь въ Москву и южно-русскіе ученые, которые и прежде уже начали проникать сюда. У Петра они встрѣчали радушный пріемъ. Среди этихъ ученыхъ Кіевлянъ нельзя не назвать трехъ замѣчательныхъ именъ: Стефана Яворскаго, Дмитрія Ростовскаго и Теофана Прокоповича. Своею дѣятельностію эти ученые должны были еще болѣе усилить латинско-западническое направленіе, отдѣльныя проявленія котораго мы видѣли и раньше, но особенно благоприятныя условія для котораго сложились теперь.

Далѣ, идутъ заботы Петра объ учебныхъ заведеніяхъ. По его мысли, Московская Академія была преобразована въ специальное профессиональное заведеніе духовнаго типа, имѣвшее задачей готовить пастырей церкви. вмѣстѣ съ этимъ былъ измѣненъ и характеръ науки въ Академіи. Преобразование Академіи было поручено Стефану Яворскому, который и измѣнилъ ее по образцу Кіевской Академіи. Съ 1700 г. она стала называться латино-славянскою Академіей. Профессиональный характеръ Академіи былъ утвержденъ Духовнымъ Регламентомъ, который далъ такой же специальный характеръ и средней духовной школѣ. Последняя устроилась на началахъ закрытыхъ учебныхъ заведеній. Для помѣщенія семинаристовъ рекомендовалось строить «дома образомъ монастыря», гдѣ и жить имъ безысходно. Здѣсь и лежитъ начало нашихъ знаменитыхъ бурсъ.

Если преобразованная Академія теперь становится во главѣ духовныхъ учебныхъ заведеній, то рядомъ съ нею и во главѣ свѣтской школы ставится другое высшее учебное заведеніе—навигационная школа, превратившаяся потомъ въ Морскую Академію. Для насажденія средняго образованія были учреждены т. п. «цифирныя школы», названныя такъ по преобладанію въ нихъ арифметическихъ знаній. Въ эти школы, по мысли Петра, обязаны были поступать «молодые робятки изо всякихъ чиновъ людей». Администрація должна была всячески содѣйствовать привлеченію учениковъ въ школы, не стѣсняясь даже прибѣгать и къ силѣ. Не кончившимъ ученія было запрещено даже вступать въ бракъ.

Что касается до элементарнаго образованія и начальныхъ школъ, то тутъ, повидимому, дѣло стояло не блестяще. Объ этомъ мы имѣемъ характерный отзывъ епископа Новгородскаго Іова. «Священниковъ, говоритъ онъ, неволять на всякомъ погостѣ строить школы и учить разнымъ наукамъ, а чѣмъ школы строить и кому быть учителями и какимъ наукамъ учениковъ учить и по какимъ книгамъ учиться и откуда пищу имѣть и всякую школьную потребу того опредѣлить не умѣютъ, только говорятъ: впрядь указъ будетъ».

Для оживленія и концентраціи научной у насъ дѣятельности Петръ задумалъ учредить Академію Наукъ, которая впрочемъ была открыта уже послѣ его смерти.

Нельзя обойти молчаніемъ и заботы Петра объ увеличеніи у насъ книгъ въ особенности учебныхъ. Дѣло книгопечатанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣло первоначальнаго обученія грамотѣ при Петрѣ было значительно облегчено введеніемъ новаго—гражданскаго шрифта. Царь самъ трудился надъ обработкою новаго шрифта. Первою книгою, отпечатанною гражданскимъ шрифтомъ, была геометрія, вышедшая 17 марта 1708 года.

Наконецъ важное значеніе для нашей образованности имѣли и общія стремленія Петра сблизить насъ въ культурномъ отношеніи съ Западомъ.

Подводя итоги образовательнымъ начинаніямъ Петра, къ характеристикѣ тогдашняго образованія и тогдашней школы мы должны сказать слѣдующее.

Первая характерная черта русской школы этого времени заключается въ томъ, что она не ставитъ своей задачей воспитанія и общаго образованія. Она имѣетъ въ виду главнымъ образомъ техническую выучку для цѣлей профессиональныхъ. Самъ Петръ, опредѣляя задачу школы, требовалъ, чтобы въ школахъ «люди, благоразумно учая, происходили во всякія потребности: и въ церковную службу, и въ гражданскую, и въ военную, и въ строительную, и медицинскую». Взглядъ этотъ, говоритъ Милюковъ, цѣликомъ унаслѣдованъ отъ XVII в., только тогда единственною профессиональною цѣлію было готовить къ духовному званію. Но съ такимъ мнѣніемъ согласиться нѣтъ возможности. Правда, наша допетровская школа была проникнута религіознымъ началомъ, но причина этого крылась не въ ея профессиональномъ характерѣ, а въ томъ, что тѣмъ же самымъ религіознымъ началомъ была проникнута и вся тогдашняя жизнь.

Въ силу сказаннаго, образованія въ собственномъ смыслѣ—въ смыслѣ развитія ума человѣка, теперь собственно не существовало; оно замѣнялось приобрѣтеніемъ необходимыхъ техническихъ знаній и навыковъ и сводилось къ профессиональной

выучкѣ. Вотъ почему на первый планъ въ Петровской школѣ и была выдвинута математика.

Во всякомъ случаѣ въ теперешней школѣ чувствовалась неудовлетворенность отвлеченными схоластическими знаніями, чисто словесными хитросплетеніями средневѣковой учености. Петровская школа ищетъ *реальныхъ* знаній. Тутъ кроется новая особенность этой школы.

Профессионально-утилитарный характеръ Петровской образованности долженъ былъ наконецъ отодвигать на задній планъ воспитательные идеалы, и воспитательная сторона дѣла въ этой школѣ естественно ограничивается установленіемъ внѣшней дисциплины. За «продерзости» были батогами, за болѣе серьезные проступки наказывали на школьномъ дворѣ плетью. Въ классѣ велѣно присутствовать «добрымъ отставнымъ солдатамъ гвардіи» и имѣть въ рукахъ хлысть. «А буде кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать, онымъ хлыстомъ бить, не смотря, какой бы фамиліи ученикъ ни былъ». Въ букварѣ 1701 года (составл. Θεодоромъ Поликарповымъ) мы находимъ такую картинку, характер-

ную для школьной практики того времени. Изображена классная комната съ учениками и двумя учителями; противъ одного

учителя школьникъ стоитъ на колѣняхъ, а другой учитель бьетъ мальчика розгами ¹⁾).

Такая школа, разумѣется, не могла привлекать питомцевъ; отсюда и вытекалъ принудительный характеръ Петровской школы до запрещенія уклоняющимся отъ ученія вступать въ бракъ включительно.

Подводя итоги дѣятельности Петра В., историки согласно главное значеніе его дѣятельности видятъ въ томъ, что онъ самъ рѣшительно сталъ на сторону западнаго теченія нашей жизни, которое ясно намѣчалось, какъ мы уже видѣли, и въ нашей предшествующей исторіи. Но указанное теченіе въ началѣ было нерѣшительнымъ: русское общество колебалось между двумя направленіями. Петръ своею дѣятельностію далъ рѣшительный перевѣсъ теченію западному.

Изъ отдѣльныхъ представителей мыслящаго общества Петровскаго времени слѣдуетъ упомянуть здѣсь имя *Св. Димитрія Ростовскаго*. Въ своихъ «Совѣтахъ родителямъ» Св. Димитрій развиваетъ ту же точку зрѣнія на природу дитяти, съ которою мы уже встрѣчались у Симеона Полоцкаго. «Малое дитя, говоритъ онъ, подобно доскѣ, приготовленной для картины; какое изображеніе напишетъ на ней живописецъ, доброе или худое, святое или грѣшное, ангела или бѣса, то и останется навсегда. Такъ и ребенокъ: какое родители дадутъ ему воспитаніе, какому научатъ его образу жизни, въ томъ онъ навсегда и останется». Въ остальномъ у Св. Димитрія въ качествѣ воспитательныхъ пособій фигурируютъ тѣ же ребросокрушенія, раны, палки, узды, угрозы и «желѣзныя цѣпи», съ которыми мы достаточно уже встрѣчались и раньше.

¹⁾ Здѣсь же помѣщено поученіе изъ I. Златоуста, начинающееся словами „кто грамотѣ научиса страха кромѣ“? (—не при посредствѣ страха). Листъ 14.—У насъ подъ руками былъ экземпль. букваря—собств. Библиот. Моск. Д. Акад. № 27/536.

Въ связи съ вопросомъ относительно образованности эпохи Петра В. нельзя не упомянуть, далѣе, и имени просвѣщеннаго крестьянина *Ивана Тихоновича Посошкова*. Его взгляды для насъ любопытны не только въ томъ отношеніи, что показываютъ намъ, какъ значительная часть Петровскаго общества реагировала на реформы Петра, но и тѣмъ, что у Посошкова мы встрѣчаемъ здравыя педагогическія мысли, характерныя для общества Петровскаго времени. Въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» Посошковъ высказываетъ горячее сочувствіе дѣлу Петра В., находя, что дѣятельность Петра направлена ко благу обожаемой самимъ Посошковымъ родины.

Около 1710 г. Посошковъ написалъ «Отеческое завѣщаніе къ сыну». Демковъ называетъ это завѣщаніе Домостроемъ XVIII-го в. ¹⁾ Но подобное опредѣленіе нельзя назвать точнымъ. Со времянь Домостроевскихъ жизнь уже шагнула впередъ, народились новые запросы, которые не могли не отразиться и въ трудѣ Посошкова.

Самъ являясь «всеусерднымъ желателемъ правды», Посошковъ въ основу своей нравственной философіи полагаетъ мысль о правдѣ. «Подобаеть намъ наче всего пещися о свисканіи правды». И для блага народнаго и государственнаго и для блага отдѣльнаго человѣка необходимо, чтобы человѣческія отношенія прониклись началами христіанской правды и любви. Этотъ же идеаль жизни, какъ видимъ, стоитъ значительно выше практическихъ идеаловъ Домостроевскихъ.

Дальше, если въ Домостроѣ мы не видѣли требованія учить дѣтей грамотѣ, то Посошковъ уже настойчиво внушаетъ, что дѣти въ годы отрочества должны прилежно заниматься «книжнымъ наученіемъ». При этомъ сыну своему совѣтуетъ научиться даже и иностраннымъ языкамъ. Находя необходимымъ внушать дѣтямъ гуманное, кроткое ко всѣмъ отношеніе, онъ совѣтуетъ

¹⁾ Истор. русск. пед., ч. II, 32.

развивать въ дѣтяхъ любовь и сострадательность и къ животнымъ и даже къ растеніямъ.— «Когдаходишь въ лѣсъ, то никакого дерева, ни большого, ни малаго безъ нужды не ломай. Они не на то созданы Богомъ». Въ своихъ воззрѣніяхъ на природу ребенка Посошковъ примыкаетъ къ распространеннымъ въ его время взглядамъ на податливость дѣтской природы. Какъ молодое дерево, говорить онъ, куда наклонишь его или скрипишь, такимъ останется навсегда, такъ и младенецъ...

Но не смотря на такое свѣтлое гуманное настроеніе, Посошковъ не могъ отрѣшиться отъ суровыхъ дисциплинарныхъ требованій современной ему педагогіи, говоря о «велицей грозѣ», въ коей, по нему, надлежитъ держать ученика.

Не могъ остаться не затронутымъ въ царствованіе Петра и *вопросъ о женскомъ образованіи*. Въ числѣ отправленныхъ при Петрѣ за границу русскихъ людей былъ бояринъ Феодоръ Салтыковъ. Поживъ нѣкоторое время въ Англіи и Голландіи, Салтыковъ, по возвращеніи домой (около 1712 г.), составилъ «пропозиціи» — проекты различныхъ преобразованій, гдѣ касается вопросовъ и образовательнаго характера. По его мнѣнію, между прочимъ, слѣдовало бы во всѣхъ губерніяхъ учинить женскія школы. Отцовъ штрафомъ слѣдуетъ обяывать отдавать туда въ обученіе своихъ дочерей. Здѣсь онѣ оставались бы отъ 6 лѣтъ до 15-лѣтняго возраста. Учить здѣсь предлагалось слѣдующимъ «женскимъ» наукамъ.—1) Для домоводства: читать, писать и (знать) цифири; 2) для изящества: языка французскій и нѣмецкій; 3) для забавы: пиктуры (рисованіе); 4) для собственнаго развлеченія и въ компаніи веселаго обхожденія: музыкѣ инструментальной и вокальной, «сирѣчь на всякихъ инструментахъ и воспѣвать». Обучать слѣдовало и танцамъ, «чтобы женскій народъ уравнился съ европейскими государствами равно». Учебныя заведенія для дѣвицъ должны быть характера строго закрытаго. Доступъ мужчинамъ туда былъ запрещенъ совершенно. Впрочемъ, отпуски домой на каникулы къ родителямъ дозволялись.

Идея закрытыхъ учебныхъ заведеній зараждается на Западѣ и стоитъ въ связи съ идеями Локка. Очевидно, Салтыкову въ бытность его въ Англии и пришлось съ этими идеями познакомиться.

Эпоха ближайшихъ преемниковъ Петра В.

Начатое Петромъ дѣло просвѣщенія Руси умереть уже не могло. На другой же годъ послѣ его смерти было осуществлено задуманное имъ дѣло: была открыта Академія Наукъ (1726 г.). При Академіи предполагалось учредить университетъ и гимназію. Профессора были приглашены изъ-за границы, а такъ какъ подготовленныхъ слушателей у насъ не оказалось, то оттуда же кстати выписали и студентовъ—въ количествѣ осьми человекъ. Но профессоровъ было все же вдвое больше, и они, чтобы выполнить уставъ, принуждены были ходить другъ къ другу на лекціи.

Ставъ во главѣ ученаго дѣла и содѣйствуя, хотя нѣсколько, развитію у насъ научныхъ знаній, Академія въ то же время являлась и просвѣдительнымъ учрежденіемъ, содѣйствующимъ развитію нашей образованности. Въ числѣ первыхъ академикомъ изъ русскихъ выдвинулись такія лица, какъ Ломоносовъ, Тредьяковскій, Татищевъ и др.

При Елизаветѣ Петровнѣ былъ открытъ первый университетъ въ Москвѣ въ 1755 г.

Въ указанныхъ мѣрахъ правительства нельзя не видѣть попытокъ измѣнить профессиональный характеръ образованности, расширивъ его задачами *общеобразовательнаго характера*. «Всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго ума»—говорила Елизавета Петровна. Защитникомъ общеобразовательнаго принципа выступаетъ теперь И. И. Шуваловъ—учредитель Московскаго Университета.

Являясь новымъ фазисомъ въ развитіи нашей образованности, общеобразовательныя попытки новой («шуваловской») — по

выраженію Милюкова) школы на первыхъ порахъ большого успѣха не имѣли. Такъ духовно-учебныя заведенія теперь окончательно превращаются въ строго профессиональныя училища съ спеціальными духовными задачами. Учебный курсъ ихъ постепенно становится копіей курса Кіевской Академіи. Обученіе родному языку стало падать, и на первый планъ выдвинулось обученіе языку латинскому, который сдѣлался въ семинаріяхъ чуть ли не разговорнымъ языкомъ. Классы раздѣлились по предметамъ преподаванія, и для того, чтобы осилить извѣстный классъ, ученикамъ приходилось сидѣть въ нихъ по нѣскольку лѣтъ, достигая иногда въ семинаріи до 27—28 лѣтъ, пока они не изгонялись за великовозрастіе. Классы были слѣдующіе: фара, инфима, грамматика, синтаксима, шитика, реторика, философія и богословіе.

По своему внутреннему строю семинаріи постепенно становились строго закрытыми учебными заведеніями, всячески ограничивая отпуски воспитанниковъ въ дома родителей.

Что касается до воспитательной стороны, то суровость и формализмъ, царившіе здѣсь, создали то уродливое явленіе, которое съ именемъ бурсы стало извѣстно потомъ, отразившись даже въ нашей изящной литературѣ.

Какъ бы то ни было,—число учебныхъ заведеній какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, теперь росло. Правительство продолжало принуждать состоятельныхъ родителей къ обученію своихъ дѣтей, и «недоросли» (недоучки), признанные таковыми на особыхъ смотрахъ, подвергались различнымъ ограниченіямъ въ своихъ правахъ. Для удовлетворенія учебныхъ нуждъ, кромѣ казенныхъ заведеній, теперь открываются еще частныя пансіоны; открываются они иностранцами, преимущественно французами, при чемъ главное вниманіе здѣсь обращается на французскій языкъ и усвоеніе хорошихъ манеръ.

Особыхъ заботъ относительно низшаго образованія теперь мы пока не видимъ.

И правительство и общество были всецѣло заняты, можно сказать—поглощены усвоеніемъ новаго культурнаго строя жизни,

слишкомъ поглощены для того, чтобы сосредоточиться на идеалахъ воспитательныхъ. Суровость дисциплины вмѣстѣ съ многопредметностью учебнаго курса, необъединеннаго общемою идеею, составляютъ характерныя черты педагогическаго этого времени. Новыхъ воззрѣній, новыхъ путей здѣсь мы не встрѣчаемъ.

Для характеристики педагогическихъ воззрѣній періода остановимся на *Татищевѣ*. Литературная дѣятельность нашего перваго историка падаетъ на время преемниковъ Петра В., но въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ онъ является выразителемъ профессионально-утилитарнаго направленія Петровской образованности. Для насъ въ данномъ случаѣ наиболее важными трудами Татищева являются его «Духовная» (завѣщаніе къ сыну) и «Разговоръ о пользѣ наукъ и училищъ».

Утверждая, что ученіе человѣку необходимо, чтобы сдѣлаться разумнымъ, Татищевъ въ тоже время на самую разумность смотреть съ утилитарной точки зрѣнія и знаніе сводить къ пониманію того, что человѣку «полезно и нужно, что вредно и непотребно». Ставя на первомъ мѣстѣ обученіе вѣрѣ, Татищевъ требуетъ далѣе обученія свѣтскимъ наукамъ—письму, ариметикѣ, геометріи, артиллеріи, фортификаціи и «прочимъ частямъ математики, такожде нѣмецкій языкъ». Нужно знакомиться съ исторіей и географіей Россіи, а равно изучать и законы гражданскіе и военные. Все это необходимо—«дабы, какъ скоро къ какому дѣлу опредѣлишься, могъ сплу надлежащихъ къ тому законовъ разумѣть... что тебѣ къ немалому счастью послужить».

Всѣ науки у Татищева дѣлятся такимъ образомъ: 1) науки нужны—домоводство, врачевство, Законъ Божій, умѣнье владѣть оружіемъ, логика, богословіе; 2) полезныя—письмо, грамматика, краснорѣчіе, иностранныя языки, «гисторія», географія, ботаника, анатомія, физика, химія; 3) щегольскія—стихотворство, музыка, танцы, живопись; 4) любопытныя—астрономія, физіономика, хиромантія, алхимія; 5) вредныя—гаданія и волшебства разнаго рода.

Находясь и работая одно время въ Сибири, Татищевъ былъ занятъ, между прочимъ, устройствомъ здѣсь начальныхъ училищъ

для народа. Но и народной школѣ онъ ставилъ практическія цѣли: грамотность крестьянамъ нужна, «дабы ихъ подъячіе не такъ могли обманывать».

Любопытенъ взглядъ Татищева на женщину — «Имѣй и то въ памяти, что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница, другъ во всемъ нелицемерный». Въ воспитаніи дѣтей она должна принимать одинаковое съ мужемъ участіе.

По мнѣнію Татищева, слѣдовало бы, чтобы было такое правительственное учрежденіе, которое вѣдало бы учебныя дѣла, объединяло ихъ и давало бы имъ опредѣленное направленіе. Этимъ требованіемъ онъ предвосхищалъ мысль объ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія.

Вѣкъ Екатерины В. ¹⁾.

Отношеніе между воспитательными идеалами и практикой до этого времени было приблизительно слѣдующее. Практика шла впереди теоріи,—на долю послѣдней оставалось объяснять наличную педагогическую практику и логически обосновывать, оправдывать, защищать ее. Въ попыткахъ Петра и его преемниковъ насадить у насъ сначала профессиональную школу, а потомъ общеобразовательную — теорія какъ будто-бы начинаетъ вступать въ свои права, стремясь приспособить къ себѣ, пересоздать практику. Но со всею ясностію это теченіе обнаруживается только въ вѣкъ Екатерины В. Западныя педагогическія воззрѣнія, раньше только отрывочно проникавшія къ намъ, теперь почти въ цѣломъ видѣ заимствуются нашими теоретиками воспитанія, которые по мѣрѣ силъ и возможности стараются про-

¹⁾ См. *Н. Лавровскій*, О педагогическомъ значеніи сочиненій Екатерины В. Харьковъ, 1856; *Кирпичниковъ*, Педагоги прошлаго (XVIII) вѣка, Ист. Вѣстн. 1885, 9; *Проф. Маккавейскій*, Педагогическія мечты Екатерины В. и Бецкаго—къ исторіи русскаго воспитанія, Труды Кіев. Д. Акад. 1904, 5; *М. Войцеховичъ*, Изъ прошлаго русской школы—реформа семьи и школы при Екатеринѣ II, СІБ. 1908.

вести эти возрѣнія въ жизнь. Въ самомъ характерѣ нашей школы при Екатеринѣ завершился начавшійся наканунѣ ея царствованія процессъ превращенія школы въ общеобразовательную. вмѣстѣ съ тѣмъ школа стремится теперь къ началу безусловности. Послѣ Петра В. дворянство поспѣшило уничтожить принужденія по части обязательнаго обученія своихъ дѣтей, оно стало отстраняться отъ пользованія общественной школой и тѣмъ самымъ освободило послѣднюю отъ необходимости приспособлять свои программы къ потребностямъ высшаго класса.

Такъ въ вѣкъ Екатерины началось усиленное ознакомленіе русскихъ съ педагогическими мыслями Запада. На Западѣ же, кромѣ старыхъ педагоговъ Монтэня и Амоса Коменскаго, моднымъ кумиромъ являлся теперь Локкъ, а затѣмъ уже выступалъ на сцену и Руссо (его «Эмиль» появился въ 1762 г.).

Педагогическія возрѣнія Локка, въ которыхъ онъ близко подходитъ къ Монтэню, вытекають изъ его основнаго взгляда на природу ребенка, какъ *tabula rasa*. Выдвигая на первый планъ воспитаніе, которымъ и заполняется эта *tabula rasa*, Локкъ видное мѣсто отводитъ требованіямъ отъ педагога вниманія и по отношенію къ физической развитію питомца ¹⁾. «Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ—вотъ краткое, но полное описаніе счастливаго состоянія въ здѣшнемъ мірѣ» ²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ—идеаль воспитанія.

Западными педагогическими мыслителями и въ частности самимъ Локкомъ, у насъ, какъ мы видѣли, интересовались и раньше. Теперь въ вѣкъ Екатерины, когда на Западѣ начинается захватывающаго интереса т. н. просвѣтительное движеніе, когда русское общество уже приучилось, благодаря Петру В., внимательно прислушиваться къ голосу Запада,—теперь этотъ инте-

¹⁾ См. *Локкъ*, Мысли о воспитаніи, СПб. 1897, стр. 27. Монтэнь, говоря тоже о приученіи питомца къ физической выносливости, настаивалъ на необходимости закаливанья организма. См. Мысли о воспитаніи Раблэ и Монтэня, СПб. 1896, стр. 90

²⁾ *Локкъ*, стр. 5.

ресь уже граничить съ увлеченіемъ. Трактатъ Фенелона «О воспитаніи дѣвиць» Фонвизинъ даетъ въ руки своей Софьи изъ «Недоросля», которая и цитируетъ оттуда цѣлыя выраженія ¹⁾. И едва-ли не больше всѣхъ увлекалась западною філософіей сама Екатерина. Не даромъ она, состоя въ оживленной перепискѣ съ корифеями западной образованности, съ гордостію заявляла, что въ Россію находить свободный доступъ даже то, что запрещено на Западѣ.

Педагогическія мысли Екатерины раскрыты въ XIV главѣ „Наказа“, въ сказкахъ „О царевичѣ Хлорѣ“ и О царевичѣ Февелѣ (1782), а также въ „Инструкціи кн. Салтыкову“ при назначеніи его къ воспитанію великихъ князей Александра и Константина (См. Собр. Сочинен. СПб. 1893 г.).

Увлекаясь западными мечтами о созданіи „новой породы“ людей, мечтая о средствахъ „сдѣлать людей лучшими“, Екатерина, подобно Монтэню и Локку, на первый планъ выдвигаетъ воспитаніе ²⁾, а въ этомъ послѣднемъ на первое мѣсто она выдвигаетъ нравственный элементъ—вкорененіе въ душѣ питомца гуманности, справедливости. Знанію не придается особой важности и значенія, при томъ въ самомъ ученіи слѣдуетъ избѣгать принужденія, „чтобы воспитанники къ ученію приступали столь же охотно, какъ къ игрѣ“. Дисциплина вообще должна быть проникнута духомъ кротости. Воспитатель по возможности не долженъ подавлять свободы дѣтей, не долженъ „уменьшать дѣтской веселости нрава“, ласкою возбуждая любопытство дѣтей къ ученію. Наказанія заключаются въ убѣжденіи, выговорѣ и настойчивой угрозѣ. Далѣе слѣдуютъ т. н. исправительныя мѣры: 1) „холодное и презрительное обхожденіе съ цѣлію возбужденія стыда“; 2) „лишеніе чего либо—отобраніе вещей, къ которымъ небрежно относятся“; 3) „припужденіе къ опредѣленнымъ занятіямъ“.

¹⁾ См. Дѣйствіе IV, явл. 1 и 2-е.

²⁾ Правила воспитанія суть *первыя основанія*, приуготовляющія насъ быть гражданами.—„Наказъ“, гл. XIV, § 318.

„Инструкція“ показываетъ, что Екатерина много заботилась о физическомъ развитіи питомца и по части воспитанія царевичей ея заботы въ этомъ отношеніи шли даже дальше мѣры. Закаливаніе слуха Александра Павловича повело къ тому, что послѣдній на всю жизнь остался глуховатымъ. А въ сказкѣ «О царевичѣ Февеѣ» Екатерина рисуетъ цѣлую картину физическаго развитія ребенка¹⁾, построенную на принципахъ нестѣсненія естественной свободы дитяти, соотвѣтственно принципу «естественнаго воспитанія» Руссо. Въ связи съ заботами о физическомъ развитіи слѣдуетъ упомянуть и заботы Екатерины о воспитаніи въ дѣтяхъ хорошихъ манеръ—«учтивости».

Итогъ своихъ педагогическихъ воззрѣній Екатерина сама указываетъ въ «Инструкціи», когда, говоря о содержаніи и объемѣ воспитанія, заявляетъ, что «здоровое тѣло и умякновение къ добру составляютъ все воспитаніе».

Заботясь лично о воспитаніи своихъ внуковъ, Екатерина составила для нихъ нѣсколько учебныхъ книжекъ. Кромѣ упоминаемыхъ уже нами сказокъ, были составлены «Россійская азбука», «Разговоры и рассказы», «Продолженіе начальнаго ученія» и «Выборныя Россійскія пословицы». Въ послѣднихъ придается должное значеніе уму и ученію, отводимыхъ на второй планъ въ общей системѣ Екатерины.—„Ученье—въ счастья красота, а въ несчастья прибѣжище“.

Въ царствованіе Екатерины у насъ открылся цѣлый рядъ т. н. *закрытыхъ учебныхъ заведеній*—Воспитательный домъ въ Москвѣ, Екатерининское училище здѣсь же, Воспитательное училище при Академіи художествъ для малолѣтнихъ дѣтей всѣхъ сословій, Институтъ для благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ; при немъ было открыто отдѣленіе и для дѣвицъ мѣщанскаго сословія. Въ этомъ же направленіи былъ преобразованъ и Шляхетскій кадетскій корпусъ. Учрежденіе этихъ заведеній, мысль о которыхъ предносилась уже Ѳ. Салтыкову, вполне гармонировало съ воззрѣніями императрицы, но по преимуществу

¹⁾ См. Соб. Соч. СПб. 1894, I, стр. 112.

ихъ осуществленіе слѣдуетъ связывать съ именемъ *Ивана Ивановича Бецкаго*.

Умный, философски-образованный гуманный идеалистъ, онъ всею душою раздѣлялъ мечты императрицы о воспитаніи „новой (идеальной) породы“ людей въ Россіи и свои убѣжденія высказалъ какъ теоретически въ своемъ „Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоого пола юношества“, такъ и практически—въ открытіи и преобразованіи названныхъ воспитательныхъ заведеній.

Какъ и Екатерина, Бецкій выходилъ изъ положеній Локка о томъ, что „корень всему злу и добру есть воспитаніе“. При такомъ значеніи воспитанія, его именно, а не образованіе слѣдуетъ насадить въ Россіи.

Задачу такого воспитанія новыхъ, совершенныхъ людей не можетъ взять на себя общество—это „старое порожденіе“, совершенно неспособное къ такому дѣлу. Эта цѣль можетъ быть достигнута только въ особыхъ *государственныхъ* воспитательныхъ училищахъ, созданныхъ на началахъ строжайшаго интерната, полного изолированія питомцевъ отъ всѣхъ вліяній семьи и общества. „Такъ что и самые ближніе сродники, хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но не иначе, какъ въ самомъ училищѣ и то въ присутствіи ихъ—начальниковъ“¹⁾. Сюда слѣдовало отдавать дѣтей въ возрастѣ, „когда душа ребенка отличается еще чистотою“—по пятому—шестому году. Съ этого возраста они должны оставаться здѣсь безвыходно до 18—20 лѣтъ.

Задачи, которыя ставятся новымъ заведеніямъ—это воспитаніе, физическое и моральное. Первое опирается на принципы простоты, близости къ природѣ и закаливаніи организма, второе сводится къ воздѣйствію на сердце питомца, воздѣйствію *прямому*, а не чрезъ посредство разума, ибо „не все то до сердца дохо-

¹⁾ См. Генеральное учрежденіе о восп. обоого пола юношества“. „Собраніе учреждений и предписаній касательно воспитанія въ Россіи обоого пола юношества“. Т. I. СПб. 1789, стр. 6.

дять, что разумъ понимаетъ“¹⁾. Средствомъ являются добродѣтельные примѣры воспитателей; послѣдніе, разумѣется, должны быть на высотѣ своего призванія²⁾, замѣняя отцовъ и матерей для своихъ питомцевъ, находясь при нихъ неотлучно и представляя постоянно „слуху и зрѣнію послѣднихъ—наглядные примѣры добродѣтели, кротости, снисхожденія и любви“. Велика здѣсь отвѣтственность воспитателей. — Врожденныхъ пороковъ нѣтъ, души дѣтей открыты и не испорчены, и отъ воспитателей зависитъ, куда направить эту „чистую воду“—на „прекрасные луга“ или въ „грязныя болота“.

По вопросу о наказаніяхъ Бецкій идетъ даже дальше своего учителя—Локка. Послѣдній, хотя и съ ограниченіемъ, но допускалъ еще физическія наказанія (за два порока—упрямство и ложь). Бецкій хочетъ совершенно вычеркнуть физическія наказанія изъ системы воспитанія. Эти наказанія, вредя здоровью дѣтей, въ то же время дѣлають ихъ мстительными, притворными, угрюмыми, нечувствительными, грубыми. Но все же наказанія Бецкій допускаетъ, главнымъ образомъ—нравственныя, дѣйствующія на чувство самолюбія питомца; но при этомъ допускаетъ и такое, какъ лишеніе пищи, стояніе на ногахъ, „ни на что не опираясь“. Категорически Бецкій отрицаетъ, такимъ образомъ, только побои. У Бецкаго затѣмъ выдвигается одна очень важная и любопытная черта, которой мы не видимъ у Локка. Это мысль о необходимости добраго, радостнаго настроенія воспитываемыхъ. Всякое уныніе и печаль не свойственны дѣтямъ, противны ихъ природѣ. Рѣдко бываетъ, чтобы дѣти отъ природы были „сложенія печальнаго“, а потому и задачи наставниковъ должны сводиться къ тому, чтобы „всякую печаль, какъ отраву, отвергать въ дѣтяхъ“.

¹⁾ Собр. учрежд. и предписаній, т. I, стр. XIII.

²⁾ Разница между Локкомъ и Бецкимъ здѣсь только та, что первымъ воспитаніе посредствомъ примѣровъ считается дѣломъ легкимъ (Мысли о воспит. § 22), а Бецкій справедливо называетъ его самымъ труднымъ.

Обученіе Бецкій ставитъ на второмъ планѣ, хотя, противрѣча себѣ, при составленіи программъ для своихъ учебныхъ заведеній, онъ и включаетъ туда безконечное число наукъ и искусствъ. При самомъ обученіи Бецкій требуетъ всячески облегчать это дѣло ребенку, дѣлая обученіе легкимъ и пріятнымъ.

Такова система Бецкаго, которую проф. Маккавейскій справедливо называетъ „волшебною сказкою, очаровательною мечтою“¹⁾; это дѣйствительно скорѣе мечта, чѣмъ серьезная педагогическая система.

Но какъ бы то ни было, имя Бецкаго въ исторіи педагогики не можетъ остаться незамѣченнымъ. Его вѣра въ дѣтское существо, въ его добрыя силы, *горячая любовь къ нему*, боязнь нарушить невозвратное дѣтское счастье и потому стремленіе сохранить дѣтству возможно больше жизнерадостнаго чувства, естественной свободы, безмятежнаго веселья, полное исключеніе изъ системы воспитательныхъ воздѣйствій всего грубаго, оскорбляющаго человѣческое достоинство, желаніе внести возможно больше легкости въ сферу обученія—все это въ то время, когда наша русская педагогія еще не успѣла выпустить изъ рукъ всесокрушающаго жезла—все это было новымъ словомъ, будило новыя мысли, созидало новые идеалы.

Опытъ закрытыхъ учебныхъ заведеній долженъ былъ показывать и дѣйствительно показалъ Екатеринѣ односторонность ея педагогическихъ увлеченій. Вотъ почему мы видимъ, что во вторую половину царствованія Екатерина усиленно заботится объ образованіи народномъ, о широкомъ развитіи школьнаго дѣла и школы, какъ разсадницы знаній. Сотрудникомъ ея въ этомъ дѣлѣ былъ *Яковичъ де-Миріево*, котораго Милоковъ называетъ „истиннымъ творцомъ первой русской общеобразовательной школы“²⁾,

¹⁾ Проф. Маккавейскій, Назв. сочин. стр. 165.

²⁾ Очерки, II, 319. См. еще: *Вороновъ*, Яковичъ де-Миріево, или народн. училища въ Россіи при имп. Екатеринѣ II. 1858; *Никольскій*, Школьная реформа при имп. Екатеринѣ II. Журн. Мин. Н. Пр. 1872, 3.

сравнительно съ которой все предыдущее является только отрывочными попытками.

Въ это время въ Австріи разрабатывалась система народнаго образованія, по которой простонародная школа должна была цѣлою сѣтью покрыть все государство. Къ этому дѣлу въ Австріи и стоялъ близко сербъ по происхожденію—Янковичъ де-Миріево. Его то Екатерина и вызвала въ Россію для проведенія австрійской школьной системы у насъ. По плану послѣдняго, во всѣхъ маленькихъ городахъ и мѣстечкахъ заводятся простонародныя школы для обученія Закону Божію, чтенію, письму, ариѳметикѣ и домохозяйству. Школы эти дѣлятся на низшія и главныя. Задачею послѣднихъ было, между прочимъ, подготовленіе народныхъ учителей. Для осуществленія этого плана была образована „Коммиссія объ учрежденіи училищъ“. Въ 1783 г. въ Петербургѣ было открыто Главное народное училище, изъ котораго вскорѣ выдѣлилась учительская семинарія. Всего народныхъ училищъ было образовано до 170, изъ нихъ главныхъ народныхъ—43. Для учителей Янковичъ составилъ „Руководство учителямъ“. Это руководство является нашею первою дидактикою съ широкимъ требованіемъ наглядности въ обученіи. Здѣсь проводится дотолѣ мало у насъ практиковавшаяся система совмѣстнаго обученія. Поднимался у насъ въ царствованіе Екатерины вопросъ и о всеобщемъ обученіи, по примѣру Пруссіи, съ учрежденіемъ школъ во всѣхъ деревняхъ. Насколько вообще можно было у насъ мечтать о всеобщемъ обученіи, показываетъ справка хотя бы о годѣ 1790. Населеніе Россіи въ этомъ году равнялось почти 26,000,000, а учащихся было 16525. Одинъ учащійся приходился приблизительно на 1573 души всего населенія.

Въ соотвѣтствіи съ новымъ направленіемъ педагогіи въ концѣ царствованія Екатерины стоятъ воззрѣнія *Проф. Прокоповича-Антонскаго*. Подобно своимъ современникамъ, онъ въ своей рѣчи „О воспитаніи“ выходитъ изъ воззрѣній Локка, заявляя, что „природа, производя челоуѣка, даетъ ему, кажется, только жизнь и силу дѣйствія, а образовать его представляетъ времени и опытамъ“. Однако далѣе онъ, какъ будто бы, допу-

скаеть принципъ прирожденности;—никто не родится въ свѣтъ, не получивъ къ чему-нибудь способностей“. Эти способности воспитатель и долженъ прежде всего узнать, чтобы соотвѣтственно имъ индивидуализировать воспитаніе. Среди душевныхъ способностей человѣка онъ отдаеть предпочтеніе *уму*, который есть „главнѣйшее преимущество человѣка, драгоцѣннѣйшее его сокровище“. Вотъ почему наряду съ „образованіемъ сердца“ онъ требуетъ и просвѣщенія ума.—„Разумъ необходимо долженъ быть всегдашнимъ руководителемъ нашимъ“; его надлежитъ образовывать съ юныхъ лѣтъ. А просвѣщенію ума и укрѣпленію разсудка, по мнѣнію Антонскаго, больше всего содѣйствуютъ знанія, и умъ молодыхъ людей долженъ по преимуществу обогащаться тѣми знаніями, которыя имѣють больше отношенія къ ихъ будущему состоянію. Сюда относятся—исторія, физическія и математическія науки и естественная исторія.

Въ связи съ временемъ Екатерины слѣдуетъ упомянуть еще о педагогическихъ воззрѣніяхъ украинскаго философа *Григорія Саввича Сковороды* ¹⁾. Въ своихъ воззрѣніяхъ онъ примыкаетъ къ философіи Руссо. Единственною воспитательницею человѣка, по нему, является природа. „Учитель не есть учитель, а только служитель природы—единственной и истинной учительницы“. Отъ природы, „яко матери, легесенько спѣеть наука собою. Сія есть всеродная и истинная учительница единая. Сокола вскорѣ научишь летать, но не черепаху. Всякое дѣло спѣеть, если путешествуетъ премудрая и блаженняя природа. Не мѣшай только ей, а если можешь, отвращай препятствія и будто дорогу ей очищай. Клубокъ самъ собою покатится отъ горы, отними только ему препятствующій камень. Не учи его катиться, а только поможай. Яблони не учи родить яблока: уже сама природа ее научила; огради только ее отъ всего вреднаго“.

Далѣе у Сковороды мы находимъ горячую защиту національнаго воспитанія. Какое идолопоклонство, говоритъ онъ, предо-

¹⁾ См. *Н. Стеллецкій*, Странствующій украинскій философъ Г. С. Сковорода.—Труды Кіев. Д. Акад. 1894, 7—8.

ставлять воспитаніе дѣтей выписаннымъ мудрецамъ и наемнымъ учителямъ изъ нѣмцевъ и французовъ, которые привносятъ начала чуждаго воспитанія. Самое воспитаніе скрывается въ природѣ каждаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо скрываются въ кремешкѣ. Не пожалѣй руки и ударь кресаломъ и выкresiшь огонь у себя дома и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ «трепетницею» кланяться и просить—займи мнѣ огня. Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чуждое воспитаніе нужно прививать къ русскому человѣку, а свое родное.

Значеніе Екатерининскаго времени для *женскаго образованія* заключается въ томъ, что учрежденіемъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ (Смольный Институтъ) съ открытымъ при немъ мѣщанскимъ отдѣленіемъ Екатерина положила у насъ начало систематическому женскому образованію. Подавала она и сама примѣръ женскаго умственнаго труда на поприщѣ и литературномъ, и общественномъ. Пробуждаемая ею къ умственному труду русская женщина выставляетъ тебѣ изъ своей среды такого образованнаго человѣка, какъ княгиня Е. Р. Дашкова—первая предсѣдательница учрежденной при Екатеринѣ Россійской Академіи.

Первая половина XIX ст. ¹⁾.

Въ 1802 г. имп. Александромъ I была осуществлена мечта Татищева—появилось учрежденіе, которое имѣло цѣлю объединить учебное дѣло, дать ему опредѣленное направленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ сконцентрировать правительственныя заботы объ увеличеніи у насъ образовательныхъ средствъ. Такимъ учрежденіемъ

¹⁾ *Сухомлиновъ*, Матеріалы для исторіи образованія въ нач. XIX в. Журн. Мин. Нар. Пр. 1861, № 11; 1866 № 4; *А. Пытинъ*, Общественн. движенія въ Россіи при Александрѣ I, СПБ. 1.00; *М. Лалаевъ*, Императ. Николай I, зиждитель русской школы. СПБ. 1896.

явилось Министерство Народнаго Просвѣщенія. Вскорѣ (около 1803 г.) былъ выработанъ и планъ устройства учебной части въ имперіи; планъ въ направленіи бюрократической централизаціи.

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній теперь учреждаются Петербургскій Университетъ, высшее училище въ Ярославлѣ (потомъ—съ 1868 г.—юридическій лицей) и Нѣжинская гимназія высшихъ наукъ (позднѣе—съ 1875 г.—филологическій институтъ).

Попечителю округа подчинялись университеты и всѣ другія заведенія округа; въ губернскихъ городахъ учреждались гимназіи, и директоръ гимназіи являлся главнымъ начальникомъ училищъ губерніи, равно какъ смотритель уѣзднаго училища завѣдывалъ всѣми училищами уѣзда. Низшими училищами являлись приходскія училища. Любопытна цѣль послѣднихъ. Ихъ цѣль—«чтобы доставить дѣтямъ земледѣльческаго и другихъ состояній свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ лучшими, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истреблять въ нихъ суевѣрія и предрасудки, дѣйствія коихъ столь вредны ихъ благополучію, здоровью и состоянію». Чѣмъ то вродѣ книги для чтенія въ школѣ являлось «Краткос наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніяхъ природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья». Хотя на Западѣ въ это время входилъ уже въ силу звуковой методъ обученія грамотѣ, къ намъ онъ пока еще не проникаетъ; обученіе чтенію у насъ продолжалось еще по старому буквослагательному методу, и обученіе письму начиналось послѣ обученія чтенію. Въ дѣлѣ поддержанія приходскихъ училищъ особенно много помощи оказываетъ теперь приходское духовенство.

Любопытнымъ фактомъ Александровской эпохи въ дѣлѣ начального обученія является проникновеніе къ намъ съ Запада Ланкастерскаго метода (идея взаимнаго обученія)¹⁾. Съ цѣлію

¹⁾ См. В. Первая въ Россіи Ланкастерская школа. Историч. Вѣстн. 1887, 9.

ознакомленія съ этимъ методомъ около 1819 г. правительствомъ были отправлены за границу нѣкоторые студенты Петербургскаго педагогическаго института. Для пасаженія у насъ этого метода было учреждено (въ 1819 г.) «С.-Петербургское общество учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія». Первая школа въ такомъ родѣ была открыта въ томъ же году въ Гомелѣ въ имѣньи гр. Румянцева выписаннымъ изъ Англіи Я. Гердомъ. Въ 1822 г. въ Петербургѣ было учреждено училище взаимнаго обученія для бѣдныхъ мальчиковъ. Особеннаго распространенія у насъ методъ этотъ не получилъ, но все же подобныя школы стали появляться и въ другихъ городахъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ вышло циркулярное предложеніе министерства, чтобы въ училищахъ практиковался только этотъ способъ обученія.

Во вторую половину своего царствованія Александръ, увлекаясь идеями Священнаго Союза, стремится создать въ Россіи систему народнаго образованія на основахъ православной вѣры, справедливости и любви къ ближнему. Фактомъ, знаменующимъ измѣненіе взгляда на народное образованіе, служить послѣдовавшее въ 1817 г. преобразование Министерства Народнаго Просвѣщенія въ совмѣстное Министерство Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія; «дабы, какъ мотивировалась эта реформа, христіанское благочестіе было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія» ¹⁾.

Въ царствованіе Александра I двинулось впередъ и женское образованіе. Во главѣ этого дѣла теперь становится императрица Марія Ѳеодоровна, вдова Павла I ²⁾. И лично она много заботилась объ открытіи новыхъ женскихъ учебныхъ заведеній и косвенно тому же она содѣйствовала тѣмъ, что по ея инициативѣ

¹⁾ Сотрудникомъ Александра въ этомъ дѣлѣ выступаетъ извѣстный Магницкій.

²⁾ См. *Шумигорскій*, Имп. Марія Ѳеодоровна. СПб. 1892; *Л. Модзалевскій*, Имп. Марія Ѳеод. и ея первый женскій институтъ. Образован. 1894, 5—6.

всѣ дѣла по женскому образованію были сосредоточены въ IV Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи (зарожденіе Маріинскаго Вѣдомства). Благодаря всему этому, у насъ быстро начинаютъ открываться новыя учебныя заведенія—въ Петербургѣ: Маріинскій Институтъ и Екатерининское Училище; въ Москвѣ: Маріинскій Институтъ и Александровское училище; далѣе—Гатчинскій Воспитательный Домъ, институты Харьковскій, Полтавскій, Казанскій и Одесскій и воспитательный домъ трудолюбія въ Симбирскѣ. Главною задачею воспитанія дѣвиць ставилось теперь воспитаніе сердца и характера съ развитіемъ деликатныхъ манеръ. Въ закрытомъ строѣ женскихъ учебныхъ заведеній измѣненій не произошло. Значеніе дѣятельности Маріи Ѳеодоровны, такимъ образомъ, сводится къ значительному увеличенію числа женскихъ учебныхъ заведеній, а также къ болѣе прочной организаціи управленія этими заведеніями.

Вступивши на престолъ подъ впечатлѣніемъ кровавыхъ событій движенія декабристовъ, Николай I во все свое царствованіе не могъ забыть всѣхъ ужасовъ этого момента, и одну изъ причинъ зла онъ видѣлъ въ ненормальной постановкѣ у насъ учебнаго дѣла, какъ высшаго, такъ и низшаго. Для устраненія этихъ ненормальностей былъ образованъ «Комитетъ устройства учебныхъ заведеній».

Низшая школа при Александрѣ не имѣла законченнаго вида: въ его стройной на первый взглядъ системѣ низшая школа была только подготовительною для средней, а эта послѣдняя—для высшей. По мнѣнію Николая, такой порядокъ вещей къ тому велъ, что люди низшихъ состояній, «не получая познаній наиболѣе для нихъ нужныхъ, въ тоже время стремились чрезъ мѣру возвыситься надъ тѣмъ состояніемъ, въ коемъ имъ суждено оставаться; и не достигая этого, они въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ»¹⁾. Этого не должно быть; «въ основу образованія должна быть положена добрая

¹⁾ См. Полн. Собр. Закон. 1808.

нравственность учащихся» ¹⁾, и школа на каждой своей ступени должна имѣть законченный видъ, давая каждому состоянiю въ законченномъ курсѣ соответствующiя и наиболѣе для него нужныя познанiя, наравнѣ съ общими для всѣхъ понятiями о вѣрѣ, законахъ и нравственности. Самое учебное дѣло теперь было подчинено строгому правительственному контролю.

Руководствуясь такимъ общимъ направленiемъ, правительство стремилось въ тоже время увеличить число учебныхъ заведенiй. Изъ университетовъ теперь были открыты Кiевскiй (взамѣнъ Виленскаго). Открывались и среднiя учебныя заведенiя. Въ низшей школѣ мы не видимъ теперь особаго оживленiя, и число низшихъ училищъ, конечно, далеко не соответствовало количеству населенiя.

Что касается до самаго учебнаго дѣла въ низшей школѣ, то конецъ царствованiя былъ ознаменованъ проникновенiемъ къ намъ съ Запада наглядныхъ пособiй (разрѣзные буквы Базедова) и новаго метода обученiя грамотѣ. Въ 1847 г. проф. Болдыревымъ была составлена азбука по силлабическому, или слоговому методу. По этому же методу составлены азбуки Кремнева и Главинскаго. Теперь же у насъ появляются и зачатки звукового метода. До сихъ наши педагоги сначала доходятъ самостоятельно; такъ первое осуществленiе эти зачатки находятъ въ книгѣ московскаго приходскаго учителя Покатилова—«Покатилова метода». Попытка эта встрѣтила сильныя возраженiя и самое произношенiе буквъ звуками было признано неестественнымъ. Но тутъ на помощь приходитъ переводъ французской книги «Метода Жакото, изложенная для родителей и наставниковъ». Переведенная въ 1834 г. книга эта является провозвѣстницею у насъ аналитическаго приема звукового метода. Этимъ аналитическимъ способомъ теперь были составлены азбуки Студитскаго и Золотова (синтетическiй и синкритическiй приемы проникаютъ къ намъ позднѣе).

¹⁾ Тамъ же, 7472.

Въ дѣлѣ женскаго образованія царствованіе Николая I было ознаменовано открытіемъ новыхъ институтовъ (Кіевскаго, Астраханскаго). Затѣмъ теперь же начинается назрѣвать у насъ мысль объ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ¹⁾; впрочемъ эта мысль находитъ свое осуществленіе только ужъ въ слѣдующее царствованіе. Наконецъ, теперь мы имѣемъ и начало епархіальныхъ женскихъ училищъ. Первое изъ нихъ было открыто въ 1843 г. въ Царскомъ Селѣ для обученія священническихъ дочерей С.-Петербургской епархіи. Затѣмъ стали появляться и другія подобныя же училища—Ярославское, Казанское, Иркутское.

Эпоха великихъ реформъ²⁾.

Эпоха царствованія Александра II въ исторіи русской педагогіи является едва ли не самою важною эпохой. Коренными реформами этой эпохи—крестьянскою, земскою, судебною—жизнь общества существеннымъ образомъ измѣнялась. Измѣнялись вмѣстѣ съ тѣмъ и условія народнаго образованія. Къ дѣлу народнаго образованія привлекаются теперь земскія силы, а расширенная гласность, давая большій просторъ работѣ общественной мысли, привлекала эту мысль къ работѣ и надъ вопросами педагогическими. Ушинскій говоритъ, что интересъ общества къ школѣ является главнымъ залогомъ успѣха этой послѣдней. Вотъ почему въ нашей педагогіи давняго времени замѣтно сильное оживленіе, у насъ появляется цѣлый рядъ педагогическихъ системъ; вотъ почему нѣкоторые думаютъ здѣсь полагать и начало собственно русской педагогикѣ³⁾.

¹⁾ Эту мысль разрабатывалъ педагогъ А. П. Чумиковъ, составившій въ 1835 г. записку, гдѣ онъ разбираетъ недостатки институтскаго воспитанія. Въ данномъ случаѣ наши мечты шли впереди Западн. Европы, которая тогда тоже еще не знала открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній.

²⁾ Михайловъ, эпоха преобразованій въ народн. образованіи. Дѣло, 1875, 7.

³⁾ Я. Гротъ такими словами изображаетъ состояніе тогдашней нашей педагогикѣ: „Наша педагогика еще въ пеленкахъ, наша педагогическая литература еще новорожденный младенецъ.“ Журн. Мин. Нар. Просв. ХСVIII, 7, 176.

Особенно большое значеніе имѣла реформа крестьянская. Съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, крестьяне становились гражданами государства и, какъ граждане, получали право на образованіе. Объ этомъ теперь серьезно должно было подумать и государство и общество: невѣжество новыхъ гражданъ было невыгодно и даже прямо опасно и тому и другому. «Боже мой, писалъ по этому вопросу Ушинскій, сколько нужно школъ, школъ и школъ для всего этого народа, возрожденнаго къ гражданской жизни... такихъ школъ, въ которыхъ народъ научился бы употреблять съ пользою для себя и для другихъ свою свободу. Хорошія школы необходимы теперь, какъ воздухъ» ¹⁾. Съ другой стороны та же реформа, лишая помѣщиковъ дарового крестьянскаго труда, понижала ихъ матеріальныя средства и вмѣстѣ съ тѣмъ лишала ихъ возможности мыслить по снособу г-жи Простаковой: «зачѣмъ намъ географія, когда у насъ есть кучера, знающіе, куда везти»?... Реформа, значить, побуждала дворянъ къ труду, къ самостоятельной работѣ для добыванія средствъ существованія; а для этого было необходимо образованіе, и вотъ дворянство усиленно потянулось въ учебныя заведенія. Такимъ образомъ, крестьянская реформа усиливала спросъ на образованіе, количественно увеличивала наше просвѣщеніе и самое просвѣщеніе превращала въ дѣло всесословное.

Вмѣстѣ съ сказаннымъ крестьянская реформа вліяла и качественно на наше образованіе, на его характеръ. Измѣнялось теперь все міровоззрѣніе наше. Раньше идея крѣпостничества подрывала достоинство человѣка, да и самаго понятія о человѣкѣ какъ будто бы не было: было понятіе о помѣщикѣ, купцѣ, чиновникѣ и рабѣ-мужикѣ... Теперь же выдвигалось понятіе человѣческой личности, одинаковой и въ барищѣ, и въ мужикѣ. Гуманный взглядъ на человѣческую личность долженъ былъ отразиться и на идеалахъ педагогическихъ, дѣйствуя въ то же время смягчающимъ образомъ и на педагогическую практику.

¹⁾ Собр. Педагогич., Сочин. СПб. 1875, 286.

Первымъ работникомъ въ дѣлѣ начального народнаго образованія выступило духовенство. Въ 1859 г. Кіевскій митрополитъ Исидоръ обратился къ духовенству епархіи съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлѣ народнаго образованія, «принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію». Въ результатѣ къ октябрю 1860 г. духовенствомъ Кіевской епархіи было открыто 385 школъ, а къ апрѣлю 1862 г. такихъ школъ здѣсь было уже 1364; учащихся было: 24,792 мальчика и 6,894 дѣвочки. Св. Синодъ обратилъ вниманіе на дѣятельность духовенства Кіевской епархіи и въ 1863 г. издалъ Правила о первоначальномъ обученіи поселянскихъ дѣтей, приглашая въ то же время все духовенство государства слѣдовать примѣру Кіевской епархіи. Сочувственно отнесся къ церковно-школьному дѣлу и Императоръ Александръ II, который въ 1861 г. распорядился, чтобы объ успѣхахъ этого дѣла въ имперіи ежемѣсячно докладывали ему лично. Дѣло церковно-школьнаго строительства закипѣло, и оберъ-прокуроръ Св. Синода уже въ своемъ отчетѣ за 1861 г. писалъ, что духовенство за отчетный годъ успѣло открыть «изумительное множество народныхъ училищъ и привлечь къ нимъ огромное число учениковъ»¹⁾. Этотъ оффиціаль- ный отчетъ, можетъ быть, нѣсколько и преувеличиваетъ успѣхи дѣла; можетъ быть, вновь открываемыя школы не всегда отвѣчали своему назначенію; можетъ быть, даже бывали случаи, когда школы открывались только на бумагѣ²⁾, но тѣмъ не менѣе намъ здѣсь приходится считаться съ слѣдующими цифрами. Въ 1861 г. во всей имперіи насчитывалось 18587 церковныхъ школъ съ 320,350 учащихся. Каждый годъ это число растетъ, и въ 1865 г. мы видимъ уже 21,420 школъ съ 43524 учащимися. Но съ 1865 г. число церковныхъ школъ начинаетъ падать, и въ этомъ году мы ихъ находимъ уже только въ числѣ 19,436. Затѣмъ, каждый годъ падая, къ 1881 г. онѣ доходятъ до числа 4,440.

¹⁾ См. у *Полетаева*, стр. 115.

²⁾ См. статью *Н. Весселя*, Русск. Школа, 1891, 9.

Чѣмъ объяснить такое явленіе? Объясняется оно поворотомъ симпатій нѣкоторыхъ органовъ правительства и нѣкоторой части общества въ пользу свѣтской школы. Поворотъ этотъ обусловливался двумя факторами. Во-первыхъ, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія къ намъ широкою волною нахлынули съ Запада различныя философскія и соціальныя теоріи съ матеріалистическимъ и позитивнымъ характеромъ. Бюхнеръ, Кантъ, Молешоттъ, Фурье становятся кумирами эпохи. Религія, церковь, духовенство—все это начало преслѣдоваться, осмѣиваться¹⁾. Второй факторъ— введеніе въ 1864 г. земскихъ учрежденій, когда къ дѣлу народнаго образованія были привлечены земскія силы. Теперь же были учреждены уѣздные и губернскіе училищныя совѣты, въ рукахъ которыхъ должно было сосредоточиться завѣдываніе школьнымъ дѣломъ. Для этой же цѣли вскорѣ (1869 г.) былъ учрежденъ институтъ инспекторовъ народныхъ училищъ. Въ силу всего этого земскія школы теперь начинаютъ расти. Въ 1870 г. ихъ было 8,856, а къ 1 му января 1880 г. ихъ стало 16,500 школь.

Въ связи съ заботами правительства о распространеніи образованія въ народѣ поднимается вопросъ о всеобщемъ и обязательномъ обученіи. Вопросъ этотъ поднимался какъ правящими сферами, такъ и земствами. Но по расчету центрального статистическаго комитета въ 1880 г. оказалось, что для обученія всей молодежи школьнаго возраста нужно было бы 269000 школь, а у насъ ихъ было только 22000. Для удовлетворенія школьнаго голода теперь же у насъ нарождаются т. н. воскресныя школы²⁾. Первая такая школа была открыта въ Кіевѣ

¹⁾ Въ результатѣ появилось стремленіе совершенно оттѣнить духовенство отъ школы, а въ 70-хъ г.г. мы встрѣчаемся съ попыткою устранить приходскихъ священниковъ даже отъ законоучительства въ земскихъ школахъ. См. объ этомъ у *Полетаева*, стр. 129 и слѣд. Еще *проф. Корсунскій*, „Государств. значеніе ц.-прих. школы“. Чтен. въ Общ. Люб. Д. Просв. 1888, III.

²⁾ См. о нихъ статью *К. Д. Ушинскаго*, „Воскресныя школы“. Еще *В. Вахтеровъ*, „Внѣшкольное образованіе народа“. Моск. 1891.

студентами университета при содѣйствіи попечителя учебн. округа Н. И. Пирогова. Затѣмъ дѣятельницею по части учрежденія воскресныхъ школъ въ это время выступаетъ Х. Д. Алчевская (въ Харьковѣ).

Что касается до средней школы, то царствованіе Александра II было ознаменовано борьбою двухъ направленій—реального, которое въ основу обученія хотѣло положить ознакомленіе съ внѣшнимъ міромъ, и классическое, которое такую основу полагало въ изученія языка и исторіи классическихъ народовъ. При министрѣ народн. просвѣщенія гр. Д. Толстомъ второе направленіе взяло перевѣсъ и осуществилось въ жизни.

Высшее образованіе теперь расширяется открытіемъ новыхъ университетовъ—Новороссійскаго, Варшавскаго, Томскаго.

Въ дѣлѣ *женскаго образованія* въ это время находитъ свое осуществленіе зародившаяся еще въ 30-хъ годахъ мысль объ учрежденіи открытыхъ учебныхъ заведеній—гимназій. Во главѣ этого дѣла встали принцъ Ольденбургскій и проф. И. А. Вышнеградскій. Первое училище для дѣвицъ въ такомъ родѣ было открыто въ 1858 г. въ Петербургѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ (Саратовѣ, Гродно, Кіевѣ—Фундуклеевская гимназія и др.). Всѣ эти гимназіи были причислены къ Маріинскому Вѣдомству. Но вмѣстѣ съ тѣмъ поднимался вопросъ и объ открытіи женскихъ гимназій и прогимназій вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія. Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ въ 1858 г., когда было обнародовано положеніе объ означенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Переходя къ вопросу о педагогическихъ теоріяхъ, мы должны замѣтить, что эпоха реформъ въ этомъ отношеніи представляетъ значительное богатство. Для удобнѣйшаго изученія возрѣвѣй многочисленныхъ представителей педагогической мысли этого времени слѣдуетъ прежде всего отмѣтить три главнѣйшія направленія мысли—идея общечеловѣческаго идеала школы (Рѣдкинъ, Пироговъ), идея націонализаціи школы (Ушинскій, Стоюнинъ), идея свободнаго образованія (Писаревъ, гр. Толстой).

Кромѣ того, намъ придется коснуться возрѣній и дѣятельности педагоговъ, выдвинувшихъ отдѣльныя стороны и вопросы школьнаго дѣла.

Развитіе общечеловѣческаго идеала школы.

Характеръ нашей образованности, какой она приняла при Петрѣ В., остался, какъ мы видѣли, и послѣ него. Правда, еще въ половинѣ XVIII в. И. И. Шуваловъ мечталъ объ общеобразовательной школѣ, которая, не ограничиваясь узкими профессиональными цѣлями, давала бы чистое знаніе, но все же и тогда и долго потомъ наша школа носила характеръ спеціальный и къ началу 60-хъ годовъ она, по словамъ Пирогова, ставила своею задачей не образованіе человѣка, а приготовленіе адвокатовъ, докторовъ, военныхъ.

Созданіе общечеловѣческаго педагогическаго идеала составляло, такимъ образомъ, первую насущную потребность эпохи. Выработкою этого идеала эпоха и начинается. При этомъ можно отмѣтить два момента въ развитіи этого идеала. Сначала данный идеалъ развивается на почвѣ христіанскаго ученія, затѣмъ Пироговымъ онъ переносится на почву научную, на почву знанія.

Наиболѣе типичнымъ выразителемъ перваго (религіознаго) момента въ развитіи даннаго идеала является **Петръ Григорьевичъ Рѣдкинъ** (1808 — 1891 ¹⁾).

Рѣдкинъ указываетъ на то, что человѣкъ по природѣ своей отражаетъ образъ Божій въ трехъ силахъ своей души: умѣ, волѣ и чувствѣ. Грѣхъ помрачилъ образъ Божій въ человѣкѣ, но

¹⁾ Его статья „Что такое воспитаніе“? — Журн. для Воспит. 1837, 1—3. Рѣдкинъ въ данномъ случаѣ является продолжателемъ мыслей архіеп. Евсевія Могилевскаго, являющагося представителемъ богословскаго направленія въ педагогикѣ. Сочиненіе послѣдняго „О воспитаніи дѣтей въ духѣ христіанскаго благочестія“. — Приб. къ Твор. Св. Отц. 1844, отд. изд. въ 1857 г.. О арх. Евсевіи см. статью *Каргопольцева* — Могил. Епарх. Вѣд. 1883, 9—10.

не уничтожилъ его, и человекъ по природѣ стремится къ добру и совершенству. Кто же можетъ помочь здѣсь человеку преодолѣть зло и укрѣпить стремленіе къ добру? Истинное образованіе, которое обнимало бы всего человека нераздѣльно—его тѣло, чувство, умъ и волю. Но для приобрѣтенія этой истинной образованности самое важное, самое дѣйствительное и *общее* для всѣхъ средство есть религія. Всѣмъ доступная она одна только можетъ всѣ силы души направить къ истинѣ и добру, она одна даетъ побужденіе къ совершенству. «Воспитывайте же родители вашихъ дѣтей въ духѣ божественныхъ идей красоты, истины и добра. Пусть эти идеи освѣщаютъ весь путь ихъ жизни. Пусть онѣ согрѣваютъ ихъ умъ и сердца. Пусть видятъ они въ красотѣ, истинѣ и добрѣ Божество и поклоняются Ему, не творя себѣ кумира, никакого подобія Божія».

Итакъ, вмѣсто узкихъ, ограниченныхъ, чисто практическихъ, матеріальныхъ идеаловъ прошлаго, теперь начинаются рѣчи о воспитаніи ради служенія идеаламъ истины, добра и красоты на почвѣ христіанской религіи; а начала христіанскія являются общечеловѣческими началами, обязательными для всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе того же идеала мы находимъ у Пирогова.

Н. И. Пироговъ ¹⁾. Николай Ивановичъ Пироговъ родился 13 ноября 1810 года въ патріархальной, благочестивой московской семьѣ. Отецъ его — казначей провіантскаго депо — былъ хорошій семьянинъ, и какъ онъ, такъ и жена его — люди довольно обеспеченные — безъ памяти любили своихъ, кстати, многочисленныхъ дѣтей. «Жизнь моя, воспоминаетъ Пироговъ о

¹⁾ См. Ю. Малисъ, Н. И. Пироговъ и его научно-общественная дѣятельность. Спб. 1893; К. Ушинскій, Педагогическѣ воззрѣнія Н. И. Пирогова. Собр. Соч.; В. Стоюнинъ, Педагогическія задачи Пирогова. Ист. Вѣстн. 1885, 4—5; Н. Пясковскій, Пироговъ, какъ психологъ, философъ и богословъ. Вопр. Фил. и Психол. 1893, 16; Л. С. Основные вопросы воспитанія по сочиненіямъ Пирогова. Спб. 1899.

своемъ дѣтствѣ, до 13 лѣтъ была весела и привольна, а потому не могла не оставить однихъ пріятныхъ воспоминаній». Шести лѣтъ мальчикъ, шутя, выучился грамотѣ и съ жадностію набросился на чтеніе. Отець, обыкновенно, дѣлалъ подарки дѣтямъ книгами. Особенно сильное впечатлѣніе на мальчика произвело «Дѣтское чтеніе» Карамзина, и этотъ подарокъ отца онъ считалъ потомъ самымъ лучшимъ въ своей жизни.

Въ такой привольной домашней обстановкѣ прошло дѣтство и первоначальное воспитаніе Пирогова до поступленія въ школу. Домашними воспитателями его на первыхъ порахъ были мать и сестра, а потомъ онъ перешелъ въ руки учителей—трехъ студентовъ, оставившихъ по себѣ мало воспоминаній у Пирогова.

На двѣнадцатомъ году Пирогова отдали въ частный пансіонъ Княжева, гдѣ мальчикъ успѣлъ основательно познакомиться съ русскимъ и французскимъ языками. Четырнадцать лѣтъ Пироговъ былъ зачисленъ уже въ Московскій университетъ. Домашнія обстоятельства Пироговыхъ къ этому времени измѣнились: отецъ Пирогова скоро умеръ, и молодому студенту вмѣстѣ со своими семейными приходилось сильно бѣдствовать. Но способности и неутомимая энергія дали возможность Пирогову окончить медицинскій факультетъ университета съ званіемъ лѣкаря и поступить въ профессорскій институтъ при Дерптскомъ университетѣ, гдѣ въ 1833 г. онъ получилъ степень доктора медицины и былъ посланъ за границу для дальнѣйшаго усовершенствованія. Съ этого времени начинается блестящая медицинская карьера Пирогова, доставившая ему въ Россіи и за границей славу знаменитаго хирурга. Въ 1854 г. Пироговъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій (Севастопольская оборона). Въ это время въ его душѣ и произошелъ тотъ переворотъ, который заставилъ ученаго медика-спеціалиста рѣзко измѣнить свою дѣятельность и посвятить себя изученію вопросовъ воспитанія и педагогической дѣятельности.

Несчастная для насъ Крымская война показала, что русское общество серьезно больно, что въ немъ кроются опасныя недуги, подтачивающіе его организмъ. Этотъ больной организмъ

и привлекаетъ вниманіе геніальнаго врача. Въ 1856 г. Пироговъ помѣстилъ въ журналъ «Морской Сборникъ» статью «Вопросы жизни», гдѣ безпощадно вскрылъ недостатки современнаго ему общества. За эту статью послѣдовали другія, изъ которыхъ важнѣйшія можно указать: «Быть и казаться», «Школа и жизнь», «Университетскій вопросъ», «Нужно ли съѣчь дѣтей»¹⁾.

Педагогическія идеи, затронутыя Пироговымъ, обратили на себя вниманіе тогдашняго общества, а равно и правящихъ круговъ. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія Норовъ предложилъ Пирогову занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Знаменитый хирургъ принялъ это предложеніе и 3 сентября 1856 г. былъ назначенъ исправляющимъ должность попечителя. «Въ моихъ глазахъ, говорилъ Пироговъ, попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ». И Пироговъ дѣйствительно былъ такимъ миссіонеромъ-просвѣтителемъ сначала въ Одессѣ, а съ 1858 г. въ Кіевѣ.

Первый свой трудъ по педагогическимъ вопросамъ («Вопросы жизни») Пироговъ начинаетъ выясненіемъ недостатковъ современнаго ему общества. Въ своихъ современникахъ онъ собственно и не находилъ общества. Въ нихъ онъ видѣлъ лишь разрозненныя толпы, изъ которыхъ каждая объединена и одушевлена какимъ-нибудь своекорыстнымъ интересомъ. Во всѣхъ этихъ толпахъ, въ ихъ практической и даже умственной жизни является рѣзко выраженное матеріальное, почти торговое стремленіе, основаніемъ которому служить идея о счастіи и наслажденіяхъ въ жизни.

Причина же такого состоянія общества кроется, въ свою очередь, въ неудовлетворительномъ состояніи школы. Школа, вмѣсто того, чтобы быть руководительницею жизни, господствовать надъ жизнью, — подчинилась послѣдней, приспособляясь къ практическимъ потребностямъ жизни. «Въ настоящее время, говоритъ Пироговъ, господствуетъ тотъ взглядъ на школу, который

¹⁾ См. Собран. Сочинен. т. I—II. Спб. 1900.

представляет ее чѣмъ то вродѣ лѣпной модели для приготовленія людей именно такими, какихъ нужно обществу для его обыденныхъ цѣлей. Общество и государство, дѣлая воспитаніе своею монополіею, употребляютъ школу, во-первыхъ, какъ проводникъ къ распространенію въ будущемъ поколѣніи однихъ только извѣстныхъ убѣжденій, взглядовъ и понятій; во-вторыхъ, какъ рассадникъ *спеціалистовъ*, ему необходимыхъ для достиженія помянутыхъ обыденныхъ цѣлей». Отсюда и выходитъ то, что школа создаетъ негоціантовъ, моряковъ, юристовъ, но не создаетъ честныхъ и убѣжденныхъ гражданъ. А это потому, что школа не ставитъ себѣ цѣлію воспитать, развить въ своемъ питомцѣ *человѣка*, развить и укрѣпить все, что въ него заложено природнаго, лучшаго, человѣческаго.

Жизнь человѣка есть непрерывная, нерѣдко роковая борьба. всего чаще—съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству. Школа есть одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіемъ къ достиженію вѣчной правды. Приготовить насъ съ юныхъ лѣтъ къ этой борьбѣ значитъ именно: *сдѣлать насъ людьми*. Людьми, больше всего любящими добро и правду, *убѣжденными* защитниками добра и правды, готовыми всѣмъ пожертвовать ради осуществленія своего идеала¹⁾. Значитъ, прежде всего школа должна позаботиться о томъ, чтобы выработать въ своемъ питомцѣ прочныя убѣжденія. Средствомъ для этого являются знанія, развитіе умственныхъ силъ.

Изъ приведенныхъ воззрѣній Пирогова на школу и ея цѣли естественно вытекала задача—дать другое направленіе нашимъ

¹⁾ Здѣсь, въ своемъ ученіи о томъ, что школа должна воспитывать прежде всего человѣка, а потомъ уже спеціалиста того или другого дѣла,—Пироговъ близко подходитъ къ идеямъ А. Коменскаго, по которому человѣкъ только чрезъ образованіе становится человѣкомъ, и по которому школы должны сдѣлаться *мастерскими гуманности*. Еще ближе Пироговъ стоитъ здѣсь къ воззрѣніямъ Песталоцци, который опредѣленно и рѣшительно требовалъ, чтобы обще-человѣческое образованіе предшествовало всякому спеціальному, сословному образованію.

школамъ, которыя оказались несостоятельными въ воспитательномъ отношеніи. Несостоятельность нашихъ школъ, по опредѣленію Пирогова, какъ мы видѣли, состояла въ томъ, что онѣ, имѣя преимущественно цѣлю практическое образованіе, не могли въ то же время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны питомца къ той борьбѣ, которая предстоитъ ему при вступленіи въ жизнь.

Но какимъ путемъ повести къ этому школу, какъ ей дать тотъ духъ истинной гуманности, при которомъ сама она была бы для общества источникомъ гуманности и разсадникомъ мужественныхъ гражданъ и честныхъ людей съ высоко развитымъ чувствомъ достоинства своей нравственной личности. Пироговъ, рѣшая эту задачу, ставитъ два необходимыя условія: воспитываемый долженъ имѣть отъ природы хотя какое-нибудь притязаніе на умъ и чувство, а воспитатели должны пользоваться этими благими дарами природы; но при этомъ своихъ питомцевъ не должны дѣлать бессмысленными поклонниками мертвой буквы. Отъ педагоговъ Пироговъ требуетъ глубокаго знанія дѣла и горячей любви къ правдѣ и ближнему. Только такіе и могутъ дать правильное воспитаніе ума и чувства.

Отношенія между воспитателями и питомцами должны быть построены на началахъ непринужденной откровенности. Только тотъ можетъ выработать въ себѣ убѣжденія (а безъ нихъ нѣтъ и человѣка—гражданина), „кто приученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, съ первыхъ лѣтъ жизни искренно любить правду, стоять за нее горю и быть непринужденно откровеннымъ какъ съ наставниками, такъ и со сверстниками». Воспитывая въ питомцѣ чувство достоинства, развивая въ немъ сознаніе своей нравственной личности, педагогъ долженъ самъ уважать въ питомцахъ ихъ нравственную личность. „Ученые и распространители научныхъ истинъ, пишетъ Пироговъ, я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтить человѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою“. Разумѣется, естественно, что при

такихъ воззрѣніяхъ Пироговъ и теоретически и практически выступилъ рѣшительнымъ противникомъ тѣлесныхъ наказаній, широко практиковавшихся нашею русскою педагогіей.

Итакъ, назначеніе школы—дать обще-человѣческое образованіе. И этого мы достигнемъ только тогда, когда „всѣ дарованныя человѣку способности, всѣ благородныя и высокія стремленія найдутъ въ школѣ средства къ безконечному и всестороннему развитію, безъ всякой задней мысли и безъ преждевременныхъ заботъ о приложеніи“.

Распространеніе общечеловѣческаго образованія между всѣми классами общества Пироговъ считалъ средствомъ для устраненія ненормальнаго состоянія общества. Но всѣмъ этимъ онъ нисколько не хотѣлъ уничтожить или ослабить специальное образованіе. Нужно только, первое и главное, начать общее образованіе во—время перейти во—время къ образованію специальному. Потомъ, второе, выбрать такіе способы ученія, которые направили бы образовательную силу каждой отрасли знанія на способность духа, служившую ей началомъ, помня, что въ мірѣ идей есть тоже свой законъ тяготѣнія знаній къ свойствамъ духа. Третье—распредѣлить хорошо занятія, не обременяя слишкомъ въ одно и то же время разпородную дѣятельность памяти, воображенія, ума и наружныхъ чувствъ, но и не напрягая слишкомъ дѣйствія одной способности однообразнымъ запятіемъ. Исполнивъ эти три обязанности, нечего бояться, что общечеловѣческое образованіе можетъ сдѣлать умъ поверхностнымъ.

Итакъ, выходя изъ твердой вѣры въ «образовательную творческую силу человѣческой личности», Пироговъ, подобно своему современнику, германскому педагогу Дистервегу, долженъ былъ признать, что развитіе человѣческой личности совершается, такъ сказать, изнутри, изъ тѣхъ данныхъ, какія заложены изначала въ природу личности. Отсюда—главнымъ средствомъ нашего развитія, по Пирогову, является *знаніе*. А потому и школа, по его воззрѣнію, должна сосредоточить всѣ свои силы на распространеніи науки словомъ и дѣломъ. «Не было ли бы вѣрнѣе вмѣсто всѣхъ попытокъ, столько разъ неудавшихся, улучшить нравствен-

ность путемъ чисто нравственныхъ мѣръ, обратить всю дѣятельность школы на развитіе здраваго смысла путемъ науки? Развивъ его въ новомъ поколѣніи, намъ не нужно будетъ много опасаться за его нравственность. Она всегда тамъ, гдѣ болѣе здраваго смысла... Лишь бы наставникъ сумѣлъ довести истину, какой бы наукѣ она не принадлежала, до понятія ученика, она не останется безъ дѣйствія, потому что во всякой истинѣ и отвлеченной, и чувственной есть своя доля образовательной и, слѣдовательно, воспитательной силы... Я не отвергаю нравственнаго вліянія школы, но я ищу его въ одной наукѣ и потому требую, чтобы наставники, представители науки, были вмѣстѣ и воспитателями. Я требую отъ нихъ, чтобы они, пользуясь образовательною силою науки, позаботились развить здравый смыслъ и любовь къ истинѣ въ своихъ ученикахъ, а чрезъ это улучшили и нравы будущаго поколѣнія... Безъ здраваго смысла всѣ правила нравственности ненадежны». Такимъ образомъ, Пироговъ, вмѣстѣ съ Фридрихомъ Бенеке, одинаково возстаетъ противъ существующаго порядка раздѣленія въ учебныхъ заведеніяхъ учебной и воспитательной сторонъ.

Въ строгомъ соотвѣтствіи съ этими принципиальными своими положеніями Пироговъ подходилъ и къ рѣшенію практическихъ педагогическихъ вопросовъ своего времени, среди которыхъ особенно выдвигался вопросъ о классической и реальной системахъ обученія. «Повѣрьте, пишетъ онъ, въ рукахъ дѣльнаго педагога и древніе, и новые языки, и всѣ предметы общечеловѣческаго образованія не останутся безъ пользы для умственнаго развитія питомца. Посредствомъ ли изученія древнихъ языковъ и математики или посредствомъ изученія новыхъ и естествовѣдѣнія совершится общечеловѣческое развитіе вашего сына,—все равно, лишь бы сдѣлало его человѣкомъ».

Не остался у Пирогова незатронутымъ и вопросъ о женскомъ образованіи. Женщина, по нему, призвана быть полноправной спутницей мужчины въ общечеловѣческой борьбѣ за культурное совершенство. А для этого ей «пужно знать искусство понимать, ей нужна самостоятельная воля, чтобы жертвовать,

мышленіе,—чтобы избрать и имѣть ясную и свѣтлую идею о цѣли воспитанія дѣтей... Пусть же мысль воспитать себя для этой цѣли, жить для неизбѣжной борьбы и жертвованій пропикнетъ все нравственное существованіе женщины, пусть вдохновитъ, осѣнитъ ея волю»!..

Пироговъ рѣшительно возстаеъ противъ тѣхъ, которые, опираясь на неодинаковость самой организаціи женщины (меньшій вѣсъ мозга и проч.), были склонны видѣть въ ней существо низшее сравнительно съ мужчиной. «Женщина, если она получить надлежащее образованіе и воспитаніе, можетъ такъ же хорошо усвоить себѣ научную, художественную и общественную культурность, какъ и мужчина». Главное условіе при этомъ то, чтобы женщина сохранила въ себѣ свою женственность. «Женщина съ мужскимъ образованіемъ и даже въ мужскомъ платьѣ должна всегда оставаться женственной и никогда не пренебрегать развитіемъ лучшихъ дарованій своей женской природы».

Но при всемъ своемъ высокомъ возрѣніи на женщину, Пироговъ все же, кажется, не успѣлъ еще возвыситься до понятія, такъ сказать, самодовлѣющей, самоцѣнной женской личности, отрѣшиться отъ мысли о служебномъ, подчиненномъ значеніи женщины. Назначеніе женщины, по Пирогову, все же сводится къ тому, чтобы «успокоить сочувствіемъ жизнь челоуѣка... быть ему сопутницей въ борьбѣ».

Практическимъ приложеніемъ педагогическихъ возрѣній Пирогова являются его многочисленныя мѣропріятія въ качествѣ попечителя учебнаго округа. Изъ мѣропріятіи въ этомъ родѣ слѣдуетъ упомянуть литературныя ученическія бесѣды въ свободное отъ занятій время, заведенныя имъ въ Одесскихъ гимназіяхъ, учрежденіе воскресныхъ школъ въ Кіевѣ и обширныя работы по урегулированію университетскаго вопроса.

Въ 1861 г. (13 марта) Пироговъ былъ уволенъ отъ должности попечителя Кіевскаго уч. округа; послѣ этого онъ жилъ въ деревнѣ, будучи не разъ еще призываетъ на служеніе родинѣ въ качествѣ врача спеціалиста. (Напр., осмотръ военно-санитар-

ныхъ учрежденій въ русско-турецкую войну). Скончался Пироговъ 23 ноября 1881 года.

Подводя итоги педагогической дѣятельности Пирогова, нужно сказать, что въ исторіи русскаго образованія значеніе Пирогова состоитъ въ томъ, что онъ вскрыль, указаль недостатки, односторонность нашего образованія до 60-хъ годовъ и указаль нашей школѣ новыя цѣли; въ исторіи же развитія русскихъ педагогическихъ идей съ именемъ Пирогова навсегда останется связанной возвѣщенная лучшими западными педагогами идея общечеловѣческаго гуманнаго воспитанія.

Настойчиво выдвигая общечеловѣческое начало въ воспитаніи, Пироговъ въ то же время не могъ точно начертить яснаго идеала воспитанія, начертить доступными красками; у Пирогова здѣсь было много туманнаго. Но все же мысль его въ корнѣ имѣла много здраваго. Вотъ почему современной ему журналистикой эта мысль была подхвачена, съ цѣлю дальнѣйшаго ея развитія и проясненія.

Но такъ какъ самостоятельныхъ мыслителей у насъ было не много и предшествующей подготовки къ самостоятельному рѣшенію педагогическихъ вопросовъ почти не было, то мы и обратились за разрѣшеніемъ интересующихъ насъ вопросовъ непосредственно къ нѣмцамъ, философія которыхъ такъ много трактовала объ общечеловѣческихъ идеалахъ.

Отъ нѣмцевъ прежде всего было заимствовано суредѣленіе воспитанія, какъ развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, при чемъ это развитіе идетъ изнутри, а не чрезъ внѣшнія сообщаемыя ребенку знанія. Отсюда—совершенно не должно быть заучиванья. Развивать—значитъ обращаться съ ребенкомъ разнообразно его природѣ, не вдавливать, не вколачивать, не вливать въ ребенка что-либо чуждое человѣческой природѣ, но пробуждать его дремлющія силы, давать ясное выраженіе тому, что въ немъ уже есть ¹⁾). Это повело къ тому, что стали слишкомъ пре-

¹⁾ См. Журн. для Воспитанія, 1858, 7.

небрегать сообщеніемъ фактическихъ знаній, а самый идеаль гармоническаго развитія душевныхъ силъ питомца довели до полнаго нивелированія его способностей (стали даже требовать слабѣйшія способности развивать, а сильнѣйшимъ, по-возможности, не давать становиться сильнѣе слабыхъ ¹⁾). Съ Запада же, и ближайшимъ образомъ у Дистервега, было взято нами и опредѣленіе высшаго принципа воспитанія. Такимъ принципомъ является сообразованіе съ природою; при чемъ въ данномъ случаѣ между людьми не должно быть никакого различія.

Развитіе общечеловѣческихъ началъ въ воспитаніи, такимъ образомъ, перешло постепенно въ рабское преклоненіе предъ нѣмцами. Это должно было вызвать протестъ въ мыслящемъ обществѣ; этотъ протестъ и сказался въ новыхъ педагогическихъ направленіяхъ.

Идея національной школы.

Увлеченіе Западомъ имѣло свою хорошую сторону. Оно ознакомило насъ съ новыми и лучшими методами преподаванія, оно смягчило суровость нашей школьной дисциплины, оно, однимъ словомъ, ввело насъ въ курсъ всего того, что было выработано Западомъ въ области педагогики. Но все же увлеченіе это, какъ мы видѣли, доходило до крайности, почему и должно было вызвать противъ себя протестъ. Вотъ почему на ряду съ увлеченіемъ западной, нѣмецкой педагогіей у насъ появляется стремленіе создать самобытную русскую народную школу, наряду съ общечеловѣческими идеалами воспитанія зарождаются идеалы національнаго воспитанія. Во главѣ этого движенія и слѣдуетъ поставить **Константина Дмитріевича Ушинскаго** ²⁾.

¹⁾ Это въ книгѣ *Щербачева*, Бесѣды о воспитаніи. М. 1876.

²⁾ См. *А. Фроловъ*, К. Д. Ушинскій (Краткій біографическ. очеркъ) Спб. 1886; *М. Песковскій*, К. Д. Ушинскій, его жизнь и педагогическая дѣятельность, Спб. 1892; *В. Ермиловъ*, Идеалы воспитанія—К. Д. Ушинскій, Москва 1906; *К. Ельницкій*, К. Д. Ушинскій, его жизнь, дѣятельность и педагогическіе труды; *Ю. Резневскій*, К. Д. Ушинскій, В. Евр. 1871, № 2; *М. Чалый*, Воспоминанія объ Ушинскомъ, Нар. Шк. 1872, № 12; *Его же*, Матеріалы для біографіи К. Д. Ушинскаго, Нар. Шк. 1874, № 4;

Въ чудной мѣстности близъ Кіева, надъ Днѣпромъ, въ Выдубецкомъ монастырѣ, подъ широкимъ развѣсистымъ каштаномъ покоится прахъ К. Д. Ушинскаго. Этимъ именемъ по справедливости гордится русская педагогика, и Ушинскій справедливо ставится на ряду съ лучшими педагогическими мыслителями Запада. Но важны не только идеи Ушинскаго и его теоретическіе труды, важна и его практическая работа на пользу родного просвѣщенія, любопытны и частныя обстоятельства его жизни, среди которыхъ выросъ и развился этотъ «другъ человѣчества».

Ушинскій родился (1824 г.) въ Малороссіи, въ помѣщицкой семьѣ Черниговской губерніи. Благопріятна была обстановка его дѣтскихъ годовъ. Здѣсь было, говорить проф. Маккавейскій, все, что нужно для перваго пробужденія и правильнаго раскрытія лучшихъ силъ человѣческой природы: и умный, образованный, вмѣстѣ съ тѣмъ добрый и идеально честный отецъ, и всегда ласковая, любящая, посвятившая свои силы воспитанію сына мать, и матеріальный достатокъ, дававшій семьѣ возможность обставить свою жизнь спокойнымъ, тихимъ довольствомъ, и хорошая бібліотека и, наконецъ, прекрасная природа. Это счастливое дѣтство заронило въ душу Ушинскаго первыя сѣмена гуманной чуткости, оставило по себѣ навсегда свѣтлыя воспоминанія. «Трудно выразить въ словахъ, говорилъ онъ самъ, то особенное, свѣтлое нѣчто, что рождается въ душѣ нашей, когда мы вспоминаемъ теплоту родного семейнаго гнѣзда. До глубокой старости остаются въ насъ какія-то задушевные связи съ тою семьей, изъ которой вышли мы... и это глубокое семейное чувство пробуждается у насъ по временамъ, не смотря на толпу воспоминаній, проникнутыхъ горечью и желчью». Счастье покро-

Н. Дебольскій, Опытъ разрѣшенія школьно-педагогическихъ вопросовъ, Семья и Шк. 1874, № 11; *Проф. Н. Маккавейскій*, К. Д. Ушинскій и его педагогическія идеи, Труды Кіев. Д. Ак. 1896, №№ 1, 3, 12; *Е. Водовозова*, Дореформенный институтъ и преобразованія К. Д. Ушинскаго, Р. Богат. 1908, №№ 7—11. Нѣсколько односторонняя критика идей Ушинскаго сдѣлана Е. Марковымъ. См. Уч.-Воспитат. Библ. Моск. 1876, т. I, 115—136.

вительствовало Ушинскому, и когда его отецъ, по смерти первой жены, женился вторично, то мачиха Ушинскаго оказалась очень хорошею женщиной, замѣнившей ему родную мать.

Въ гимназіи (Новгородъ - Сѣверской) Ушинскій очутился тоже въ хорошихъ условіяхъ. Директоромъ гимназіи былъ Тимковскій — старый педагогъ и въ то же время человекъ религіозный, полный юношескаго идеализма и благоговѣйной вѣры въ науку. Любовью къ знанію онъ умѣлъ вдохновлять и питомцевъ своихъ, и Ушинскій потомъ всегда добрымъ словомъ вспоминалъ гимназію съ ея старымъ директоромъ.

Въ 1840 г. Ушинскій поступилъ на юридическій факультетъ Московскаго университета. Послѣ блестящаго окончанія послѣдняго, онъ—двадцати двухъ лѣтъ отъ роду—дѣлается профессоромъ Ярославскаго юридическаго Лицея. Увлекая своими лекціями слушателей, Ушинскій, впрочемъ, недолго оставался въ Лицеѣ. Недовольный формализмомъ требованій тогдашняго учебнаго начальства онъ покинулъ Лицей. Обстоятельства вынуждаютъ его теперь заняться службою въ одномъ изъ Петербургскихъ департаментовъ; теперь же понемногу начинается и литературная дѣятельность Ушинскаго. Но скоро Ушинскій попадаетъ на свою настоящую дорогу. Въ 1855 г. онъ дѣлается преподавателемъ, а потомъ и инспекторомъ Гатчинскаго женскаго Института.

И литературными трудами, и успѣхами въ Институтѣ Ушинскій обратилъ на себя вниманіе, и ему предложили (1859 г.) должность инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго Института — «благородной и неблагородной» его половины, т. е. Института и Александровскаго при немъ училища.

Институтское образованіе у насъ тогда стояло очень низко, да въ это время и на Западѣ женское образованіе не стояло высоко.

Институтъ былъ совершенно закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, безъ отпуска домой воспитанницъ даже на каникулы; курсъ ученія былъ девятилѣтній. На первый планъ въ обученіи выдвигались языки, особенно французскій, затѣмъ музыка и

танцы. Воспитаніе, имѣя свою цѣлю развитіе одной «бонтонности», сводилось въ сущности къ простой дрессировкѣ.

Ставя высоко челоѣческое достоинство женщины и будучи горячо убѣжденъ въ высокомъ и отвѣтственномъ значеніи женщины, какъ *активнаго члена* семьи и общества, Ушинскій не могъ, конечно, примириться съ указаннымъ положеніемъ вещей въ Институтѣ. Со всею энергіей взялся онъ за коренное преобразование Института.

Объемъ ученія въ обѣихъ половинахъ Института былъ уравниень, и курсъ сокращень до семилѣтняго. Въ основу преподаванія былъ положень родной языкъ, и обученію былъ приданъ наглядный характеръ. Было выдвинуто, расширено и оживлено преподаваніе исторіи и географіи. Изученіе словесности и литературы было поставлено на практическую и единственно здравую почву изученія образцовъ. Кромѣ того, было положено начало особому педагогическому классу, чтобы дать возможность учащимся познакомиться съ педагогикой и дидактикой и въ теоріи, и на практикѣ. Весь учебный строй былъ проникнутъ теперь духомъ трудовой серьезности, который долженъ былъ заставить ученицъ понять, что ихъ умъ предназначенъ не для однихъ только легкихъ знаній и пріятныхъ занятій.

Въ дѣло воспитательное Ушинскій тоже хотѣлъ внести больше простоты и естественности и сильно огорчался тѣмъ, что ученицы отрѣзаны отъ семьи и ея воспитывающаго вліянія. По его мысли, но уже послѣ его выхода изъ Института, было разрѣшено отпускать воспитанницъ на каникулы по домамъ.

Какъ и всякій новаторъ, Ушинскій встрѣтилъ въ Институтѣ массу противниковъ, массу враговъ, которые въ борьбѣ привыкли не стѣсняться никакими средствами. Ушинскаго окружили клеветой, доносами, всевозможными неприяностями, и онъ скоро долженъ былъ покинуть Институтъ.

Теперь начинается самая оживленная пора его литературной дѣятельности. «Трудъ въ его психологическомъ и нравственномъ значеніи», «О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи», «Родное слово»—вотъ, между прочимъ, статьи этого

времени. Въ 1862 г. на цѣлыхъ пять лѣтъ Ушинскій, вмѣстѣ съ семействомъ, переселяется въ Швейцарію. Здѣсь онъ пишетъ свою Педагогическую Антропологию («Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія») и свое знаменитое учебное руководство «Родное Слово». Еще раньше Ушинскій издалъ книгу для чтенія—«Дѣтскій Міръ». Теперь же въ «Родномъ Словѣ» онъ имѣлъ въ виду дать опытъ нагляднаго преподаванія родной грамоты, начиная съ обученія чтенію (по синкритическому приему звукового метода) и оканчивая практическимъ изученіемъ элементарныхъ началъ грамматики. Издавая эту книгу, говоритъ Ушинскій, я имѣлъ въ виду не только школу, но и семью. Въ этой книгѣ я имѣлъ главную цѣлю помочь начинающему учить и въ особенности облегчать для матери трудъ первоначальнаго обученія. Насколько эта книга удовлетворяла своему назначенію, краснорѣчивѣе всего говоритъ статистика ея изданій. Послѣднее ея изданіе вышло въ 1908 г. и по счету оно является 137-мъ (всего—болѣе 5,000,000, экземпляровъ).

Истощенный чрезмѣрными трудами и непріятностями Константинъ Дмитріевичъ, по возвращеніи изъ-за границы, плохо чувствовалъ себя, беспокоясь въ то же время и за судьбу своего мало обеспеченнаго семейства. Всѣ надежды онъ возлагалъ на старшаго сына—восемнадцатилѣтняго юношу, только что поступившаго теперь, въ 1870 г. въ университетъ. Но, возвращаясь лѣтомъ этого года изъ Крыма въ свое имѣніе, Ушинскій засталъ дома еще теплую могилу только лишь (въ день пріѣзда отца) схороненнаго сына. Несчастный юноша по нечаянности смертельно ранилъ себя на охотѣ. Это былъ послѣдній ударъ судьбы. Силы надломились, и 21 декабря того же 1870 года Ушинскаго не стало. Онъ умеръ въ Одессѣ, откуда прахъ его былъ перевезенъ въ Кіевъ.

Ярка жизнь Ушинскаго, блестящи и его литературные труды. Но какъ въ своей педагогической практикѣ, такъ и въ теоретическихъ воззрѣніяхъ Ушинскій выдвигаетъ одинъ главный педагогическій принципъ—идею націонализаціи школы. Мысль

эта по преимуществу раскрывается въ статьяхъ «О народности въ общественномъ воспитаніи» и «Родное слово».

У каждаго народа, говорить Ушинскій, должно быть свое собственное народное воспитаніе, соотвѣтствующее сущности народнаго духа, народнаго характера; у каждаго народа должна быть и своя теорія воспитанія. Для доказательства этой мысли онъ обращается къ главнѣйшимъ народамъ Запада съ цѣлію уяснить, какія начала лежатъ въ основѣ воспитанія у каждаго изъ нихъ.

У нѣмца характерною чертою является склонность къ отвлеченію и систематизаціи. Отсюда нѣмецкое воспитаніе стремится къ воспитанію философски образованнаго человѣка, который долженъ не только понимать вещи, но и умѣть опредѣлить ихъ и дать имъ мѣсто въ системѣ своихъ знаній. Въ крайнемъ своемъ развитіи эта система можетъ повести къ выработкѣ педантизма и сухого формализма.

Въ англійской школѣ многосторонность и систематичность познаній отодвигается на второе мѣсто. Главное здѣсь—воспитаніе характера, той привычки всегда владѣть и управлять собою, которая считается необходимою принадлежностію всякаго истиннаго джентльмена.

Главною цѣлію общественнаго воспитанія во Франціи является не богатство познаній, не сила характера, а скорѣе передача техническихъ, прикладныхъ знаній и совершенствованіе въ этой области. «Внѣшній блескъ, тщеславіе и матеріальная польза»—таковы характерныя черты французской націи и ея воспитанія.

Такъ у каждаго народа свой духъ и своя педагогическая система. У каждаго народа есть свой идеаль человѣка, отсюда вырабатывается и своя идея воспитанія. Раскрытіе этого идеала составляетъ главную задачу каждой народной литературы. «Всякій народъ въ своей литературѣ, начиная пѣснею, пословицей, сказкою и оканчивая драмою и романомъ, выражаетъ свои убѣжденія о томъ, каковъ долженъ быть человѣкъ, по его понятію. Онъ украшаетъ этого идеальнаго человѣка всѣми лучшими ка-

чествами души своей». И этот идеалъ челоѣка, по Ушинскому, всегда является выразителемъ степени самосознанія народа.

Въ силу всего этого, не можетъ быть системы воспитанія *общей* для всѣхъ народовъ; у каждаго народа должна быть своя—соотвѣтствующая его національной сущности. И только частностями изъ педагогическаго опыта другихъ народовъ мы можемъ пользоваться; что же касается до самыхъ основъ, цѣлей воспитанія, то они должны носить чисто народный характеръ.

Черты народности запечатлѣваются даже въ наружности челоѣка, и эти черты, а равно чувство народности неискоренимо живутъ въ челоѣкѣ. «Есть примѣры ненависти къ родинѣ, но сколько любви иногда бываетъ въ этой ненависти! Взгляните на людей, поселившихся на чужбинѣ, и вы убѣдитесь вполне, какъ живуча народность въ тѣлѣ челоѣка... Можно позабыть имя своей родины и носить въ себѣ ея характеръ».

Однимъ изъ лучшихъ выразителей народности и служить языкъ народа, родное слово его. «Въ языкѣ одухотворяется весь народъ и вся его родина; въ немъ претворяются творческою силою народнаго духа въ мысль, картину, въ звукъ и небо отчизны, ея воздухъ, ея физическія явленія, ея климатъ, ея поля, горы и долины, ея лѣса и рѣки, ея бури и грозы—весь тотъ глубокій, полный мысли и чувства голосъ родной природы, который говоритъ такъ громко въ любви челоѣка къ его иногда суровой родинѣ».

Но въ свѣтлыхъ глубинахъ роднаго языка отражается не одна природа родной страны, но и вся исторія духовной жизни народа. «Въ сокровищницу роднаго слова складываетъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитого горя и прожитой радости,—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Языкъ есть самая живая и прочная связь, соединяющая отжившія, живущія и будущія поколѣнія народа въ одно великое историческое цѣлое. Онъ не только выражаетъ собою жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь.. Отнимите у народа

все, — и онъ все можетъ воротить; но отнимите у него языкъ, и онъ никогда болѣе уже не создастъ его»... Народъ тогда умиретъ.

Въ силу такихъ свойствъ народный языкъ является «величайшимъ наставникомъ, который училъ народъ уже тогда, когда еще не было ни книгъ, ни школъ и продолжаетъ учить его до конца народной исторіи». Вотъ почему обученіе родному языку должно стоять на первомъ планѣ, какъ въ дѣлѣ воспитательномъ вообще, такъ и въ школьномъ курсѣ въ частности. Родной языкъ объяснить ребенку природу, какъ не могъ бы объяснить ее ни одинъ естествоиспытатель. Изученіе родного языка «знакомить его съ характеромъ окружающихъ его людей, съ обществомъ, среди котораго онъ живетъ, съ его исторіей и его стремленіями, какъ не могъ бы познакомить ни одинъ историкъ; оно вводитъ его въ народныя вѣрованія, въ народную поэзію». Въ изученіи родного языка и кроется первое условіе націонализаціи воспитанія.

Другимъ условіемъ, способствующимъ народной постановкѣ воспитанія, Ушинскій считаетъ живое участіе въ этомъ дѣлѣ самого общества. Воспитаніе тѣмъ скорѣе встанетъ на свою настоящую національную дорогу, если вопросами воспитанія займутся и общественное мнѣніе, и литература; однимъ словомъ, общество должно близко къ сердцу принять педагогическіе вопросы, оно должно выяснитъ недостатки и нужды воспитательнаго дѣла, указать и средства удовлетворить ихъ. Только тогда воспитательная система народа выработаетъ свои собственныя народныя начала.

Наконецъ въ видахъ націонализаціи, въ частности, нашей русской педагогіи Ушинскій настаиваетъ на необходимости изученія началъ нашей народной жизни и народнаго характера. Эти начала и нужно имѣть въ виду, строя дѣло народнаго образованія. Въ связи съ этимъ Ушинскій дѣлаетъ попытку дать характеристику, правда—довольно общую и отвлеченную, русскаго народа, указать наиболѣе характерныя черты его. Вотъ эта характеристика. «Глубокіе, задушевные принципы патріархальнаго быта, чуждые юридической строгости, меркантильной жестокости

и разсчетливости западныхъ народовъ; преобладаніе то льющагося непримѣтнымъ ручьемъ, то разстилающагося широкою рѣкою славянскаго чувства, порывистаго, неровнаго, но имѣющаго достаточно силы, чтобы иногда однимъ натискомъ вынести человѣка изъ самой глубины нравственнаго омута на вершины человѣческаго достоинства, необыкновенное обиліе инстинктовъ, скорѣе угадывающихъ, нежели изучающихъ, необыкновенная, изумляющая иностранцевъ воспримчивость ко всему чуждому, льется ли оно съ востока или съ запада, и вмѣстѣ съ тѣмъ стойкость въ своей національности, хотя часто бессознательная; наконецъ древняя православная религія съ ея всемірно-историческимъ значеніемъ, религія, превратившаяся въ плоть и кровь народа: вотъ что должно проявиться въ народности русскаго воспитанія». Обиліе «природнаго славянскаго ума и добродушія и глубокіе слѣды христіанства» — этими данными Ушинскій въ другомъ мѣстѣ восполняетъ приведенную характеристику. Но во всякомъ случаѣ болѣе точнаго опредѣленія народныхъ началъ и указанія педагогическаго приложенія этихъ началъ у Ушинскаго мы еще не находимъ.

Изъ отдѣльныхъ мыслей, затронутыхъ въ педагогическихъ статьяхъ Ушинскаго, прежде всего слѣдуетъ остановиться на его опредѣленіи цѣли и задачъ воспитанія. По мнѣнію Ушинскаго, главную (но не единственную, конечно) задачу воспитанія составляетъ развитіе нравственной стороны питомца, и на первомъ планѣ въ дѣлѣ воспитанія всегда долженъ стоять нравственный идеалъ человѣка, — идеалъ, для котораго основою должно служить богооткровенное христіанское ученіе. И мы смѣло высказываемъ убѣжденіе, говорить Ушинскій, что вліяніе нравственное составляетъ главную задачу воспитанія, гораздо болѣе важную, чѣмъ развитіе ума вообще, наполненіе головы познаніями, разъясненіе каждому его личныхъ интересовъ.

Не допуская общей для всѣхъ людей педагогической системы и ставя главною задачею воспитанія — развитіе нравственной природы человѣка, Ушинскій естественно приходитъ къ мысли, что педагогика не наука, а искусство. Наука, по Ушинскому,

имѣть дѣло съ истинами, обязательными для всѣхъ по законамъ общаго человѣческаго мышленія; не можетъ быть французской математики, англійскаго закона тяготѣнія и т. д. Положенія науки одинаковы у всѣхъ народовъ; не то въ педагогикѣ. Воспитаніе должно имѣть дѣло съ основою всякой народности — съ характеромъ человѣка, а характеры разнообразны до безконечности. Поэтому и педагогика не можетъ претендовать на общечеловѣческое и научное значеніе предлагаемыхъ ею средствъ воспитанія.

Дальше, вмѣстѣ съ Миллемъ, слѣдуетъ признать, что наука, имѣя дѣло съ фактами, должна говорить о томъ, что есть; искусство же указываетъ на то, что должно быть. Отсюда педагогику и слѣдуетъ признать искусствомъ, такъ какъ она не изучаетъ того, что есть, а только указываетъ на то, что было бы желательнѣе видѣть существующимъ. Но на практикѣ съ такимъ выводомъ не могъ согласиться и самъ Ушинскій. Онъ требуетъ, чтобы воспитаніе было національнымъ и чтобы оно опиралось на національныя особенности извѣстной народности, но данныя этого рода намъ можетъ доставить только этнографія — наука; значить, въ основѣ воспитательной системы должны лежать научныя данныя. Но этого мало. Ушинскій, очевидно, долженъ былъ признать, что въ основѣ воспитанія, кромѣ національныхъ данныхъ, должны лежать данныя науки о человѣческой природѣ, объ общихъ свойствахъ и потребностяхъ человѣка. Вотъ почему Ушинскій и предпринимаетъ крупную работу въ данномъ направленіи, результатомъ чего явился его капитальный двухтомный трудъ «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Здѣсь Ушинскій даетъ обширныя и строго по тогдашнему времени научныя данныя, какъ физиологіи человѣка, такъ и психологіи, и то и другое при этомъ — въ отношеніи къ воспитанію. Въ виду такого своего содержанія трудъ этотъ справедливо можетъ быть названъ педагогической антропологіей, какъ его называетъ и самъ авторъ.

Много и часто Ушинскій говоритъ о воспитывающемъ обученіи и воспитательной роли учителя, почему онъ является противникомъ предметной системы обученія, отдѣляющей учителя

отъ класса. Самое же обученіе будетъ наиболѣе воспитывающимъ и развивающимъ въ томъ случаѣ, если ученику предоставляется возможно наибольшая самодѣятельность: не учить собственно нужно, а лишь помогать учиться. Наглядность при этомъ является лучшимъ средствомъ пробудить интересъ учащагося и пріохотить его къ работѣ, къ умственному труду. При такихъ условіяхъ школь не нужно будетъ принуждать учиться, и самая дисциплина, понимаемая въ смыслѣ принудительнаго воздѣйствія на учениковъ, окажется ненужной.

Большія надежды въ дѣлѣ гуманизированія воспитанія Ушинскій возлагаетъ на женщину и для нея самой она требуетъ широкаго образованія. Получивъ его, она не должна уклоняться отъ своихъ воспитательскихъ задачъ. Женщинѣ, говоритъ Ушинскій, врождено стремленіе учить и развивать свое дитя, вмѣстѣ съ тѣмъ даны для этого и необходимыя способности. Въ женскомъ характерѣ есть удивительно размягчающій элементъ, събѣдающій нечувствительно ту грубую кору, облекающую сердце, которая такъ упорно мѣшаетъ развитію мальчика заброшеннаго въ дѣтствѣ.

Другимъ представителемъ и защитникомъ идеи національной школы слѣдуетъ признать Стоюнина.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. (1826—1888 г. г.)¹⁾ происходилъ изъ простой и къ тому же обѣднѣвшей купеческой семьи. Строгая, степенная и нерѣдко нуждавшаяся семья наложила на него печать замкнутости и нѣкоторой застѣнчивости. По окончаніи гимназій, Стоюнинъ поступилъ на восточный факультетъ Петербургскаго Университета, мечтая о дипломатической службѣ въ Персіи или Турціи. Первоначальная специальность его, такимъ образомъ, не была педагогическаго характера. Но

¹⁾ См. *В. Сиповскій*, Біографическій очеркъ В. Я. Стоюнина, СПб. 1897; *Л. Модзалевскій*, В. Я. Стоюнинъ—приложеніе къ 2-му тому „Очерковъ по исторіи воспитанія“.

семейныя обстоятельства заставили его взяться именно за учительскій трудъ, и онъ, по окончаніи университета, сдѣлался учителемъ словесности въ той гимназій, гдѣ онъ самъ когда-то увлекался уроками словесности своего предшественника Власова. Увлечшись педагогическою дѣятельностію, Стоюнинъ отдается ей всею душою, близко интересуясь педагогическими вопросами; теперь начинается и литературная его дѣятельность ¹⁾. Въ 1871 г. Стоюнинъ принимаетъ предложеніе быть инспекторомъ классовъ Московскаго Николаевскаго Института, одною изъ цѣлей котораго было приготовленіе учительницъ и воспитательницъ. Но здѣсь съ Стоюнинымъ повторяется исторія Ушинскаго. Честный и прямолинейный, горячо взявшійся за новое и близкое для него дѣло, Стоюнинъ не сумѣлъ угодить нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ и долженъ былъ, не смотря на сочувствіе цѣнившей его императрицы Маріи Александровны, покинуть институтъ.

Но Стоюнинъ не оставилъ педагогической дѣятельности. Его жена открываетъ въ Москвѣ частную женскую гимназію, и Стоюнинъ, вмѣстѣ съ женою, работаетъ въ гимназій и какъ инспекторъ, и какъ преподаватель. До послѣднихъ дней своей жизни Стоюнинъ оставался вѣренъ своему дѣлу, и глубокая правда звучитъ въ его предсмертныхъ словахъ: «ну что же, я все-таки поработалъ»...

Модзалевскій называетъ Стоюнина «послѣдователемъ и продолжателемъ Пирогова». Но Пироговъ, какъ мы знаемъ, являлся сторонникомъ общечеловѣческихъ началъ воспитанія. Относительно же Стоюнина самъ Модзалевскій признаетъ, что, по мнѣнію Стоюнина, «для насъ знакомство съ своимъ прошлымъ и съ условіями и потребностями чисто русскаго воспитанія гораздо

¹⁾ Особенно важными статьями его являются: „Замѣтки о русской школѣ“, „Мысли о нашихъ гимназіяхъ“, „Гдѣ же гнѣздилося наше зло?“ „Воспитаніе въ XIX столѣтіи“, „О развитіи педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII ст.“, „Образованіе русской женщины“. См. Собран. педагогич. сочинен. СПб. 1892.

важнѣе отвлеченныхъ теорій объ общечеловѣческомъ развитіи». (Эта мысль у Стоюнина наиболѣе рельефно развивается въ статьѣ «О развитіи педагогическихъ идей въ XVIII ст.»). Вотъ почему мы относимъ Стоюнина къ группѣ педагоговъ національнаго направленія, считая его ближе примыкающимъ къ Ушинскому. Отъ послѣдняго онъ отличается только тѣмъ, что въ большей, сравнительно съ Ушинскимъ, степени отдаетъ должное значеніе общечеловѣческому элементу въ воспитаніи и нѣсколько точнѣе опредѣляетъ задачи *русской* школы.

Сущность педагогическихъ воззрѣній Стоюнина можно формулировать такъ. Школа можетъ правильно развиваться, жить правильною жизнью лишь подъ тѣмъ единственнымъ условіемъ, чтобы она воспитывала человѣка. А такъ какъ въ дѣйствительной жизни человѣкъ является гражданиномъ своего народа, то школа, воспитывая человѣка, должна воспитывать и гражданина; русская школа должна воспитывать русскаго гражданина.

Выходя изъ этого положенія, взгляды Стоюнина развиваются слѣдующимъ образомъ. Стоюнинъ присматривается къ по-вой, современной ему, преобразованной на западныхъ началахъ школѣ и видитъ, что она не оправдала надеждъ общества, не вызвала ожидаемыхъ восторговъ. Гдѣ же корень зла? Очевидно, нѣмцы и другіе иностранцы, которые насъ просвѣщали относительно устройства школы, хотя и дали намъ много хорошаго, тѣмъ не менѣе не все сказали, чего-то они не договорили. Именно, они не досказали, что «дѣло школы можно разсматривать только въ связи со всѣми условіями жизни того народа, для котораго она предназначена, въ связи съ его природными способностями и склонностями, въ связи съ его семьею и общественнымъ положеніемъ, что живая школа не преобразуется и не создается по чужой исторіи и по чужимъ опытамъ, потому что эти опыты дѣлались въ извѣстной средѣ, въ извѣстной мѣстности и въ извѣстное время, вызываясь требованіями времени, согласно съ его духомъ. Они объясняются и исторіей, и характеромъ народа. Этого нѣмцы намъ не сказали».

Что же нужно нашей школѣ, чтобы она сдѣлалась русскою? Нужно основать ее на почвѣ народной психологіи и исторіи, при ея организаціи принять во вниманіе характеръ и строй семьи, экономическія, климатическія и всякія другія условія нашей народной жизни. *Нужно согласовать школу съ русскими общественными потребностями*; она должна отвѣчать имъ, она должна удовлетворять ихъ. Въ чемъ же нужды, потребности русской жизни?

Мы, русскіе, страдаемъ большимъ недостаткомъ. Мы не умѣемъ, да и не хотимъ согласовать нашу личную жизнь съ общественными дѣлами и интересами; мы живемъ по принципу «моя хата съ краю—ничего не знаю». Оттого у насъ въ общественной жизни и царятъ или произволь или апатія. Наша обыденная жизнь показываетъ, что понятіе объ общественной нравственности еще не успѣло ясно войти въ сознаніе большинства русскихъ людей. Стремленіе жить только для себя или на общественный счетъ, уклоненіе отъ добросовѣстнаго труда—вотъ пороки членовъ нашего общества. У насъ слишкомъ слабо развито чувство нравственной связи съ обществомъ и съ народомъ. Мы не привыкли къ свободному труду, мы не умѣемъ продуктивно пользоваться научными данными. Вотъ съ чѣмъ должна бороться русская школа, вотъ потребности, которыя она должна удовлетворить. Она должна пробуждать въ юношествѣ чувства законности и достоинства личности, пробуждать любовь къ научному изслѣдованію, стремленіе руководиться въ жизни научными данными; она должна вводить въ сознаніе учащихся начала общественной нравственности и приучать къ труду. Только тогда изъ школы будутъ выходить «такіе люди, въ какихъ нуждаются и государство и общество».

Средствомъ проведенія національныхъ началъ въ школу является изученіе наукъ историческихъ и особенно словесныхъ. Русская исторія, а особенно русская словесность—вотъ эти науки должны занять первое мѣсто, особенно въ среднемъ образованіи. Только словесность нужно изучать не схоластическимъ методомъ, а живымъ, реальнымъ, основаннымъ на знакомствѣ съ самими произведеніями нашей словесности, а чрезъ нихъ— и съ

русскою жизнью, поскольку она выразилась въ идеальныхъ стремленіяхъ нашихъ писателей и нашего народа въ различные періоды нашей исторической жизни ¹⁾).

Среди душевныхъ мыслей Стоюнина были мысли, которыя еще болѣе роднили его съ Ушинскимъ. Это—мысль о тѣсной связи, которая должна существовать между семьей и школой: далѣе—мысль о тѣснѣйшей связи между нравственностію и знаніемъ ²⁾). Вотъ почему, подобно Ушинскому, Стоюнинъ очень серьезно смотрѣлъ на постановку и женскаго образованія, какъ лучшей опоры всякой нравственности.

Идея свободнаго образованія.

Не смотря на опыты реформъ, наша школа все же не давала желаннаго результата. И неопредѣленность общечеловѣческихъ идеаловъ, и односторонность національнаго направленія, и неестественное рабство предъ западною педагогіей,—все это, и особенно послѣднее обстоятельство, заставляетъ нашу педагогическую мысль искать новыхъ путей. Старое отжило свой вѣкъ, западныя начала не удовлетворяютъ запросамъ русской жизни, поэтому русская педагогика должна порвать съ тѣмъ и другимъ, должна создать новое, самостоятельное. Это новое слово въ педагогикѣ и пытаются почти одновременно сказать Писаревъ и гр. Толстой. Оба они являются представителями идеи свободнаго образованія.

¹⁾ Стоюнинимъ составлены работы: „О преподаваніи русской литературы“, „Руководство для теоретическаго изученія литературы“, „Руководство для историческаго изученія литературы“.

²⁾ Хотя въ этомъ пунктѣ Стоюнинъ близко становится и къ Пирогову, считая познавательную нашу дѣятельность основою нашихъ здравыхъ убѣжденій, а эти послѣднія—основою истинной нравственности.

Д. И. Писаревъ, хотя иногда и ссылается на Толстого, но все же онъ выступаетъ со своими педагогическими воззрѣніями нѣсколько раньше ¹⁾).

Исходнымъ пунктомъ воззрѣній Писарева является мысль о томъ, что воспитаніе есть насиліе надъ личностью ребенка. Черезъ воспитаніе взрослые по своему произволу, безъ спросу втискиваютъ молодую жизнь въ уродливыя формы, ломая такимъ образомъ чужія личности, чужія силы. «Какъ бы ни были разнообразны приемы воспитанія, всѣ они могутъ быть приведены къ двумъ главнымъ типамъ: къ воспитанію розгой или воспитанію авторитетомъ». И второй типъ воспитанія (авторитетомъ), по Писареву, ниже перваго. Первый по крайней мѣрѣ развиваетъ сообразительность, направленную хотя бы на изысканіе средствъ къ избѣжанію побоевъ. Второй же совершенно притупляетъ всякую мысль. Какъ бы то ни было, но въ обоихъ случаяхъ нѣтъ самостоятельной работы мысли, и самостоятельность будущаго человѣка остается незатронутой. Воспитаніе, такимъ образомъ, является ничѣмъ инымъ, какъ «дрессировкою».

Другимъ основнымъ положеніемъ Писарева является взятая имъ у Бокля идея о томъ, что «человѣчество подвигается впередъ только при помощи знаній и открытій и что нравственныя истины почти не имѣютъ никакого вліянія на быстроту и успѣшность историческаго развитія». Это общее правило примѣнимо и въ отношеніи къ каждому отдѣльному человѣку. «Умъ человѣку такъ же необходимъ, какъ жабры и плавательныя перья для рыбы... Только умный и развитой человѣкъ можетъ оберегать себя и другихъ отъ страданій при тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при которыхъ существуетъ огромное большинство людей на земномъ шарѣ». Далѣе. Только одни знаніе и трудъ, по Пи-

¹⁾ Педагогическія мысли Писарева затрогиваются въ статьяхъ „Наша университетская наука“, „Педагогическіе софизмы“, „Школа и жизнь“; отчасти касается ихъ Писаревъ и въ статьяхъ „Мотивы русской драмы“ и „Романъ кисейной дѣвушки“. См. Собр. Соч. СПб. 1900. т.т. III и IV.

сареву, могутъ сохранить человѣческую природу отъ полнѣйшей ея деморализаціи. Человѣка «облагораживаетъ, ведетъ его къ наслажденію только самостоятельная умственная дѣятельность, посвященная безкорыстному исканію истины и не подчиненная рутиннымъ и мелочнымъ интересамъ всендневной жизни. Чѣмъ бы ни пробудили вы эту самостоятельную дѣятельность, чѣмъ бы вы ни занимались — геометріей, филологіей, ботаникой, все равно—лишь бы только вы начали мыслить. Въ результатъ все-таки получится расширение внутренняго міра, любовь къ этому міру, стремленіе очистить его отъ всякой грязи и наконецъ незамѣнимое счастье самоуваженія. Значить, все-таки умъ дороже всего, или вѣрнѣе *умъ—все*».

Указанныя два положенія, развитіе которыхъ у Писарева мы только что видѣли, даютъ ему возможность и основаніе сдѣлать выводъ, что «воспитывать слѣдуетъ, какъ можно, меньше и что воспитаніе уже въ самомъ раннемъ возрастѣ можетъ и должно уступать мѣсто образованію». Воспитаніе ставить воспитателя между ребенкомъ и окружающею природою, а образованіе ставить ребенка въ непосредственныя отношенія къ этой природѣ. «Воспитаніе заставляетъ только повиноваться»¹⁾, а образованіе будитъ самостоятельную мысль, учитъ будущаго человѣка жить и распоряжаться своими силами. «Я думаю, говорить Писаревъ, нѣтъ надобности доказывать, что образованіе можетъ и должно начинаться съ перваго проблеска мысли въ ребенкѣ, и что оно во всякомъ случаѣ даже у насъ начинается гораздо раньше перваго книжнаго ученія».

Итакъ мѣсто воспитанія должно занять образованіе. И это послѣднее должно опираться на полномъ отсутствіи всякаго принужденія. Все, что изучается по принужденію, забывается при первомъ удобномъ случаѣ. Вотъ почему слѣдуетъ пріохочивать ребенка къ занятіямъ, а не приневоливать. При такихъ только

¹⁾ Эта мысль особенно рельефно развивается Писаревымъ въ его разсужденіи о воспитаніи Модотова. См. Соч. т. IV, 255.

условіяхъ умъ ребенка будетъ крѣпнуть и развиваться его самостоятельность, его инициатива, его характеръ. «Что ученіе можетъ идти совершенно успѣшно не только безъ розогъ, но даже, что несравненно важнѣе—безъ всякаго нравственнаго принужденія, это, говоритъ Писаревъ, доказано на вѣчныя времена практическимъ опытомъ гр. Толстого въ Яснополянской школѣ».

Отсюда школѣ ставятся такія задачи. Она должна, во-первыхъ, разбудить въ человѣкѣ любознательность, и во-вторыхъ, развернуть и укрѣпить силы его ума настолько, чтобы человѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь, могъ безъ постороннихъ руководителей искать и находить разумное удовлетвореніе для своей пробудившейся любознательности.

Дальнѣйшее развитіе и попытки обоснованія идеи свободнаго образованія мы находимъ у **гр. Л. Н. Толстого** ¹⁾.

Въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ Толстой примыкаетъ къ системѣ Руссо съ его идеею естественнаго, а потому и чуждаго всякаго принужденія воспитанія. И хотя теорію Руссо Толстой въ одномъ мѣстѣ называетъ «странной и ни на чемъ неоснованной» ²⁾, но это не мѣшаетъ ему не только обнаруживать общее тяготѣніе къ этой теоріи, но и дѣлать частнѣйшія ссылки на нее ³⁾.

Общее направленіе воззрѣній Толстого намѣтилось еще въ 1862 г., когда онъ выступилъ со своею статьею «О народномъ воспитаніи».

¹⁾ Педагогическія статьи гр. Толстого помѣщаются въ IV-мъ томѣ собранія его сочиненій (СПБ. 1899). Изъ литературы о Толстомъ: *Проф. Н. К. Маккавейскій*, Педагогическія воззрѣнія гр. Л. Н. Толстого, Труды Кіев. Д. Ак. 1902, № 5; Его-же, Л. Толстой въ роли религіознаго наставника дѣтей, тамъ же, 1909 № 3; *Е. Марковъ*, Теорія и практика Яснополянской школы, Р. Вѣстн. 1862 № 5; *Э. Кросби*, Л. Н. Толстой, какъ школьный учитель, М. 1908.

²⁾ Сочинен. IV, 6.

³⁾ Сочинен. IV, 231.

Толстой прежде всего хочет выяснить понятія «воспитанія», «образованія» и «преподаванія» (обученія). Преподаваніе, по нему, есть средство какъ образованія, такъ и воспитанія. Воспитаніе есть «принудительное, *насильственное* воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлю образованія такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ, а образованіе есть *свободное* отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другого—сообщать уже пріобрѣтенное имъ». Различіе воспитанія отъ образованія, такимъ образомъ, заключается только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть насильственное образованіе. Образованіе—свободно, а потому законно и справедливо, воспитаніе насильственно, а потому оно не можетъ быть оправдываемо разумомъ и быть предметомъ педагогики. Подъ образованіемъ, говоритъ Толстой, слѣдуетъ понимать «совокупность всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя развиваютъ человѣка, даютъ ему обширное міросозерцаніе, даютъ ему новыя свѣдѣнія. Дѣтскія игры, страданія, наказанія родителей, книги, работы, ученіе—насильственное и свободное, искусства, науки жизнь—все образѣваетъ».

Итакъ воспитаніе опирается на принужденіе. Но имѣемъ ли право мы, взрослые, насиловать природу ребенка, имѣемъ ли мы право воспитывать его?

Нѣтъ—отвѣчаетъ Толстой; идея воспитанія не можетъ найти себѣ оправданія и обоснованія ни въ этикѣ, ни въ психологіи.

Этика намъ говоритъ, что человѣчество не имѣетъ определенныхъ, вполне сложившихся и общепризнанныхъ нравственныхъ идеаловъ. Что такое наилучшій человѣкъ, мы не знаемъ; философія не даетъ намъ на это отвѣта. Значитъ, у насъ нѣтъ идеаловъ, которые могли бы служить конечною цѣлю воспитанія. Сознаніе добра и зла, независимо отъ воли человѣка, лежитъ во всемъ человѣчествѣ и развивается безсознательно вмѣстѣ съ исторіей. Оно есть, слѣдовательно, и въ каждомъ молодомъ поколѣніи, которое, подобно всякому другому, неизбежно

должно пройти свой путь проясненія для себя этого сознанія, каковой оно и пройдет непременно, совершенно независимо отъ нашихъ воздѣйствій въ этомъ отношеніи: мы, взрослое поколѣніе, не въ силахъ ни помочь, ни помѣшать ему въ этомъ ¹⁾).

Переходя къ психологическимъ обоснованіямъ воспитанія, Толстой останавливается на психологіи ребенка, принимая взглядъ Руссо на совершенство дѣтской природы. «Человѣкъ родится совершеннымъ—есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, какъ камень, останется твердымъ и истиннымъ. Родившись, человѣкъ представляетъ гармонію правды, красоты и добра. Вотъ почему во всѣхъ вѣкахъ и у всѣхъ людей ребенокъ представлялся образцомъ невинности, безгрѣшности, добра, правды и красоты» ²⁾). Если же такова природа дѣтской души, то развитіе ея силъ нужно предоставить ей самой, тѣмъ естественнымъ законамъ, которымъ подчиняется все живущее. Всякое воздѣйствіе съ нашей стороны на развитіе силъ питомца въ ту или другую сторону здѣсь не только не можетъ быть полезнымъ, но можетъ быть признано прямо вреднымъ. Въ противоположность неиспорченной природѣ дитяти взрослые слишкомъ далеко ушли отъ идеала естественнаго, чистаго человѣка, и причиною этого является такъ называемая культура. И чѣмъ выше человѣкъ

¹⁾ Не признавая безусловныхъ общихъ основъ морали, Толстой, очевидно, не признаетъ безусловной истинности и за христіанствомъ. Но впадая, какъ Толстой это часто дѣлаетъ, въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ все же не можетъ порвать съ христіанствомъ и богооткровенною религіею, полагая необходимымъ читать съ дѣтьми библію; а на дняхъ Толстымъ выпущено (на нѣмецкомъ языкѣ) специальное изложеніе для дѣтей христіанскаго ученія—*Die Lehre Christi dargestellt für Kinder*. Dresden, 1909.

²⁾ По вопросу о психологіи дитяти у самого Руссо находимъ противорѣчія—онъ допускаетъ прирожденность въ человѣкѣ самолюбія („себялюбіе“—egoïsme. См. Собр. Сочин. СПб. 1866, I, 1, 58). Да и у разныхъ народовъ въ различныя времена мы не всегда встрѣчаемъ оптимизмъ во взглядѣ на совершенство дѣтской природы. Оптимизмъ этотъ противорѣчилъ бы закону наслѣдственности. Подробнѣе объ этомъ см. у проф. *Маккавейскаго*, Пед. возр. Толстого, стр. 40—42.

стоитъ на лѣстницѣ цивилизаціи, тѣмъ больше въ его природѣ испорченности и тѣмъ меньше въ немъ естественной чистоты. Въ этомъ отношеніи простой народъ счастливѣе образованныхъ классовъ: вотъ почему онъ, по мнѣнію Толстого, не признаетъ прогресса и не стремится къ нему. Но если мы, взрослые, образованные люди, отравлены горькими «плодами просвѣщенія», если природа наша искажена культурою, то мы не имѣемъ права воспитывать молодое поколѣніе: оно чище, лучше насъ. «Я убѣжденъ, говорить Толстой, что воспитатель только потому можетъ съ такимъ жаромъ заниматься воспитаніемъ ребенка, что въ основѣ этого стремленія лежитъ зависть къ чистотѣ ребенка и желаніе сдѣлать его похожимъ на себя, т. е. болѣе испорченнымъ». Это похоже, развиваетъ онъ свою мысль, на стремленіе бѣднаго отнять богатство у богатого, чувство зависти стараго при взглядѣ на свѣжую и сильную молодость,—чувство зависти, возведенное въ принципъ и теорію.

Вотъ почему воспитанію не должно быть мѣста, его мѣсто должно занять образованіе. Задача послѣдняго должна заключаться лишь въ томъ, чтобы воспитатель передалъ тѣ знанія, какія онъ имѣетъ, молодому уму, ищущему ихъ. Дальнѣйшіе вопросы—чему учить и какъ учить, Толстой признаетъ дѣломъ излишнимъ. Критерій образованія не найденъ, чему и какъ учить—мы не знаемъ. Поэтому все дѣло образованія должно быть предоставлено его свободному естественному теченію. «Единственный критеріумъ педагогіи есть *свобода*, единственный методъ есть *опытъ*». Въ свободѣ, т. е. въ полномъ отсутствіи принужденія, заключается наилучшее мѣрило всѣхъ методовъ: чѣмъ съ меньшимъ принужденіемъ учатся дѣти, тѣмъ методъ лучше, чѣмъ съ ббльшимъ—тѣмъ хуже.

Итакъ передача знаній—единственная цѣль школы. Вмѣшиваться въ формированіе вѣрованій, убѣжденій, характера учащихся она не имѣетъ права: это было бы уже насиліемъ. Чтобы не допускать такого насилія, школа и должна предоставить учащимся полную свободу воспринимать только то, что они хотятъ и настолько, насколько они хотятъ.

Таковы педагогическіе взгляды Толстого, такова его теорія.

Опытъ практическаго приложенія своего принципа свободнаго обученія Толстой сдѣлалъ въ своей Яснополянской школѣ. Строй и порядки въ этой школѣ, по его собственному описанію, таковы.

Утромъ въ восемь часовъ ученики идутъ въ школу. «Съ собой никто ничего не несетъ—ни книгъ, ни тетрадокъ. Уроковъ на домъ не задаютъ.

Мало того, что въ рукахъ ничего не несутъ, имъ нечего и въ головѣ нести. Никакого урока, ничего, сдѣланнаго вчера, ученикъ не обязанъ помнить нынче. Его не мучаетъ мысль о предстоящемъ урокѣ. Онъ несетъ только себя, свою воспримчивую натуру и увѣренность въ томъ, что въ школѣ нынче будетъ весело такъ же, какъ вчера. Онъ не думаетъ о классѣ до тѣхъ поръ, пока классъ не начался. Никогда никому не дѣлаютъ выговоровъ за опаздываніе, и никогда не опаздываютъ.

Положимъ, по росписанію въ первомъ, младшемъ классѣ—механическое чтеніе, во 2-мъ—постепенное чтеніе, въ 3-мъ—математика. Учитель приходитъ въ (классную) комнату, а на полу лежатъ и пицаютъ ребята, кричащіе: «мала куча!» или: «задавили ребята!» и т. д. «Петръ Михайловичъ!—кричитъ снизу кучи голосъ входящему учителю,—вели имъ бросить».—«Здравствуйте, Петръ Михайловичъ», кричатъ другіе, продолжая свою возню. Учитель беретъ книжки, раздастъ тѣмъ, которые съ нимъ пошли къ шкафу; изъ кучи на полу верхніе, лежа, требуютъ книжку. Куча понемногу уменьшается. Какъ только большинство взяло книжки, всѣ остальные бѣгутъ къ шкафу и кричатъ: «и мнѣ, и мнѣ»... Ежели останутся еще какіе нибудь два разгоряченные борьбою, продолжающіе валяться на полу, то сидящіе съ книгами кричатъ на нихъ: «что вы тутъ замѣшались?.. Ничего не слышно. Будеть!» Увлеченные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только въ первое время, сидя за книгой, поматываютъ ногой отъ неулегшагося волненія. Духъ войны улетаешь, и духъ чтенія воцаряется въ комнатѣ. Съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ какимъ онъ дралъ за виски Митьку, онъ теперь

читаетъ кольцовскую книгу (такъ называется у насъ сочиненіе Кольцова), чуть не стиснувъ зубы, блестя глазами и ничего не видя вокругъ себя, кромѣ своей книги. Оторвать его отъ чтенія столько же нужно усилія, сколько прежде—отъ борьбы. Сядутся они, гдѣ кому вздумается: на лавкахъ, столахъ, подоконникѣ, полу и креслѣ. Последнее, какъ то попавшее въ комнату, представляетъ предметъ зависти для болѣе самостоятельныхъ личностей.

По расписанію до обѣда значится 4 урока, а выходитъ иногда три, иногда два, иногда и совсѣмъ иные предметы. Учитель начнетъ ариметику и перейдетъ къ геометріи, начнетъ священную исторію, а кончитъ грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вмѣсто одного часа классъ продолжается три часа. Бываетъ, что ученики сами кричатъ: «нѣтъ, еще, еще!» и кричатъ на тѣхъ, которымъ надоѣло.

Въ школѣ Толстой по возможности хочетъ избѣгать всякихъ наказаній. «Я убѣжденъ, заявляетъ онъ, что школа не должна вмѣшиваться въ дѣло воспитанія, подлежащее только семейству, что школа не должна и не имѣть права награждать и наказывать, что лучшая полиція и администрація школы состоятъ въ представленіи полной свободы ученикамъ учиться и вѣдаться между собою, какъ имъ хочется».

Толстой является наиболѣе типичнымъ представителемъ идеи свободнаго образованія, развивавшейся въ 60-хъ годахъ. И идеи этого теченія повидимому не умерли до настоящаго времени. Въ 1902-мъ году проф. Маккавейскій дающій серьезную и основательную критику теоріи Толстого, писалъ: «сейчасъ повидимому идеи Толстого забыты и никому не пужны». Но въ наши дни этого сказать уже нѣтъ возможности. Мысли Толстого повидимому воскрешаются въ современномъ направленіи т. н. свободнаго воспитанія.

Отдѣльные вопросы въ педагогiи 60-хъ г.г.

Крестьянская реформа выдвинула и поставила на первую очередь вопросъ о начальномъ образованiи, а этотъ вопросъ въ свою очередь выдвинулъ такого крупнаго дѣятеля по народному образованiю, какъ **баронъ Николай Александровичъ Корфъ** (1834—1883)¹⁾.

Корфа по всей справедливости называютъ «отцемъ русской земской школы» и «первымъ народнымъ русскимъ учителемъ разумной начальной школы». Ясно, такимъ образомъ, какiе важные вопросы нашей педагогiи связанны съ именемъ барона Корфа.

Получивъ хорошее образованiе, человекъ виднаго происхожденiя, обладающiй нѣкоторыми связями, Корфъ могъ бы составить блестящую карьеру. Но не карьеристъ онъ былъ по природѣ; это былъ человекъ живого дѣла, человекъ съ живою душею. Его симпатiи всегда влекли его къ простой сельской жизни, и его мечты всегда вращались вокругъ простаго люда, которому онъ такъ хотѣлъ послужить. По окончанiи Царско-сельскаго Лицея, онъ снѣшить удовлетворить свое главное стремленiе и поселяется въ своемъ родовомъ имѣнницѣ Нескучномъ, Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губернiи.

Всею душой онъ теперь отдается назрѣвшему дѣлу крестьянской реформы. Но искренно и горячо сочувствуя дѣлу освобожденiя крестьянъ, Корфъ понималъ, что это великое дѣло будетъ имѣть вполне благотворное значенiе только въ томъ случаѣ, если оно будетъ сопровождаться освобожденiемъ народа отъ тьмы невѣжества. Только надлежащее образованiе народныхъ массъ, по его мнѣнiю, могло являться залогомъ народнаго благополучiя и народнаго развитiя. Это положенiе было основнымъ

¹⁾ См. *Бар. Н. А. Корфъ*, Записки, Русск. Старина, 1884, 3—5; *Д. Семеновъ*, Педагогическiе очерки школъ Александровскаго уѣзда. Нар. Шк. 1871; *М. Песковскiй*, Баронъ Н. А. Корфъ, его жизнь и педагогическая дѣятельность. СПб. 1983.

догматомъ воззрѣній Корфа. И положеніе это для него не было одною мертвою отвлеченною истиной. Нѣтъ, оно было и основнымъ принципомъ всей его практической дѣятельности, когда онъ самоотверженно, со всѣмъ жаромъ души, отдается дѣлу народнаго образованія въ качествѣ убѣжденнаго и энергичнаго земскаго дѣятеля.

Прежде всего Корфа озабочиваетъ мысль о выработкѣ типа школы, наиболее подходящаго къ условіямъ нашего русскаго быта — мысль о *начальной народной школѣ*. Школа эта должна быть дешевою и краткосрочною. И вотъ имъ вырабатывается типъ народной школы, съ учебнымъ курсомъ въ три зимы, съ тремя отдѣленіями, которыя одновременно ведетъ одинъ учитель, въ одной классной комнатѣ.

Затѣмъ Корфъ въ качествѣ земскаго дѣятеля (членъ училищнаго совѣта) принимается за посаженіе новыхъ народныхъ школъ въ Александровскомъ уѣздѣ. Благодаря его энергій, здѣсь скоро возникаютъ все новыя и новыя школы, изыскиваются средства на школьное дѣло, школъ появляется значительное количество, и сельское населеніе встрѣчаетъ ихъ благожелательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ Корфъ работаетъ и надъ подготовленіемъ учительскаго персонала. Къ нему стекались молодые люди часто изъ довольно отдаленныхъ мѣстностей. Радужно давалъ онъ имъ пріютъ въ своемъ домѣ, производилъ провѣрку ихъ знаній, разъяснял имъ теоретическія основы приѣмовъ обученія, самъ давалъ для нихъ образцовые уроки въ школахъ, составлялъ подробныя программы по каждому предмету, устраивалъ учительскіе съѣзды; самъ горя огнемъ любви къ дѣлу народнаго образованія, онъ частицу этого огня сообщалъ и своимъ молодымъ сотрудникамъ, готовя изъ нихъ убѣжденныхъ работниковъ на нивѣ народной.

Скоро дѣятельность Корфа пріобрѣтаетъ болѣе широкое значеніе. Онъ началъ выпускать «Отчеты Александровскаго уѣзднаго училища совѣта», въ которыхъ подробно излагались: организація училищнаго совѣта и дѣятельность членовъ его, по-

рядомъ открытія народныхъ училищъ, ихъ программы, распределеніе занятій и все ихъ обзаведеніе въ учебномъ отношеніи.

«Отчеты» заинтересовали публику, принося значительный доходъ Александровскому училищному совѣту; они расходились въ тысячахъ экземпляровъ и знакомили всю читающую публику съ новымъ типомъ русской народной школы. По указанію и руководству Отчетовъ, земства и города разныхъ губерній, учебная администрація и ученые общества спѣшили насадить у себя новыя народныя школы, заимствуя отсюда всю организацію дѣла народнаго образованія. Такимъ образомъ, то, что было сдѣлано барономъ Корфомъ въ провинціальной глуши Александровскаго уѣзда, распространялось на всю имперію, получало общерусскій интересъ и значеніе¹⁾. Школьная практика Александровскаго уѣзда постепенно завоевывала права гражданства повсемѣстно въ Россіи, пока наконецъ эта школьная практика не была унормирована школьнымъ законодательствомъ (Уставъ 1874 г.). Жизнь и практика шли, такимъ образомъ, впереди законодательства, и послѣднее не только не способствовало ихъ движенію впередъ, но иногда значительно стѣсняло.

Одновременно съ практическою дѣятельностію Корфъ работаетъ на пользу народнаго образованія и перомъ, имѣя обширнѣйшую по педагогическимъ вопросамъ переписку (сохранилось болѣе 1000 писемъ), помѣщая статьи въ журналахъ и составляя учебники и руководства для народной школы.

Первоначально для обученія своей дочери Корфъ составилъ «Руководство къ обученію грамотѣ по звуковому способу». Выпущенное въ свѣтъ Руководство это быстро завоевало себѣ симпатіи въ педагогическихъ и учебныхъ кругахъ и въ первыя двѣнадцать лѣтъ выдержало 7 изданій, разоидясь въ 70000 экземпляровъ. Корфъ проводитъ здѣсь синтетическій пріемъ звукового метода. Чтобы ознакомиться съ пріемами обученія Корфа

¹⁾ Песковскій справедливо называетъ Александровскій уѣздъ того времени „педагогическою Меккою“, куда ходили на поклоненіе педагоги всей Россіи.

возьмемъ для образца «урокъ 1-й», какъ онъ излагается здѣсь. «Учитель ставитъ на планочку, прибитую къ классной черной доскѣ, букву *a*; громко ее произносить; всѣ ученики повторяютъ ее громко, и потомъ каждый отдѣльно громко говорить ее. Затѣмъ учитель пишетъ эту букву на доскѣ, и каждый изъ учениковъ пишетъ ее; тутъ дѣло не въ красотѣ, а въ томъ только, чтобы можно было узнать букву... Учитель показываетъ другую букву *m* и ставитъ ее на планочку на доскѣ. При произношеніи и письмѣ повторяется то же, что и при буквѣ *a*. Затѣмъ учитель вызываетъ къ доскѣ нѣсколько бойкихъ учениковъ и, поставивъ *m* послѣ *a*, говоритъ одному изъ нихъ: „произнеси первую букву“; ученикъ произносить—*a*; „произнеси и вторую букву“; ученикъ произносить—*m*; „произнеси одну за другою, да какъ можно скорѣе; что же у тебя вышло“? Ученикъ говоритъ—*am*... Затѣмъ учитель на планкѣ составляетъ слогъ *ma*... затѣмъ—слово *мама*; ученики его читаютъ и пишутъ“¹⁾).

Въ качествѣ школьныхъ хрестоматій Корфъ далъ „Малютку“ (первая послѣ букваря книга для народной школы и семьи) и „Нашъ Другъ“. Ушинскій находилъ, что его книга „Родное Слово“ не можетъ считаться вполне приспособленной къ потребностямъ народной школы и собирался заполнить этотъ пробѣлъ, составивъ особую учебную книгу специально для народной школы. Но Ушинскій не успѣлъ выполнить свое намѣреніе, и заполнить указанный пробѣлъ выпало на долю Корфа—его книги „Нашъ Другъ“. Цѣль этой книги онъ опредѣляетъ такъ: „посредствомъ ознакомленія учащагося съ окружающимъ міромъ повліять на улучшеніе его матеріальнаго и нравственнаго быта“. Такой взглядъ на книгу для класснаго чтенія въ народной школѣ нельзя не признать оригинальнымъ и въ высшей степени серьезнымъ. Дальше—Книги Корфа „Русская начальная школа“, „Наше школьное дѣло“ и „Наши педагогическіе вопросы“ являются у насъ первыми и капитальными трудами по училищевѣдѣнію. Онѣ обнимаютъ собою всю исторію русской народной школы,

¹⁾ Руководство, Изд. 6-е, М. 1871, 7—8.

со всѣми ея свѣтлыми и мрачными, положительными и отрицательными сторонами и указаніемъ ея желательной организаціи.

Неблагодарность общества постигла безкорыстные ¹⁾ труды Корфа. Въ 1872 г. онъ былъ забаллотированъ въ уѣздные гласные и такимъ образомъ почти отстраненъ отъ любимаго школьно-земскаго дѣла. Стѣсняли его теперь и различныя ограниченія, которыя вносились законодательствомъ въ школьное дѣло и стѣсняли работу земскихъ дѣятелей. (Напримѣръ, Инструкція Инспекторамъ народныхъ училищъ, оставлявшая въ вѣдѣніи земствъ почти одну только хозяйственную сторону школьнаго дѣла).

Послѣ своего отстраненія отъ земской дѣятельности Корфъ живетъ за границей. Но ни тамъ, ни на родинѣ, по возвращеніи изъ-за границы, до самой смерти онъ не перестаетъ интересоваться дѣлами народнаго образованія, откликаясь на различные вопросы этого дѣла горячими и серьезными статьями.

Въ числѣ вопросовъ, поднятыхъ теперь Корфомъ, особенно интереснымъ является вопросъ о повторительныхъ воскресныхъ школахъ; задача этихъ школъ въ томъ, чтобы дать возможность взрослому населенію воспроизводить и восполнить знанія вынесенныя изъ школы. Дѣло это Корфъ началъ осуществлять на практикѣ, лично открывъ двѣ воскресныхъ школы; имъ же составленъ «Руководитель для воскресныхъ повторительныхъ школъ».

Нужно замѣтить, что энергичная пропаганда бар. Корфа въ пользу упроченія и освѣженія элементарныхъ познаній взрослому крестьянскаго населенія на нѣсколько лѣтъ опередила подобную же пропаганду на-Западѣ; тамъ эта пропаганда особенно живо осуществилась въ Скандинавскихъ странахъ. Горячо отзывался Корфъ и на вопросъ о всеобщемъ обученіи.

Вся дѣятельность Корфа проникается однимъ началомъ—любовію къ народу и народному образованію; съ однимъ врагомъ онъ боролся всю жизнь—съ народнымъ невѣжествомъ. Въ

¹⁾ Доходъ отъ изданія „Руководства къ обученію грамотѣ“ и Отчетовъ Училищн. Совѣта шли въ пользу Училищнаго Совѣта на нужды школъ.

своей книгѣ „Наши школьные вопросы“ онъ приводитъ одно стихотвореніе („Родина“), гдѣ проходить такая дума:

«Ждетъ ли тебя, родина, счастье впереди?
Заблеститъ ли солнышко
Съ выси голубой
И пройдетъ ли ноченька
Съ тьмою вѣковой»?!

Эта мысль всю жизнь занимала Корфа.

Изъ другихъ педагогическихъ вопросовъ эпохи слѣдуетъ остановиться на вопросѣ объ отношеніяхъ государства и общества къ народному образованію. Государство теперь энергично и не всегда съ достаточною основательностію выступало со своими законодательными опытами по учебнымъ вопросамъ. Съ другой стороны равнодушнымъ къ школьному дѣлу не могло оставаться и общество, въ сочувствіи котораго школы еще Ушинскій видѣлъ главный залогъ успѣха послѣдней.

Какъ же государство должно относиться къ школѣ и въ чемъ должно выражаться содѣйствіе школѣ общества — эти вопросы теперь получаютъ особый интересъ, и попытки разрѣшить ихъ мы встрѣчаемъ въ работахъ *Юзефовича* («Чего требуетъ общественное образованіе». Кіевъ, 1859) и *Окольскаго* («Объ отношеніи государства къ народному образованію». СПб. 1872).

И тотъ и другой авторы доказываютъ, что школа не должна быть совершенно подчинена государству, что она должна быть свободна, и въ осуществленіи ея задачъ должно принимать широкое участіе общество. Но въ то же время по самому существу государства ему должно принадлежать право и обязанность заботиться объ образованіи народа. Государство должно вносить въ школьное дѣло единообразіе, ему же принадлежитъ и контроль за школою. Такимъ образомъ, въ дѣлѣ образованія между обществомъ и государствомъ должно быть взаимодѣйствіе, но все же преобладающимъ дѣятелемъ въ устройствѣ народнаго образо-

ванія, по крайней мѣрѣ—по воззрѣніямъ Окольскаго, должно являться государство.

Дальше—*Г. И. Паульсонъ* около 1870 года выступает однимъ изъ основателей перваго у насъ Фребелевскаго общества; такимъ образомъ начинаютъ зарождаться у насъ идеи до-школьнаго семейнаго воспитанія. Паульсонъ же является и научнымъ защитникомъ звуковаго метода обученія грамотѣ въ его синкретическомъ приѣмѣ¹⁾. Этому приѣму открывается путь работами Паульсона—«Методика грамоты по историческимъ и теоретическимъ даннымъ» и «Букварь для соединеннаго обученія письму и чтенію». Букварь вышелъ въ 1860 г. Въ слѣдующемъ же году появилось «Руководство для преподаванія грамотности» *Орбинскаго*, гдѣ находитъ свое осуществленіе синтетическій приѣмъ звуковаго метода.

Около 1860 же года *Золотовъ* и *Езтушевскій* своими работами впервые начинаютъ популяризовать у насъ наглядный методъ преподаванія ариметики, составленный по Грубе и замѣняющій старинный методъ отвлеченнаго изученія правилъ изученіемъ чиселъ.

Какъ видимъ, принципъ наглядности все настойчивѣе и настойчивѣе проникаетъ въ нашу педагогію; энергичную себѣ защиту этотъ принципъ нашелъ въ работахъ *В. И. Водовозова*. Въ дѣлѣ обученія онъ требуетъ самой широкой наглядности, опирающейся не только на зрѣніе, но и на другія наши чувства. «Мы знаемъ, говоритъ онъ, что ребенокъ пріобрѣтаетъ представленія и понятія лишь послѣ того, какъ предметъ разносторонне дѣйствовалъ на его чувства. Слѣдовательно, при всякомъ объясненіи предмета нужно обращаться къ чувствамъ ребенка: преподаваніе должно быть нагляднымъ въ обширномъ значеніи этого слова, т. е. слѣдуетъ не только показывать ребенку предметъ, но и да-

¹⁾ Аналитическій приѣмъ звуковаго метода, какъ намъ уже извѣстно, начиналъ у насъ насаждаться еще въ 30-хъ годахъ. Въ 60-хъ годахъ его защитникомъ выступаетъ *В. И. Водовозовъ* со своею «Русскою азбукой».

вать, гдѣ нужно, осязать его, дѣйствовать и на слухъ, и на обоняніе, и на вкусъ учащихся. Ребенокъ имѣеть понятіе лишь о томъ, что онъ видѣлъ и наблюдалъ, и только постепенно, чрезъ скопленіе новыхъ наблюдений переходить къ новымъ понятіямъ».

Требую, чтобы обученіе всѣмъ предметамъ велось наглядно, Водовозовъ совѣтуетъ вести на низшей ступени обученія такъ называемые предметные, или наглядные уроки, при чемъ ученики, подъ руководствомъ учителя, разсматриваютъ взятый предметъ и выражаютъ рѣчью замѣчаемые ими въ немъ признаки.

Начинаютъ, по-видимому, теперь у насъ интересоваться и вопросами историко-педагогическаго характера. Крупною работою въ этомъ родѣ является книга *Д. Н. Модзалевскаго* «Очерки исторіи воспитанія и обученія отъ древнѣйшихъ временъ до настоящаго времени».

Восьмидесятые годы, ц.-пр. школа и С. А. Рачинскій¹⁾.

Въ царствованіе императора Александра III, когда на первый планъ были выдвинуты принципы православія и народности, въ начальномъ образованіи восторжествовала идея церковно-приходской школы. Стремленіе придать начальному образованію религіозный характеръ и привлечь къ участію въ школьномъ дѣлѣ духовенство раздѣлялъ и самъ императоръ. Въ 1884 г., одобряя проектъ правилъ для церковно-приходскихъ школъ, императоръ собственноручно написалъ: «Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ». Побуждаемое царскою волею и находя поддержку какъ со стороны духовнаго начальства, такъ и со стороны министерства народнаго просвѣщенія, духовенство усердно принимается за школьное дѣло, и церковно-приходскія школы

¹⁾ См. *С. Танаевскій*, Памяти С. А. Рачинскаго, Каз. 1904; *А. Сосновскій*, С. А. Рачинскій и его педагогическія воззрѣнія, Кіевъ, 1906; также статьи о Рачинскомъ—Журн. Мин. Н. Пр. 1902, 12 и Народн. Образ. 1902, 9.

быстро растутъ въ числѣ. Дальше, до 1884 г. въ завѣдываніи церковно-приходскими школами духовенство было должно раздѣлять участіе съ представителями министерства народнаго просвѣщенія; теперь же эти школы были отданы уже всецѣло въ завѣдываніе духовенства.

До 1884 г. церковно-приходскихъ школъ у насъ числилось до 4547. Въ 1885 г. число ихъ стало уже простираться до 5500, не включая сюда большого числа школъ грамоты. Затѣмъ постепенно возрастая, онѣ къ 1893 г. достигли числа 12000 съ 931400 учащихся обоого пола.

Въ тѣсной связи съ развитіемъ церковно-школьнаго дѣла и стоитъ имя Сергѣя Александровича Рачинскаго (1833—1902). Онъ принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ разработкѣ упомянутыхъ раньше правилъ для церковно-приходскихъ школъ (1884-го г.), онъ же явился идеологомъ—обоснователемъ и защитникомъ идеи церковной школы.

Происходя изъ состоятельной помѣщичьей семьи, проведендѣтскіе годы въ благопріятной семейной обстановкѣ, подъ благотворнымъ вліяніемъ доброй матери и близко къ природѣ, которую онъ такъ любилъ,—Рачинскій въ молодые годы получаетъ прекрасное образованіе на естественномъ факультетѣ Московскаго университета. Его специальностію была ботаника, по которой Рачинскому принадлежитъ рядъ капитальныхъ трудовъ. До 1868 г. онъ состоялъ профессоромъ ботаники въ Московскомъ университетѣ. Въ указанномъ же году Рачинскій покинулъ кафедру и уѣхалъ въ свое родное Татево, Смоленской губерніи. Здѣсь онъ рѣшаетъ посвятить себя дѣлу народнаго образованія. Построивъ для Татевской школы новое обширное зданіе, онъ въ качествѣ учителя поселяется въ школъ, оставивъ свой барскій домъ. Здѣсь, окруженный деревенскими ребятишками, Сергѣй Александровичъ весь отдается полюбившемуся ему дѣлу ¹⁾. Самой школъ, въ которой

¹⁾ Татевская школа, представляющая собою дружную семью, группирующуюся вокругъ добраго учителя, вдохновила нашего художника Богданова-Бѣльскаго на извѣстную картину „Устный счетъ“, гдѣ центральной фигурой является учитель—С. А. Рачинскій.

Рачинскій работавъ много лѣтъ, онъ далъ совершенно новую организацію, а свои теоретическія воззрѣнія на школьное дѣло онъ раскрылъ въ цѣломъ рядѣ своихъ статей, составившихъ сборникъ «Сельская Школа».

Въ своихъ педагогическихъ воззрѣніяхъ Рачинскій выходитъ изъ идеи національной школы и, значить, какъ бы является духовнымъ сыномъ Ушинскаго. Но идея дальше Ушинскаго, онъ хочетъ воплотить эту идею въ жизни, хочетъ создать національную школу въ дѣйствительности. Какъ же сдѣлать это и какова

должна быть національная школа? Вот вопросы, которые ставить и хотеть разрешить Рачинскій.

Приступая къ рѣшенію ихъ, Рачинскій присматривается къ запросамъ простаго народа и характеризуя послѣдній, приходитъ къ выводу, что *«русскій народъ—народъ глубоко вѣрующій, и первая изъ его практическихъ потребностей есть общеніе съ Божествомъ»*. Эта же послѣдняя потребность можетъ удовлетвориться и дѣйствительно удовлетворяется только въ православной церкви и чрезъ церковь. Церковь указываетъ народу путь спасенія, научаетъ его жить по-Божьи и своимъ богослуженіемъ возвышаетъ душу. На почвѣ вѣры и сложились высокія нравственныя качества народа, а именно: высота и безусловность нравственнаго идеала, замѣчательная чуткость по всему доброму и прекрасному, любовь къ правдѣ, стыдливость и отвращеніе ко всему пошлomu, низкому. Русскій народъ вмѣстѣ съ тѣмъ талантливый, трудолюбивый, непритязательный народъ. Всѣ эти народныя дарованія находятся только въ зародышѣ: бѣдность, невѣжество и пьянство мѣшаютъ ихъ развитію. Но народъ хотеть пробудиться; доказательствомъ этого служить его необыкновенная жажда духовнаго просвѣщенія и христіанской жизни. Эту жажду и должна удовлетворить школа.

Чего хотеть народъ отъ школы? Онъ хотеть не того, чтобы школа была только «школою ариметики и элементарной грамматики», нѣтъ народъ хотеть, чтобы «школа сдѣлала изъ ребенка добраго христіанина». По народному понятію, школа, въ силу своего церковнаго характера и бытовыхъ условій, должна захватывать всю жизнь ребенка, быть не только учебнымъ, но и *воспитательнымъ* учрежденіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, школа должна сдѣлать ребенка и грамотнымъ, сообщить ему наряду съ добрыми навыками и полезныя умѣнія—читать, писать, считать, пѣть.

Итакъ, первое въ школѣ—это воспитательная сторона которая должна носить религіозно-церковный характеръ. Чтобы выполнить свою воспитательную задачу, школа всѣмъ укладомъ своей жизни должна походить на добрую христіанскую семью.

Взаимная любовь пусть объединитъ учащихся и учащихся. Законоучитель долженъ быть отцемъ школы; на его обязанности, между прочимъ, лежить по возможности неопустительно присутствовать на школьной молитвѣ.

Воспитательныя задачи церковной школы у Рачинскаго въ значительной степени опредѣляютъ и ея учебную программу. Закону Божию отводится первое мѣсто, а за нимъ непосредственно слѣдуютъ славянская грамота и церковное пѣніе. «Изученіе церковно-славянскаго языка, говоритъ Рачинскій—это такой педагогическій кладъ, которымъ не обладаетъ ни одна сельская школа въ мірѣ. Это изученіе, составляя само по себѣ превосходную умственную гимнастику, придаетъ жизнь и смыслъ изученію языка русскаго, придаетъ неизбежную прочность пріобрѣтенной въ школѣ грамотности». Воспитательное значеніе пѣнія ясно само собою. Далѣе слѣдуютъ родной языкъ, счисленіе и письмо.

По части организаціи школьнаго дѣла любопытна, между прочимъ, мысль Рачинскаго о возможности проведенія въ нашей школѣ въ подспорье учителю системы взаимнаго обученія. Во всякой школѣ, говоритъ Рачинскій, найдется два-три толковыхъ и усердныхъ мальчика, которымъ съ великою обоюдною пользою можно смѣло поручить младшихъ товарищей для нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ упражненій.

Итакъ въ исторіи нашей образованности Рачинскій является искателемъ *народной* русскоѣ школы, каковая, по его мысли, должна быть школою церковной, «школою христіанскаго ученія и добрыхъ нравовъ, школою христіанской жизни подъ руководствомъ пастырей церкви».

Рядомъ съ именемъ Рачинскаго нельзя не упомянуть имени другого представителя эпохи—*Ник. Ив. Ильминскаго*. Подобно Рачинскому, онъ выступаетъ горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ церковной школы; его книга для чтенія по славянскому языку, изданная для цер.-приходскихъ школъ, до сихъ поръ остается не превзойденною, не смотря на значительные опыты въ этомъ родѣ. Но особенно Ильминскій славенъ, какъ первый организаторъ дѣла просвѣщенія нашихъ восточныхъ инородцевъ

(татарь, киргизовъ и др.); дѣла, которому Ильминскій посвятилъ всю свою жизнь, всѣ свои силы. Стремясь поставить это просвѣтительное дѣло на началахъ христіанской вѣры, Ильминскій переводить на татарскій, киргизскій и якутскій языки священныя и богослужебныя книги, а для этого изучаетъ инородческіе языки, создаетъ, можно сказать, самую грамоту инородческую. Изъ учрежденной имъ въ Казани инородческой учительской семинаріи ученики его разносили его завѣты по всему Поволжью, въ Сибирь и Закавказье. И не могли ученики его не любить завѣтовъ Ильминскаго. Самъ отдаваясь всею душою школѣ и просвѣтительному дѣлу, Ильминскій и словомъ и дѣломъ исповѣдалъ свѣтлые принципы, существенно необходимые для всякой школы. Школа, говорилъ онъ, должна быть такъ поставлена, чтобы питомцы полюбили ее, чтобы они чувствовали себя въ ней тепло и уютно, а это будетъ и въ нихъ будить гуманныя начала и благородныя чувства.

Изъ отдѣльныхъ вопросовъ, поднятыхъ въ педагогической литературѣ 80-хъ годовъ, особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о гигиеническихъ условіяхъ воспитанія и физическомъ развитіи. Съ особенною обстоятельностью этотъ вопросъ изучается *проф. П. Ф. Лесгафтомъ*. Придавая огромное значеніе въ дѣлѣ воспитанія ребенка семьѣ, Лесгафтъ въ то же время съ большимъ вниманіемъ останавливается на вопросѣ о физическомъ развитіи въ школѣ. Этотъ вопросъ раскрывается у Лесгафта въ книгѣ, съ которою онъ выступилъ въ 1888 г.—«Руководство по физическому образованію дѣтей школьнаго возраста». Здѣсь мы видимъ едва не первую попытку поставить дѣло физическаго воспитанія на строго научную антропологическую почву. Принципомъ своей работы Лесгафтъ беретъ требованіе Руссо—укрѣплять тѣло питомца въ цѣляхъ сдѣлать его мудрымъ и рассудительнымъ, значить—прямо въ цѣляхъ его интеллектуальнаго преуспѣянія. Въ этихъ цѣляхъ Лесгафтъ и строитъ цѣлую систему гимнастическихъ упражненій, которыя постепенно усложняются. Всѣ упражненія должны развивать созобразительность питомца, почему преподаватель только даетъ общія разъясненія,

самыхъ же движеній не показываетъ: ученики должны догадываться сами.

Послѣдніе годы въ русской педагогикѣ.

Хотя и медленно, но все же наше образовательное дѣло на протяженіи своей многолѣтней исторіи двигалось впередъ. Не стоитъ на мертвой точкѣ оно и теперь, и за послѣдніе годы здѣсь замѣтно особенное оживленіе. На всѣхъ своихъ ступеняхъ русская школа съ каждымъ годомъ растетъ и множится. Высшія учебныя заведенія ежегодно переполняются жаждущими знанія; количество среднихъ учебныхъ заведеній съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе увеличивается; множится и начальная школа, развиваясь главнымъ образомъ въ направленіи трехъ типовъ: земская школа, церковно-приходская и начальная школа Мин. Народн. Просвѣщенія ¹⁾. Въ дѣлѣ начального народнаго образованія поднять и стоитъ на очереди вопросъ о всеобщемъ обученіи. Параллельно росту мужскихъ учебныхъ заведеній растетъ и дѣло женскаго образованія; особенно много за послѣдніе годы сдѣлано для высшаго женскаго образованія: почти во всѣхъ университетскихъ городахъ открываются женскіе курсы—какъ общіе высшіе, такъ и спеціальные (педагогическіе, медицинскіе, техническіе и др.).

Въ связи съ отмѣченнымъ раньше вопросомъ о начальномъ образованіи слѣдуетъ упомянуть поднятый также за послѣднее время вопросъ о дошкольномъ воспитаніи по идеѣ Фребеля. Хотя данными выставки «Дошкольное Воспитаніе», бывшей въ

¹⁾ По переписи 1897 года обучавшихся грамотѣ (грамотныхъ) было 25,862,000; получившихъ среднее и высшее образованіе—884,200 м. п. и 557,500 ж. п.; на все населеніе (129,239,000) это равно почти 21%. Въ частности ц.-приходскихъ школъ, по даннымъ церковно-школьной выставки 1909-го года, къ 1-му января 1908 г. всего состояло 40,377 съ 1,950,076 учащихся.

Кіевѣ въ 1908 году, установлено, что въ этомъ дѣлѣ Россія стоитъ позади почти всѣхъ культурныхъ государствъ ¹⁾, все же дѣтскихъ садовъ у насъ съ каждымъ годомъ становится больше, и самая идея ихъ постепенно глубже прививается общественному сознанию. Въ Петербургѣ еще съ 70-хъ г.г. существуетъ Фребелевское общество, съ курсами при немъ для подготовленія садовницъ въ дѣтскіе сады. Такое же общество и Фребелевскій институтъ при немъ открылось (въ 1908 г.) и въ Кіевѣ ²⁾.

Переходя къ идейнымъ, теоретическимъ движеніямъ въ современной нашей педагогикѣ, отмѣтимъ, какъ наиболѣе выдающееся изъ нихъ, т. н. *педологическое*; оно ставитъ своею задачею построить педагогику на строго научной почвѣ; эту почву отмѣченное движеніе ищетъ въ опытномъ изученіи психо-физической природы ребенка. А такъ какъ опытные науки и въ частности психологія за послѣднее время развиваются, главнымъ образомъ, благодаря эксперименту, то на эту же экспериментальную почву ставится и дѣло изученія природы ребенка вообще и въ частности его умственной жизни. Построяемая въ такомъ направленіи и педагогика получаетъ названіе экспериментальной педагогики.

Крупнѣйшими представителями этого движенія на Западѣ являются Стэнли Холль (американскій ученый), Лай и Мейманъ. У насъ въ Россіи въ 1901 г. открыто въ Москвѣ Педологическое общество (собственно — Отдѣленіе при Московскомъ Педагогическомъ Обществѣ), а въ 1904 г. такое же общество открыто въ Петербургѣ; теперь же въ Петербургѣ были открыты Педологическіе курсы, переименованные потомъ въ Институтъ экспериментальной педагогики. Изъ нашихъ педагоговъ, работающихъ

¹⁾ По послѣднимъ статистическимъ даннымъ во Франціи насчитывается до 5.683 дѣтскихъ садовъ (т. н. Ecoles maternelles), въ Англіи — до 13.692, въ Австро-Венгріи — до 3.250, въ Швейцаріи — до 828, въ С.-Американск. Соединен. Штатахъ — до 4.363, въ Японіи (въ 1892 г.) — до 170; у насъ дѣтскіе сады исчисляются единицами.

²⁾ О дѣтскихъ садахъ см. книгу А. Симоновичъ, Дѣтскій садъ, СПБ. 1909.

въ данномъ направленіи, слѣдуетъ указать А. П. Нечаева (его книги — «Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей», СПБ. 1901 и «Современная экспериментальная психологія въ ея отношеніи къ вопросамъ школьнаго обученія», СПБ. 1904), А. Ф. Лазурскаго («Очерки науки о характерахъ», СПБ. 1904) и проф. И. А. Сикорскаго ²⁾.

Другое движеніе въ современной педагогикѣ можетъ быть названо движеніемъ *свободнаго воспитанія*. Располагая специальнымъ печатнымъ органомъ («Свободное Воспитаніе»), движеніе это, какъ уже упоминалось, возрождаетъ принципы 60-хъ годовъ («свободное обученіе»), доводя эти принципы до неприемлемой въ жизни крайности.

В. Родниковъ.

~~2001~~
7286

²⁾ Экспериментальное движеніе въ педагогикѣ располагаетъ своею журналистикой; сюда относятся книжки экспериментальной педагогики при журн. „Вѣстн. Психологіи“ за 1908 г. и Отдѣлъ экспериментальной педагогики при журналѣ „Русск. Школа“, 1908—1909 г.г.

Важнѣйшія опечатки.

	Напечатано:	Слѣд. читать:
Стр. 10 строк. 3	сверх. сынъ	внукъ
— 28 — 3 —	XVIII в.	XVII в.
— 69 — 7 —	Кантъ	Контъ
— 70 — 8 —	классическое	классическаго
— 74 — 5 —	важнѣйшія	, какъ важнѣйшія,
— 75 — 12 —	природнаго	природою
— 76 — 13 —	необходимыя	необходимыхъ

4927.

НБ ПНУС

7286